

18+

Александра Крючкова

Сказки призраков Racconti di fantasmi

RUS
БИЛИНГВА
ИТА

Александра Крючкова
Сказки призраков. Racconti
di fantasmi. Билингва: Rus-Ita

<https://litres.ru/74150429>

ISBN 9785007006309

Аннотация

Сборник мистических и философских историй, поведанных призраками о Потустороннем мире, смысле жизни и смерти, поисках любви и трагических поворотах судьбы, о том, как важно оставаться собой, прислушиваться к внутреннему голосу и ничего не откладывать на завтра. Циклы рассказов, ранее опубликованные в книгах «Сказки призраков», «Рождество на Кузнецком мосту», «Тёмная башня», «Сны Старого Фонаря», «Racconti di Fantasmi», «Tales of Ghosts» — впервые на русском и итальянском языках. Премии: Э. По, Хичкока, Гофмана, Андерсена и др.

Содержание

СКАЗКИ ПРИЗРАКОВ. RACCONTI DI FANTASMI	7
О КНИГЕ	9
Д. И. Немельштейн: «О Любви и Смерти из Страны Туманов»	9
Н. А. Абрашина: «Александра Крючкова о жажде любви»	16
П. Г. Гулдедава: «Александра Крючкова — лауреат премии Н. В. Гоголя 2022»	24
М. А. Замотина: «Добрые и мудрые сказки-притчи Александры Крючковой»	37
А. Н. Карпенко: «Верите ли Вы в призраков?»	44
СКАЗКИ ПРИЗРАКОВ	47
ПРОЛОГ. Исключение из правил	49
I. ЛЮБИ МЕНЯ СЕЙЧАС!	64
1. Случайная Гостья	64
2. До завтра!	67
3. Белые одежды	73
4. Белый танец	76
5. Ветер Перемен	80
6. Город Дождей	85
7. Желание	90
8. Кайлас	95

9. Канарейка	104
10. Кошачье имя	108
11. Кристи	112
12. На берегу Темзы	120
13. Оракул	126
14. Художник и поэтесса	131
II. В РОЖДЕСТВО на КУЗНЕЦКОМ МОСТУ	133
1. Бог, Барсик и борщ	133
2. Грешница	138
3. Чаепитие	142
4. Бабушка	147
5. Иконописец	156
6. Воины Света	167
7. Застрявший Плутон	184
8. В Рождество на Кузнецком мосту	190
9. Храм, или Когда умирают феи	201
10. Пора в отпуск на Афон!	213
III. ВЕРШИТЕЛЬ СУДЕБ	218
1. Клюква	218
2. Спортсмен	225
3. За мороженое	234
4. Две женщины	238
5. Мертворождённая	242
6. Кофе	248
7. Ночной гость	254
8. Межгалактический Союз Писателей	259

Сказки призраков. Racconti di fantasmi Билингва: Rus-Ita

Александра Крючкова

Редактор В. Шильцын

Переводчик А. Крючкова

Иллюстрация на обложке Shutterstock.com

Иллюстрации в тексте Pixabay.com

© Александра Крючкова, 2026

© А. Крючкова, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-0630-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СКАЗКИ ПРИЗРАКОВ. RACCONTI DI FANTASMI

*серия «Игра в Иную Реальность»
la serie «Il Gioco in un'Altra Realta'»*

ПРЕМИИ книги / PREMI del libro:

• **«ТЕНЬ ПТИЦЫ» / «L'OMBRA dell'UCCELLO»**

им. Эдгара А. ПО / EDGAR A. POE, 2021

*Союз писателей России, НП «Литературная Республика»,
l'Unione degli Scrittori Russi, «Repubblica Letteraria»*

• **«ДЕЛО №...» / «IL CASO №...»**

им. Альфреда ХИЧКОКА / Alfred HITCHCOCK, 2021

*Союз писателей России, НП «Литературная Республика»,
l'Unione degli Scrittori Russi, «Repubblica Letteraria»*

• **«СКАЗКИ для ВЗРОСЛЫХ» / «RACCONTI per ADULTI»**

им. Э. Т. А. ГОФМАНА и Г. Х. АНДЕРСЕНА, 2022

Е. Т. А. HOFFMANN e H. Chr. ANDERSEN

Открытый Литературный Клуб «ОтКлук»

il Club Letterario Aperto «Risposta»

• **«СКАЗКИ XXI ВЕКА» / «RACCONTI del XXI secolo»**

им. Г. Х. АНДЕРСЕНА / H. Chr. ANDERSEN, 2022

Союз писателей России, НП «Литературная Республика»
l'Unione degli Scrittori Russi, «Repubblica Letteraria»

· **«ПИСАТЕЛЬ XXI ВЕКА» / «SCRITTORE del XXI secolo»**

им. Н. В. ГОГОЛЯ / N.V. GOGOL, 2022

Союз писателей России, НП «Литературная Республика»
l'Unione degli Scrittori Russi e «Repubblica Letteraria»

· **«ЗОЛОТАЯ РЫБКА» / «IL PESCE ROSSO»**

Союз писателей России, 2022

l'Unione degli Scrittori Russi, 2022

· **«ЭТО — ЛЮБОВЬ!» / «QUESTO È AMORE!»**

им. О. ГЕНРИ / O. HENRI, 2023

НП «Литературная Республика»

«Repubblica Letteraria»

· **«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЛИМП» / «OLIMPO LETTERARIO»**

Лига писателей Евразии, 2012

Lega degli Scrittori dell'Eurasia

О КНИГЕ

Д. И. Немельштейн: «О Любви и Смерти из Страны Туманов»

Книга философско-мистических рассказов Александры Крючковой «Сказки призраков» (о любви и смерти из Страны Туманов) похожа на ларец с драгоценностями: на каждой странице — нечто уникальное, но, примеряя истории на себя, читатель обязательно найдёт «своё»! Даже тот, кто не обременён страстью к мистификациям и со скепсисом воспринимает разговоры о Потустороннем мире, будет очарован смыслами, искусно вплетёнными автором в ткань увлекательного повествования. Эти истории не только отражают высокую степень писательского мастерства — они излучают Свет потаённой мудрости и наполнены божественной Любовью.

С автором «Сказок призраков», как ни странно, я познакомился у *Евгения Борисовича Рейна* на его семинаре поэзии в Школе буковских лауреатов 2012 в Милане, где в итоге Е. Б. Рейн объявил Александру Крючкову победителем по классу поэзии с вручением ордена им. С. Есенина «Золотая осень» и сертификата на бесплатное издание кни-

ги от Московской городской организации Союза писателей России.

Там же, в Милане, Александра была отмечена и на курсе прозы писателем *Виктором Ерофеевым*, который выделил для семинаристов её роман **«Книга Тайных Знаний»**, открывающий авторскую серию книг **«Игра в Иную Реальность»**.

«Сказки призраков» гармонично дополняют эту серию. Восхищает идея сборки рассказов в книгу: все главные герои — уже призраки. Переместившись на Тот Свет, они вместе с автором оказываются в длинной и медленной очереди в Небесную Канцелярию, расположенную в Городе Солнца, где каждому будет озвучена его дальнейшая участь. Чтобы скоротать время и согреть душу, призраки разжигают костёр, бросая в него свои истории — о жизни на земле. Волей Всевышнего автор — по факту слушатель историй — в итоге возвращается из Города Солнца на Землю, чтобы уже «по памяти» записать и передать людям **«Сказки призраков»**.

Книга неслучайно состоит из нескольких частей. Скомпонованная по принципу от земного к небесному, она неспешно уводит читателя всё дальше — в Тонкий Мир, туда, откуда планета-Земля видится едва различимой точкой в Бездне Космического Разума.

«Люби меня сейчас!» — философские истории о любви, объединённые сожалением и раскаянием главных героев в том, что они не смогли прожить данную им возможность

любви по-настоящему. Причины различны, но итог невозможно изменить: невыраженная любовь гложет душу, тянет в прошлое, куда вернуться уже не получится. Но возможно ли воплотить мечты в посмертной реальности?

История *«Кошачье имя»* из данного цикла достойна самых высоких похвал: она не просто трогательна — читатель ни капли не усомнится в том, что её рассказывает... преданный хозяину пёс! А рассказ *«Гостья»* взрывает сознание, казалось бы, тривиальным чаепитием... со Смертью.

«Вершитель Судеб» — шокирующие истории о тех, кто возомнил себя Богом: извращенцы-маньяки и вполне себе на уме — хладнокровные, расчётливые убийцы совершают преступления без зазрения совести.

Невероятная способность автора проникать в сознание маньяка достигает кульминации в ледящем душу, чисто *«хичкоковском»* рассказе *«Клюква»* и сражает читателя наповал, вызывая в нём страх не только болот, но и самой клюквы!

«Разбитое зеркало» — мистические истории в духе *Эдгара По* о явлениях призраков, каждая из которых поражает непредсказуемым сюжетом. География явлений обширна: Лондон, Париж, Рим, Прага, Москва, Нью-Йорк... Но где бы призраки ни появлялись — в современных офисах или в домах, идущих под снос, гуляют ли в парке у Лувра или посещают морской курорт в Италии — они ищут возможность завершить некую подвисящую при их земной жизни ситуацию,

которая не даёт им покоя после смерти, либо приходят на помощь ещё живущим близким. Рассказы столь трогательны, что не оставят читателя без сопереживания: он невольно ищет путь спасения для главных героев, обретая его вместе с ними и для себя.

И здесь — очередной шедевр — душещипательный рассказ **«Дом у станции»** о заброшенном деревянном доме, в котором собирается не одно поколение призраков, чтобы попить чаю, поиграть в шахматы и пережить счастливые мгновения прошлого. Именно третья (центральная) часть книги является дверью в Иную Реальность.

«Тёмная Башня», «Рождество на Кузнецком мосту» и **«Сказки Страны Туманов»** представляют собой рассказы обитателей Тонкого мира: ещё не воплощённых, но готовящихся к воплощению душ; развоплощённых, но тоскующих по телесности, а также истории иных существ — например, Чёрного Ворона, служащего Стражем в Стране Туманов, персонажей сказок и прочих мыслеформ.

Здесь улавливается влияние *Г. Х. Андерсена* и *Э. Т. А. Гофмана*, *О. Уайльда* и *С.-Экзюпери*, и жемчужиной данной коллекции, на мой взгляд, является сказка **«Кувшинка»**, кстати, трижды переизданная и полюбившаяся читателям.

В книгу «Сказки призраков» вошли как новые рассказы, так и изданные ранее (из книг «Верите ли Вы в призраков?» и «Кувшинка»), получившие положительные отзывы литераторов ещё при первом выходе в свет. Известный поэт и

прозаик **Александр Карпенко** правомерно сравнил новеллы Крючковой с мистическими триллерами **Эдгара По**.

Рассказы из книги «Сказки призраков» отмечены премиями: *им. Эдгара По* «Тень птицы» и *им. А. Хичкока* «Дело №...» (Московская городская организация Союза писателей России, НП «Литературная Республика», 2021), *им. Г. Х. Андерсена* и *Э. Т. А. Гофмана* «Сказки для взрослых» (Открытый Литературный Клуб «ОткЛиК», 2022), «Литературный Олимп» (Лига писателей Евразии, 2012) и другими.

Поразительная особенность прозы Крючковой — полное отсутствие грани между земной действительностью и Иной реальностью: за увлекательным чтением мы, подчас, даже не замечаем, что герой или героиня уже перешли в Потусторонний Мир! А всех персонажей книги — решительных и не очень, романтичных и расчётливых, любящих и ненавидящих, умных и наивных, счастливых и несчастных, богатых и бедных — объединяет одно: они смертны и, в основном, внезапно.

Мистическая составляющая мастерски сопрягается автором с повседневной рутинной и реальными событиями эпохи. Так, за фабулой «**Города Дождей**» стоит зловещая панорама гибели двух башен-близнецов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, в «**Застрявшем Плутоне**» — эпидемия коронавируса. В рассказе «**Развоплощённая**» слышится эхо Великой Отечественной войны: призрак женщины, некогда входившей в агентурную сеть и заброшенной в Италию в годы

войны, с материнским упорством уже полвека разыскивает своего сына, эвакуированного с детским домом в Сибирь.

В маленькой повести *«Спокойной ночи»* воссоздана картина бешеного ритма жизни и вращения в бизнес-кругах Москвы в злое 1990-е, когда были востребованы такие беспринципные люди, как обкрадывающий владельца мебельной фирмы Мешков и готовая на всё ради денег любвеобильная Оксана, с лёгкостью продавшая свою подругу заказчику убийства.

Весьма примечателен и образ Хрючкина (рассказа *«Фотоплёнка»*), выпукло и ярко выписанный автором с явным сарказмом. Мы видим госчиновника, благополучно перебравшегося из советской эпохи в эпоху кардинальных перемен: как получал он свои чаевые в виде процентов, взяток и откатов, так и получает. И он не погибнет — «Хрючкины» вечны...

Удивительно, что многие произведения из книги созданы Александрой в подростковом возрасте, настолько хорошо они огранены. Написанные пастельными тонами, они лиричны, нежны, в них сквозит лёгкая печаль и недетское понимание красоты мира, в котором надо всем превалирует Божественная Любовь. Изрядную её долю продуцирует и сам автор, будто так и оставшаяся жить на Земле в возрасте девочки-подростка. Но прав персонаж из её *«Прощания с детством»*:

«Времени не существует. Оно условно и относительно. И

ты научишься им управлять, когда поймёшь, что на самом деле совершенно не важно, сколько тебе лет на Земле, главное — кем ты себя ощущаешь...»

Да! Смотреть на мир детскими глазами, будучи взрослым человеком, — дар Творца.

После прочтения книги возникает ощущение, что автор неотрывно и пристально наблюдает за своими героями — и даже за читателем! — не со стороны, а как бы сверху, с разной высоты, то приближаясь к ним, то удаляясь, но никогда их не покидая... словно... ангел-хранитель.

Впрочем, на вопрос «Верю ли я в призраков?», процитирую мудрое *«Письмо из Астральных Скрижалей»*, включённое автором в «Сказки призраков»:

«Безусловно, любезный друг мой... в жизни моей происходили и другие необъяснимые случаи, связанные с перешедшими в Мир Иной, но признаюсь Вам, что больше всего меня всегда беспокоили взаимоотношения живых людей, поскольку именно они превращают некоторых из нас в призраков...»

Дмитрий Иосифович Немельштейн,

поэт, писатель, историк, член Союза писателей России

Журнал «Дети Ра» №1 (194), 2022

Журнальный зал «Горки Медиа»

Н. А. Абрашина: «Александра Крючкова о жажде любви»

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»

Евангелие от Матфея, 5:8

Ещё ни одна из прочитанных мной в жизни книг не вызвала во мне столь широкой гаммы эмоций, как **«Сказки призраков»** из авторской серии «Игра в Иную Реальность» Александры Крючковой — настолько разнообразны и многолики включённые в сборник рассказы, почти каждый — с непредсказуемым финалом!

Герои книги, увы, — призраки. Все они бродили по свету, любили, совершали хорошие и плохие поступки, ошибались, испытывали чувство вины. И однажды, покинув мир живых, попали в Иную Реальность, где делятся своими земными и небесными историями с душой автора, переместившейся из реанимации на Тот Свет, но по воле Всевышнего вскоре возвращённой на Землю.

Жажда любви, на мой взгляд, является основным лейтмотивом книги, и, несмотря на «призрачность» героев, — любви земной, поскольку божественной любви и в книге, и у автора хватит на всех. По ходу чтения возникает ощущение, что Александра любит не только большинство своих персонажей, но и каждого из ещё живущих, и переживает за всех

нас, чтобы однажды мы не оказались на месте того или иного призрака, сожалеющего об упущенных при жизни возможностях, поскольку большинство героев книги внезапно осознали, что *«жизнь закончилась, а мы так и не успели сделать в ней что-то очень и очень важное...»* (*«Разбитое зеркало»*)

И кажется, голос души автора, срываясь на крик, будет звучать подобно колоколу из её Иной Реальности вечно — во имя пробуждения каждого из ещё живущих на Земле:

«И от безысходности и собственной беспомощности... боль лишь многократно усиливается — это боль призрака, который не может ни переписать далёкое прошлое, ни утешить себя в нём, ни найти того, кого он потерял, чтобы сказать ему самое главное и... чрезмерно простое, но почему-то так и не произнесённое вовремя: „Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!“» (*«Там, где нас больше нет»*)

Герои Крючковой слишком поздно раскаиваются, что непозволительно легко разбрасывались близкими и мелочно меняли теплоту души на материальные блага (*«Застрявший Плутон»*, *«Белый танец»*, *«Кайлас»*, *«Канарейка»*).

Подчеркну редкостное явление в современной действительности — речь идёт о самоотдаче — не получить чью-то любовь, а выразить кому-то свою — вот что важно и главным героям, и самому автору: *«Сейчас, вспоминая эти эпизоды, я думаю: почему мы не говорим нашим близким добрых слов? Не поддерживаем в моменты нахлынувшей на них печали?..*

<...> Наверное, я любил её, но боялся признаться в этом себе самому... боялся ответственности и потери собственной независимости...» («Кайлас»)

Совершенно восхитительно в рассказе **«Кошачье имя»** устами главной героини — собаки — звучит вопрос: «Почему же люди, которые в отличие от собак, обладают даром речи, не в состоянии понять самих себя и друг друга, хотя бы просто для того, чтобы стать счастливыми?» Да-да, любовь — вот что самое главное для автора, да и не сказки вовсе её истории, а настоящая правда! А **«Правда открывается человеку только в любви и любовью»** (о. В. Шпиллер).

Несмотря на то, что **«Вере хотелось любви, а не ужасников»** («Сценарий»), рок преследует практически всех персонажей, а о печальных последствиях в судьбах тех, кто не замечал ни знаков «Стоп!» на своём пути, ни, напротив, «случайных» счастливых совпадений, говорится в рассказах **«На берегу Темзы»**, **«Город Дождей»**, **«Сценарий»**, **«Кайлас»**, **«Фотоплёнка»**.

Могла ли автор действительно попасть в Потусторонний мир, видеть призраков и даже беседовать с ними? **«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»**, — говорил Христос своим ученикам в Нагорной проповеди. Что означают эти слова? **«Чистые сердцем»** — искренние, правдивые, бескорыстные люди с открытым сердцем, в котором нет места самолюбию и гордости, порочным и нечистым мыслям, зависти и осуждению. Их сердца исполнены любви, милосердия и

кротости. Бог невидим, но Его можно видеть в Его действиях (энергиях), Его откровениях и в доступных человеку образах. Незлобивые и смиренные сердцем люди, ещё при жизни получившие дар прозорливости и чудес, способны созерцать Бога «очами сердца». Кроме святых угодников, даром видеть Господа обладают дети, потому что их чистое сердце открыто, они не лукавы, искренни и не умеют ещё лгать.

Героями историй Александры Крюковой часто являются дети (*«Кристи»*, *«Воины Света»*, *«Печать»*, *«Сценарий»*, *«Девочка и Море»*, *«Девочка и Кошка»*, *«Прощание с детством»*, *«Сон старого Фонаря»*, *«Лестница в Небо»*), иногда наблюдается погружение взрослых персонажей в воспоминания об их детстве (*«Дом у станции»*, *«Пианино»*, *«Там, где нас уже нет»*), что свидетельствует о важности данного периода для автора, только детство его предстаёт перед читателем совершенно не безоблачным. В нём звучит эхо печальных сказок Г. Х. Андерсена, отчётливо раздаётся слово «смерть». Сквозь разнообразные вариации на тему глубинного одиночества проглядывается очевидное — боль потери самых близких людей, невозможность найти понимание окружающих и, как следствие, обращение взгляда в Небо (*«Кувшинка»*, *«Лестница в Небо»*, *«Воины Света»*, *«Девочка и море»*, *«Девочка и Кошка»*).

Особую значимость, на мой взгляд, имеет лаконичная миниатюра *«Девочка и Кошка»*, героиня которого — маленькая девочка, потерявшая родителей. Её точка невозврата в

чужой и холодный земной город стала точкой перехода в Иную Реальность, но в её сердце до сих пор звучат «...чь-то жёсткие слова о том, что верящие в призраков — всего лишь сумасшедшие, которые никому не нужны... Спустя несколько лет Девочка и Чёрная Кошка обошли всю Землю, но так и не нашли себе места, ведь в какой бы город они ни забредали, в нём обязательно находились и те, кто отрицал существование призраков, и те, кто демонизировал чёрных котов. Тогда Девочка и Кошка решили уйти в метель, чтобы разыскать то место, где Земля переходит в Небо».

Впрочем, в том, что девочка, потерявшая родителей, получила доступ к Тонкому Миру, нет ничего удивительного, ведь Иная Реальность, о которой уже с двенадцатилетнего возраста пишет Александра (что следует из датировки её рассказов), существует, и дети — чистые сердцем, безгрешные существа — способны видеть его проявления, включая призраков. Да и по мере прочтения книги, я всё больше убеждалась, что, несмотря на физический возраст, автор в душе так и осталась той самой маленькой девочкой: «Казалось бы, трагичный жизненный опыт, в разы превышающий мой собственный, должен мгновенно превращать любое существо в старика или в старуху, но и выглядела Катя молодо, и в душе оставалась ребёнком». («Кайлас») и «Времени не существует. Оно условно и относительно. И ты научишься им управлять, когда поймёшь, что на самом деле совершенно не важно, сколько тебе лет на Земле, главное

— кем ты себя ощущаешь...» («*Прощание с детством*»)

Читать «сказки» Александры Крючковой — удовольствие, писательница умеет быть лаконичной, совмещая глубину философских мыслей с простым изложением и неповторяемостью сюжетов.

Однако «Сказки призраков» — книга для взрослых. И здесь вполне уместна маркировка 18+, поскольку в совершенно жутких рассказах, с отголосками детективных сериалов и даже триллеров Альфреда Хичкока, из цикла «*Вершитель Судеб*» («*Клюква*», «*За мороженое*», «*Спортсмен*», «*Две женщины*», «*Смертельно уставшие*»), описываются случаи психических отклонений, физического насилия и патологической жестокости. Два изощрённых убийства — «*Ночной гость*» и «*Мертворождённая*» потрясают до глубины души, а лёгкость, с которой совершаются преступления ошеломляет («*Кофе*», «*Ветер Перемен*», «*Межгалактический Союз Писателей*», «*Спокойной ночи!*»).

Страшно от осознания, что эти истории взяты из нашей жизни («*За мороженое*» напомнил мне откровение героя из цикла телепередач В. Познера «Человек в маске», а «*Спокойной ночи*» — разборы 1990-х). Александра Крючкова не стесняется показывать многогранность мира без прикрас, что подтверждается в «*Эпilogе*», при возвращении на Землю, когда автор обращается к читателю: «*Вы хотите понять: чёрная я или белая? Но в этом мире нет, не было и никогда не будет Чёрного отдельно от Белого. Я белая и чёр-*

ная одновременно. Как, впрочем, и вы».

Надо только не забывать, что главные герои этих рассказов уже предстали пред Судом Всевышнего, и каждый из нас однажды явится в Зал Суда. Только не подумайте, что в книге даётся назидательный рецепт «правильной» жизни. Читателю предлагается самому решать, какой выбрать путь. Но в каждой из рассказанных историй чувствуется боль автора за ближнего и молчаливый крик: *«Остановитесь! Задумайтесь!»* И не только о смерти, но и о том, всегда ли помощь, которую мы оказываем, благотворна — необходимо предусмотреть возможные ловушки. И будьте осторожны в своих желаниях — их трагические последствия воистину непредсказуемы (*«Желание», «Няня», «Вершитель Судеб»* и др.).

«Виктор Анатольевич стоял рядом со своим телом, безжизненно распластанным в чёрном кожаном кресле, залитым кровью, и бормотал: „Что здесь произошло? Я ничего не помню... Как это? Почему? Из-за чего?“ Внезапно в кабинете появилась няня. Она бросила на Иру тяжёлый взгляд, взяла Орлова за руку и молча увела за собой... в Зеркало...» (*«Няня»*)

Явления призраков ещё живущим на Земле, описанные Александрой Крючковой в цикле о неприкаянных душах, уже неоднократно сравнивали с Эдгаром По и другие рецензенты, с которыми я полностью согласна (Д. Немельштейн в журнале *«Дети Ра»* №1 (194) / 2022 и А. Карпенко в газете *«Поэтоград»* №12/2014).

Однако уникальный особняк в книге занимают истории, происходящие в Потустороннем мире. Фэнтези? Да, но именно здесь, помимо повести «*Тёмная Башня*» с провидческими словами Крючковой о био-лабораториях и самоиронии «*Храм, или Когда умирают феи*», находится кульминация книги — настоящий шедевр, рассказ «*Маг*», жемчужина из ожерелья мудрости. Цитировать бесполезно — «*У каждой души — свои задачи!*» — такое нужно читать целиком, и я уверена, вы запомните его на всю жизнь! Впрочем, каждая «сказка» — это отдельная судьба с совершенно непредсказуемым финалом!

Пронизанные жаждой жизни и любви «Сказки призраков» очевидно переданы нам из Иной Реальности как предложение задуматься об истинных ценностях, ответственности за свои поступки и слова, а главное — за растрату отпущенного нам на Земле времени, изначально предназначенного для... любви. Спасибо и браво автору!

Нина Александровна Абрашина,

публицист, врач,

член Союза писателей России

Газета «Литературные известия» №3 (213), 2023

П. Г. Гулдедава: «Александра Крючкова — лауреат премии Н. В. Гоголя 2022»

*«Я улыбнулась и раскрыла
свои белоснежные крылья:*

— Меня назначили твоим Хранителем!»

А. Крючкова, «Рождество на Кузнецком мосту»

Все мы родом из Космоса, только не все сохраняем свои белоснежные крылья.

«Рождество на Кузнецком мосту» Александры Крючковой представляет собой сборник рассказов, на первый взгляд, судя по названиям, православных. Безусловно, данные истории так или иначе имеют свои корни в православном детстве автора, а также связаны с воспоминаниями о её уединении в монастырях и пронизаны любовью к греческому Афону, на границе с которым Александра Крючкова провела много лет уже в зрелом возрасте. Но не спешите с выводами, читатель! Произведения писателей-мистиков выходят за рамки общепринятых стереотипов. В целом, соглашусь с закономерной победой автора в номинации имени Н. В. Гоголя конкурса «Писатели XXI века» (МГО СП России, «Литературная Республика», 2022), хотя, казалось бы, почти «го-

голевское» название *«Рождество на Кузнецком мосту»* имеет меньшее отношение к уважаемому мной Николаю Васильевичу (*«Ночь перед Рождеством»*, *«Вечера на хуторе близ Диканьки»*), чем включённые в книгу рассказы *«Грешница»* и *«Иконописец»*.

Всё начинается с очаровательного кота Барсика, а также ангела и чёрта, появляющихся почти одновременно в реанимации во время клинической смерти главной героини — рассказ *«Бог, Барсик и борщи»*, и тут же автор озадачивает читателя вопросом о его предназначении, как бы спрашивая: а вы пришли на Землю зачем?

«Возможно, служение Барсику и есть моя задача на Земле? Не Барсик ли — причина того, что я до сих пор жива? А может... служение Барсикам? Интересно, сколько котиков могла бы спасти за свою жизнь, а спасла всего одного...»

«А у меня внуков четверо! Пропадут без меня-то! Кто им борщи варить будет?»

« — Я? Монахиня?! — Людмила сжалась при одной лишь мысли об этом. — Ты хочешь сказать, что мне не суждено встретить земную любовь?»

Запомните вопрос про земную любовь и уход в монастырь, поскольку заключительный рассказ *«Пора в отпуск на Афон»* фактически является на него ответом, но автор умело проводит читателя в Небо по Лестнице, не перепрыгивая через ступени, потому что: *«У каждой души — свои задачи на Земле. Не выполнив их, продолжить путь в Небе не по-*

лучится».

После прочтения «Барсика» читатель подсознательно готов к развитию линии романтизированного автором монашества, однако следом — в рассказе «Грешница» — образ попа-пьяницы мгновенно разрушает иллюзию святости и напоминает персонажей рассказов Н. В. Гоголя. Так, в самую строгую неделю пасхального поста: *«Позавтракав яичницей и прихватив с собой пару бутербродов с сыром и колбасой, чуть не позабыв Евангелие и крест, приходской священник Алексей Прошкин не спеша отправился исповедать некую прихожанку Пелагею, умирающую от тяжёлой болезни. <... > Рассказанное умирающей до этого момента не особо интересовало батюшку, он даже чуть-чуть всхрапнул...»*

В истории о блудном батюшке, в итоге так и не отпустившем грехи матери своего сына, которую он сам же бросил на произвол судьбы, Александра Крючкова буквально переворачивает всё с ног на голову, меняет шаблонные представления читателя о греховности и святости:

« — Но вскоре, когда я сказала, что у нас будет ребёнок, он запретил мне рожать нашего сына...

— Сына? — батюшка нахмурил брови и затеребил Евангелие.

— Да, Слава Богу, не приняла хоть этот грех на душу! Мы ведь так и не поженились — испугался мой жених, променял меня на дочь богатого и влиятельного чиновника. А сын мой внешне — копия своего отца, и я назвала его Алё-

шей.

<...> В тот же вечер Алексей оставил рясу дома и отправился с друзьями в кабак. Сильно напившись, на следующее утро батюшка прогулял службу и всю Страстную Неделю провёл с друзьями, вспоминая Страданья Христа, не расставаясь с бутылкой».

Ситуация, описанная автором как бы со стороны, без личностных комментариев, блестяще доводится до едкого финала: *«На Пасху, <...> прихватив с собой церковного вина, Алексей отправился на могилу новопреставленной и столкнулся у кладбищенских ворот с красивым юношей. Батюшка узнал в нём сына, но сын не узнал бы в нём отца — тот слишком плохо выглядел...»* Дерзко? Согласен, но каждый из нас помнит с детства: «в семье не без урода», и теперь читатель подсознательно доверяет автору — писательница смотрит правде в глаза, какой бы горькой та ни была, а значит, всё, что она рассказывает — правда.

В грамотно подобранный момент дверь в Иную Реальность приоткрывается замысловатой историей с незамысловатым названием *«Бабушка»*, главная героиня которого принимает решение: *«Умереть в Париже, городе Любви, из-за её ненахождения — чем не сюжет для романа?»* Бабушка автора действительно жила в Париже и была католичкой, в рассказе она заботливо и, что немаловажно, заблаговременно проводит горе-внучку в Иную Реальность на встречу к падре, в очередь к которому уже выстроились неприкаянные

души: «„Сжальтесь надо мной! На Библии клянусь: я совершил массу добрых дел за 200 лет!“ Падре кивнул, прекрестив шею несчастного призрака, и тот тут же исчез. А я бросила очередной взгляд на обратный отсчёт своего земного времени — оставалось 7 дней. Да-да, как я и планировала. Но провести на Том Свете 200 лет, подобно призраку, — совершенно не входило в мои планы! Но что же я смогу сделать здесь, в Париже? В чужом мне городе, когда я даже не знаю французского!!! Как совершить столько добрых дел, чтобы...?»

Сколько добрых дел стоит одна грешная мысль? И что бы сделали вы за 7 дней, чтобы стереть её в скрижалях, даже ещё не совершив греха? Александра Крючкова в своих произведениях предоставляет читателю возможность побыть в шкуре главного героя в экстремальной ситуации, чтобы принять для себя единственно верное решение — найти выход из тьмы к свету. Интересный приём: бабушка не произносит в течение всего повествования ни слова — обет молчания! — усиливая интригу сюжета. Это впечатляющий рассказ о силе добрых дел, вне зависимости от того, на кого или на что они направлены. К тому же творить добро можно и после перехода в Иную Реальность, и никогда не следует отчаиваться и сомневаться в неизбежной победе добра над злом!

Хочу отметить, что непредсказуемость — одна из отличительных черт творчества Александры Крючковой, при этом каждый рассказ имеет свою тональность и настроение, свой

аромат Иной Реальности.

«*Иконописец, или Квартирный вопрос*» — очередная ирония судьбы! Несмотря на серьёзность вопроса, в данной истории, написанной от лица мужчины, автор демонстрирует отменное чувство юмора. Если святые грозят вам пальцем с икон, а забавные черти высовываются из стен смежной квартиры и просят рюмочку коньячка, не спешите вступать с ними в разговор, ведь не у каждого из вас есть таинственная монахиня, готовая молиться об их исчезновении.

«Из стены вылезла голова чумазого чёрта.

— Коньячку не найдётся? — поинтересовался он.

— А разве бесы пьют? — ошеломлённо спросил я.

— Нет, конечно! Нюхают! — чёрт расплылся в улыбке чеширского кота и, хихикнув, подмигнул: — Нас к земному тянет — праной не корми! По телу скушаем — потому в живых и вселяемся!

«Чёрти что!» — подумал я, не особо доверяя рогатому, но пригласил его на кухню и попросил рассказать, что здесь происходит, в обмен на бутылочку Реми Мартин.

— Что происходит? — усмехнулся чёрт. — Война, братан!

— За душу соседки? — переспросил я.

— Не, за все!..»

В этой истории тема ухода в монастырь проявляется уже в трехкратном размере — две монахини и будущий монах-иконописец, судьба каждого из которых уникальна, ибо

«неисповедимы пути Господни».

Рассказ *«Певчие, или Воины Света»*, идущий следом, объясняет читателю тягу автора к монастырям: две девочки из церковного хора, исполняющие а капелла самому Патриарху Всея Руси Алексию II во время божественной литургии в главном соборе страны, задают друг другу совсем не детские вопросы, потому что им *«уже не хватало уклончивых ответов священников»*, но находят диаметрально противоположные ответы.

« — Последнее время я всё о Боге думаю, задаю себе вопросы и не могу на них ответить... <...> Мне в церкви хорошо, спокойно. Но иногда кажется, что Бога нет, и после смерти тоже ничего нет...

— Брось! Я часто чувствую, как родители приходят ко мне в гости. Самих их не вижу, но знаю: они — вот здесь, совсем рядом. И во сне приходят! Жизнь не заканчивается похоронами! Просто никто не в состоянии вместить в себя даже одной Галактики, познать её устройство и замысел. Боже, какая же Великая Сила управляет Вселенной! Думаешь, мы рождаемся, чтобы умереть? Не верю! Представь: человек говорит с тобой, думает, рассуждает, и вдруг, через секунду, нет его больше — умер. Куда делось его мыслящее Я, сознание? Нет, Элла, я не хочу верить, что сознание угасает навсегда. Не может так быть, не всё исчезает вместе с физическим телом. Бог есть, как минимум потому, что я так чувствую.

— Но зачем Бог посылает людям беды? Зачем он забрал у тебя родителей?

— Откуда ты знаешь, кто посылает беды, и кто забрал моих родителей? — помрачнела Алла. — Может, это был Дьявол?

— Тогда получается, что Дьявол сильнее Бога, — вздохнула Элла».

Крючкова в литературе — настоящий философ, она смело берёт читателя за руку и ведёт к кульминации борьбы добра со злом не где-нибудь, а в епархии самого Бога:

« — Я всё больше убеждаюсь, что Его нет. Сегодня, например, убили ни в чём не повинные звезды, и Бог даже не противился. А ведь это произошло в Его епархии, вернее, в Его собственном доме — в церкви!

— Церковь призывает к творению добра, к прощению и любви к ближнему, не на словах, а на деле. Бог — это всё хорошее и совершенное, собранное в единое целое. Стремление к Богу — это стремление стать лучше тебе самому, тогда автоматически к лучшему изменится и наш мир. Нет? Но люди видят соринки у всех, кроме себя... вера — это путеводная нить, а надежда — посох. Без посоха идти сложнее. А без веры в пути заблудиться легко.

— Красиво сказала, но... от правды жизни — далеко».

Алла, отстаивающая в спорах с подругой торжество Сил Света, теряет не только подругу, досрочно ушедшую из жизни из-за домогательств отчима, но и обещанное ей место во

взрослом хоре — его отдадут безголосой дочери священника.

Поразительно, что автор не занимает ни одну из сторон в спорах главных героев, но финальная фраза в сцене, где все они, по разным причинам переместившиеся в иной мир, причислены к воинам Света, говорит о бескомпромиссной вере автора в торжество справедливости: *«Привет, воины Света! Силы Тьмы не дремлют! Не расслабляемся, чтобы на Земле не говорили, что Дьявол сильнее Бога! Итак, на сегодня задания у нас следующие...»*

«Рождество на Кузнецком мосту» очаровательно и местами юмористично, благодаря гротеску — автор будто жонглирует контрастными ёлочными шарами на фоне повтора декораций Кузнецкого моста и рефреном шагающего по нему Рождества. Воплощённые души не только не помнят своих договорённостей перед воплощением, но и напрочь отрицают существование Потустороннего мира: *«Слушай, ну какие призраки, Алис? Нет там ничего. Есть только „здесь и сейчас“! Я столько литературы изучил по всем смежным направлениям! Ни Бога, ни Дьявола не обнаружил!»*

Интересно, что тема ухода в монастырь воскресает здесь уже с неизбежностью и звучит набатом предпоследнего воплощения, несмотря на то, что *«Рождество»*, возможно, является самым сексуальным рассказом автора, воспевающего Иную Реальность: *«Боже, какая красота! И посмотри, посмотри — всё такое ПЛОТНОЕ!!! Не какая-то там визуализация или голограмма, как у нас! <...> Мы зашли в номер,*

Вася включил приглушенный свет, и мы, наконец-то, рухнули в широченную кровать... десять лет спустя. Кто бы мог подумать! <...> Секс после определённого возраста — это когда „все свои“, нет ничего неизвестного и стеснительного и не требуется ставить рекордов для книги Гиннесса — вы принимаете друг друга такими, какие вы есть, и просто радуетесь тому, что все живы-здоровы и вместе здесь и сейчас, что можно не только понежиться, но и выговориться... <...> „Я уйду в монастырь и буду отмаливать таких, как ты! А потом мы встретимся, в Рождество на Кузнецком мосту, уже призраками! И тебе будет стыдно, что ты в нас же самих не верил!“»

Всё выше по ступеням Лестницы в Небо, всё ближе — развязка. **«Храм, или Когда умирают феи»** — сказка для взрослых о попытке феи переписать сценарий судьбы бизнесмена, которого представитель сил Тьмы уговаривает снести храм, чтобы построить казино. А вы знаете, когда умирают феи? Крючковой, на удивление, блестяще удаётся писать о земном бытие с точки зрения бытия небесного, будто сама она живёт в Иной Реальности или является той самой феей, отправленной в наш мир для борьбы с силами Тьмы.

Заключительный рассказ цикла, **«Пора в отпуск на Афон»**, самый таинственный, пронзительно-печальный и уже абсолютно не земной. Но именно в нём жажда земной любви зашкаливает, ведь впереди у главной героини — лишь уход в монастырь на Афон — как последнее воплощение

всех тех, кому земная любовь уже не положена: *«Всё, что на Земле, предстаёт здесь в виде голограмм, но невозможно материализовать физическое тело, чтобы почувствовать друг друга... Он делает вид, что сказка станет былью, а я делаю вид, что верю... Внезапно я почувствовала себя столь одинокой! Вряд ли кто-то на Земле может себе представить, каково это — быть Воином Света! Тьма сгущалась...»*

Впечатляет тот факт, что Крючковой удаётся в миниатюре (!) об «отпусках» и «командировках» на Землю в целесообразный и согласованный с Высшими Силами *«фрагмент шахматной партии турнира в несколько тысячелетий»* поведать об устройстве Вселенной, перевернуть шаблонное представление о человеческой жизни на 180 градусов и позволить читателю взглянуть на себя с такой высоты, где *«не приживаются те, кто злится»*.

«„Отоспийсь на Том Свете!“ — говорила мне бабушка, но была не права: выспаться можно лишь на Земле!»

Книги Александры Крючковой производят на меня магическое воздействие: обыденные диалоги фантастических персонажей приглашают взбудораженное сознание, и ты проникаешь в ткань повествования, в её Иную Реальность, и становишься соучастником происходящего настолько, что, когда персонажи спокойно говорят тебе о невозможном, как о рядовом, обыденном факте, ты веришь в действительную возможность невозможного. Вселенский охват автора и ки-

нематографический стиль письма позволяет нам бродить по улочкам современного Парижа, но одновременно наблюдать за строительством Вавилонской башни и видеть развалины Карфагена, где древний оракул задумчиво разглядывает смартфон в своей руке, прекрасно понимая, что для чудесных предсказаний не требуется никакого технического средства.

Александра Крюкова — по-своему уникальный писатель, один из живых классиков современной литературы, чьи произведения напоминают молебны о ниспослании людям благодатного дождя и раскрытые над человеком (или даже человечеством?!) белоснежные крылья незримого ангела-хранителя. Впрочем, масштаб многих талантливых и нестандартных писателей в толпе среднестатистической массы сочинителей попросту не замечают, а некоторые и не хотят замечать, ибо всё их окружающее, независимо от уровня одарённости — питательный криль издательских «китов». И всё же надежда на торжество справедливости умирает последней!

Пётр Георгиевич Гулдедава

*Член Академии Российской литературы,
Заслуженный писатель МГО СП России,
Руководитель ЛИТО «Свежий взгляд»,
Главный редактор альманаха «Шарманка»*

М. А. Замотина: «Добрые и мудрые сказки-притчи Александры Крючковой»

«Здесь у каждого есть свой дом, но его надо найти...»

А. Крючкова

Есть мнение, что сказки любят все — и дети, и взрослые. Наверное, потому что жанр этот особенный, волшебный. В сказках возможны самые невероятные превращения и перевоплощения, героям подвластно перемещаться в любой из существующих и несуществующих миров, вымысел неотделим от реальности.

Сказок в наши дни много. И в книжных магазинах, и в электронных библиотеках. Безусловно, в новом веке в русской сказочной традиции появились новые черты. «Какие?» — спросит читатель. Что может измениться в сказке? Ведь сказка — жанр древний и всем понятный. Но и в то же время сегодня в ней мы видим и новые стилистические приемы, и новую предметность, и особой остроты актуальность.

Сказки Александры Крючковой, в первую очередь, отличается доверительная интонация. Автор словно ничего не выдумывает, она не фантазирует, не лукавит. Разве нет Страны Снов? Или Страны Туманов? Есть, конечно. Мы это точно

знаем. Почему? А потому что автор говорит с нами, читателями, как с близкими, родными людьми. Мы доверяем ей, и это располагает нас к её героям.

У всякого литературного произведения, как и у музыкального, есть своя тональность. И у сказок Александры Крюковой она тоже есть. Но тональность, как и музыку, надо слушать. Не сомневаюсь, каждый читатель это сразу поймёт, с первых же строк: *«Пушистая верба дремала в венецианской вазе на подоконнике, когда на её веточке появилась нежная Бабочка...» («Сон старого Фонаря»)*

Но совсем по-другому начинается и звучит *«Лестница в Небо»*: *«Олеся с замиранием сердца ждала свой самый любимый праздник — Новый год, именно как Новый, чтобы тот кардинально изменил её жизнь. Девочка уже давно болела, но врачи заверяли, что Олеся вот-вот поправится. А в качестве подарка ей, как всегда, хотелось получить книжку о звёздах».*

Для меня сказка — это, в первую очередь, настроение. Книжка Александры прекрасно проиллюстрирована самим автором. А если совпадает слово и видение слова, то это — особое настроение! Александра Крюкова и как писатель, и как художник не дотошна в мелочах, её мир ярок, элегантен, добр и очень прост в восприятии. Это восхитительно! Картинки яркие, элегантные. Весёлые и добрые. И такие понятные!!! И в то же время сказки Александры никак не назовёшь статичными красочными полотнами. В них всё в дви-

жении. В движении мысли и мечты.

Очень важно, что новые сказочные миры Александры Крючковой, а в этой книжке их несколько, нам, читателям, доступны. Как доступны они и её героям. И мы даже не задумываемся, почему легко и естественно воспринимается, казалось бы, несовместимое во времени и пространстве, — Александра прекрасно владеет законами жанра, в её сказках атмосфера обыкновенного чуда не противится подлинной географии: *«День рождения — грустный праздник. Хорошо, что он случается нечасто. Гости, из года в год повторяющие одни и те же пожелания, уже разошлись. Но на этот раз Петя чувствовал: вместе с гостями его жизнь навсегда покидает неуловимое Нечто, и он никак не может повлиять на ситуацию — ни остановить, ни вернуть это Нечто. Оно оставляло мальчика наедине с огромным взрослым миром, столь не похожим на сказку, а плюшевый мишка грустил в кресле и ждал, когда же Петя обратит на него внимание, обнимет и скажет что-нибудь доброе и ласковое...»* (**«Прощание с детством»**)

Чудесным образом живут герои Александры Крючковой в природе. В сказке **«Кувшинка»** — и сам цветок, и два Лягушонка, Младший и Старший. Героев в этой сказке много больше, сказка только начинается с простого вопроса: *«Чего грустишь, Кувшинка?»* Это даже скорее притча с элементами сказки.

Взрослому читателю действительно некоторые сказки мо-

гут показаться притчами. Читаем в словаре: *«Притча — короткий рассказ в иносказательной форме, заключающий в себе нравственное поучение (мораль). Владимир Даль толковал слово „притча“ как „поучение в примере“. Жанр эпоса: небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме».*

Пожалуй, не только *«Кувшинку»*, но и *«Заколдованное Озеро»*, и *«Заколдованного Принца»* Александры Крючковой можно считать притчами.

Но мир ребёнка — особый мир. Детский взгляд останавливается на мелочах. Ребёнок часто испытывает неизбывную тягу творить из собственного впечатления сказку. *«Зачем?»* — спросит взрослый человек. И как ответить? А в детстве всё сказочно. Что для нас, взрослых и образованных, — перенос смысла, метафора, аллегория, поучение, то для ребёнка — просто сказка.

Сказочный мир, созданный Александрой Крючковой, и не важно, кто в нём «путешествует», взрослый читатель или ребёнок, покоряет сердца мудростью и добротой. Природа сказки заключает в себе условность, которую мы ожидаем, как принимаем обязательные чудеса — необходимый атрибут жанра. Гномы, тролли, эльфы, волшебные палочки, существующие в народных сказках мира, — это привычно и незыблемо. Иное дело — авторский сюжет. Тут — масса возможностей. И Александра умело их использует.

Истории Александры Крючковой очень симпатичны своей трепетностью и доброжелательностью. Иногда отдельные эпизоды её сказок оказываются настолько реалистичными, так похожи на то, что происходит в действительности сегодня, что воспринимаются как рассказы с некоторым добавлением фантастических сюжетов.

Например, героини истории *«Девочка и Кошка»* — очеловеченные свойства наших натур: *«Они не вернулись... Возможно, кто-нибудь из вас однажды и встретит их, двух вечных странников — Девочку и Чёрную Кошку, но, возможно, они уже добрались до Лестницы в Небо и присоединились к мириадам звёзд, освещающих ваш путь...»*

Александра Крючкова — человек добрый, несомненно. А как она любит своих героев! И мы понимаем, за что! Да, замечу, что добро и вера в счастье и справедливость — в числе избранных для автора добродетелей. Но она не навязывает своего мнения, а легко и свободно показывает героев в созданных для них обстоятельствах.

Автор — не скучный педант, а творческий человек, незаметно организуя пространство сюжетных коллизий, перипетий, взаимоотношений героев, предметов, явлений, пространство чувств, непосредственное восприятие сказочного мира.

«Где-то далеко в Небе они заметили очертания неизвестного Города. Им стало интересно: что это за Город — не на Земле, а в Небе? Никогда раньше они не видели таких го-

родов!» («*Девочка и Море*»)

В сказках Александры Крючковой легко читается непреложность авторского понимания добра и зла, автор воспитывает как у взрослых, так и у маленьких читателей умение узнавать мир, способность чувствовать красоту, она учит нас вере в жизнь добрую, мудрую, честную: «*А Девочка исчезла. Скалы большие не созерцали её здесь, на берегу моря, на закате Солнца. И только книжка, оставленная Девочкой на прибрежном камне, напоминала им о её существовании...*»

Сказка вселяет надежду. Если что-то у нас не складывается именно так, как в сказке, то мы всё равно стараемся, чтобы всё-таки желаемое свершилось, чтобы наши мечты претворились в жизнь. В суеде нынешних забот и житейских неурядиц иногда вдруг становится грустно и тоскливо, и тогда на помощь как спасательный круг приходит сказка. А ещё хорошая сказка — настоящая Золотая рыбка, и осенью 2022 года от лица Московской городской организации Союза писателей России я провела награждение Александры Крючковой литературной премией «Рыбка золотая» с вручением одноимённой медали «за создание фантазийных и сказочных произведений для детей и взрослых», за цикл рассказов «**Сны Старого Фонаря**».

Сказки Александры умны и бескомпромиссны. Ценнейшие качества — добро, гармония, верность и честь в её сказках, равно как и осуждение злобы и коварства, найдут пути к сердцам детей и взрослых не только в нашей стране, но и

по всему миру.

Марина Анатольевна ЗАМОТИНА,
*Заслуженный работник культуры РФ,
член Правления Московской городской организации
Союза писателей России,
Ответственный секретарь
творческих объединений критиков и литературоведов,
драматургов, детских и юношеских писателей*

Газета «Литературные известия» №12 (210), 2022

А. Н. Карпенко: «Верите ли Вы в призраков?»

Лирические новеллы Александры Крючковой никого не могут оставить равнодушным. Они повествуют о самом уязвимом и хрупком в судьбе человека — становлении и распаде отношений между мужчиной и женщиной, о разных ликах посю- и поту- сторонней жизни. Рассказы Крючковой совсем небольшие, странички две, не больше, но как много переживаний выпадает на долю их героев! Писательница использует эффект «детективной» концовки: все, как правило, заканчивается не так, как предполагает читатель. И высший пилотаж драматургии этих рассказов — когда одна эмоция «перебивает» другую и переворачивает исход. Перевернутый исход вызывает у читателя подчас прямо противоположные, зашкаливающие эмоции. Часть рассказов написаны в духе мистических триллеров *Эдгара По*. Только в наше время призраки появляются не в старых готических замках, а, например, в фешенебельных офисах известных фирм (рассказ «*Письмо*»). Видите ли, им, призракам, абсолютно все равно, где появляться. Антураж помещения нисколько их не интересует. Они, как и в произведениях минувших веков, привязаны духом к помещениям, в которых погибли. Хотя, по правде сказать, мне больше по душе рассказы без «пустосторонней» жизни — «*Пианино*», «*Кошачье имя*», «*До*

завтра».

В книге представлены рассказы, написанные Александрой в юном возрасте. Они и сегодня не утратили своей первозданной ценности. Все без исключения новеллы Александры Крючковой написаны на высоком художественном уровне повествования и драматургии. В творческой биографии Крючковой — много удивительного. Стихи и прозу она начала писать в 11 лет. И не просто начала — некоторые новеллы, написанные Александрой в 14 лет, вошли в книгу рассказов, о которой идет речь в моей заметке. Об этом свидетельствуют датировки под произведениями. Рассказы не просто «вошли» в книгу, а заняли в ней достойное место. Давние произведения вундеркинда Крючковой, вошедшие в ее сборник, написаны рукой мастера. А еще говорили, что новых *Лермонтовых* у нас больше не будет — виною тому якобы «медленное» взросление современной молодежи. Как бы не так! Когда читаешь рассказы Александры Крючковой, не возникает даже мыслей о том, что они написаны девушкой-подростком. Я думаю, что столь раннее взросление Крючковой, как и в случае с Лермонтовым, вызвано преждевременной кончиной обоих ее родителей. Трагическое сиротство не могло не сказаться на детской психике. У Александры Крючковой это вылилось в неподдельный интерес к потустороннему миру. Драматизм жизни рано вошел в ее душу. Как и в случае с Лермонтовым, все узнали про вундеркинда Крючкову «задним числом», когда она уже выросла и

стала известным поэтом. А все-таки жаль, что в девяностые годы прошлого века стране было наплевать на гениальных своих детей. И что ранние рассказы Александры Крючковой опубликованы только через два десятилетия после того, как они были написаны.

Александр Карпенко,

поэт, прозаик

Газета «Поэтоград» №12 (113), 2014

СКАЗКИ ПРИЗРАКОВ

Эта книга посвящается каждому её читателю!

А также: моим родителям, бабушкам, дедушке и прадедушке, сыну Андрею, нашей кошке Жозефине и всем-всем-

всем ДОБРЫМ существам и сущностям!

Автор выражает сердечную благодарность всем персонажам и прототипам рассказов, в том числе *многочисленным призракам* и всем-всем-всем остальным!

ПРОЛОГ. Исключение из правил

Я долго шла куда-то вдаль, в бесконечном густом тумане, пока внезапно не наткнулась на Мужчину.

— Простите, — извинилась я, пытаюсь пройти дальше, но поняла, что там тоже кто-то есть.

— За мной будешь, — произнёс Мужчина.

— За Вами... в каком смысле? — удивилась я.

— В очереди.

— А за чем здесь стоят в очереди?

— Каждый — за своим.

— И долго в ней стоять?

Мужчина пожал плечами. Очередь чуть-чуть продвинулась. Я стала различать звуки голосов.

— А Вы не знаете, что там, дальше? — поинтересовалась я.

— Не знаю, — безразлично ответил Мужчина. — Но говорят, что за туманом — Город Солнца. Только не все смогут до него дойти.

— А Вы — из Города Солнца?

— Не думаю, — Мужчина усмехнулся. — Скорее, из Темницы Страны Сновидений.

— Значит, Вы — атеист? — предположила я.

— Уже нет, — вздохнул он.

Очередь снова чуть-чуть продвинулась. Внезапно из ту-

мана вынырнула Девочка лет пяти и, пробежав между нами, тут же исчезла.

— А дети тоже стоят в очереди? — удивилась я.

— Наверно, — ответил Мужчина.

Девочка снова вынырнула из тумана, но уже с другой стороны, на мгновение остановилась рядом с нами и обратилась ко мне:

— А меня там ждёт Кот! А тебя кто?

— Не знаю, — я пожала плечами.

— Странно! — задумчиво произнесла Девочка. — Там каждого кто-то ждёт! Если бы никто не ждал, тебя бы здесь не было!

Я улыбнулась, и Девочка убежала. Вскоре мы добрались до костра на обочине, и Мужчина произнёс:

— Значит, до утра можно расслабиться.

От костра отделилась тень, к нам подошла Женщина:

— Присоединяйтесь!

Мы с Мужчиной присели к костру. Сколько нас там собралось? Я никак не могла сосчитать — господин Туман явно не хотел, чтобы мы видели друг друга.

— А что они бросают в костёр? Дров же нет! — спросила я у Мужчины шёпотом.

— Истории, — улыбнулся он.

— И вы тоже обязательно расскажете нам свои, — улыбнулась Женщина, протягивая мне и моему соседу по очереди чашки с чаем из термоса.

— А зачем... чай и термос?! — не переставая удивляться происходящему, спросила я у Мужчины, когда Женщина удалилась.

— Так привычной, — спокойно ответил он.

И в тот же момент из тумана отчётливо раздался печальный женский голос: «Он сказал мне: „До завтра!“» И я пожалела, что у меня с собой уже ничего не было, чтобы записать бросаемые в костёр истории, рассказанные призраками в ту ночь. Но... если я когда-нибудь вернусь...

Внезапно я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, повернулась и увидела Ангела.

— Здравствуй, — прошептала я. — Ты пришёл за мной?

— Да, — кивнул он.

— Но ведь истории у костра ещё продолжаются, — попыталась возразить я, поскольку мне было уютно находиться там, в тумане, скрывающем лица рассказчиков, и я уже собиралась поделиться своей собственной.

— Не расстраивайся! — улыбнулся Ангел, читая мои мысли. — Этот костёр ещё долго не погаснет, а истории будут сменять друг друга до тех пор, пока Землю не покинет последняя живая душа. Но сейчас тебе пора.

Я посмотрела на Мужчину. Мне почему-то не хотелось прощаться с ним.

— Ступай, — похлопал он меня по плечу. — Я найду тебя потом...

— В Городе Солнца или в Стране Сновидений?

— Там, где это прописано в Скрижалях, — вздохнул Мужчина.

Ангел протянул мне руку, и мы стали отдаляться от костра.

— А куда мы идём? — спросила я.

— В Канцелярию.

— А как же очередь?! Или...

— Нет, но из всех правил бывают исключения.

Мы резко вышли из тумана и оказались на окраине Города, залитого Солнцем, у входа в высоченное здание. Я заметила, как несколько ангелов в обход очереди провели своих подопечных внутрь. Мы проследовали за ними. Ангел попросил меня подождать его на скамье у приоткрытой двери в Зал Суда рядом с такими же, как и я, ожидающими чего-то вне очереди.

— Жаль, — вздохнул Мальчик, сидящий справа от меня.

— Чего жаль? — спросила я.

— Что мы — здесь, а не там, — печально произнёс он.

— Почему? — не понимая, что тот имеет в виду, переспросила я. — И где — там?

— Я хочу стать ангелом, — вздохнул Мальчик. — Там — это в общей очереди. А мы — здесь... Отсюда шансов попасть в ангелы почти нет.

— Почему? — удивилась я, по-прежнему ничего не понимая.

— Моя бабушка так говорила: все дети, ушедшие с Земли, становятся ангелами. А вне очереди обслуживаются только исключения.

Из Зала Суда высунулась голова чёрта:

— Хвать трепаться, исключения! В этом Зале самое интересное начинается! А мне ни черта из-за вашей болтовни не слышно!

— Простите, — прошептала я, извиняясь, и невольно подошла к приоткрытой двери.

Там звучала Лунная Соната и горел приглушённый свет. Судьи замерли в ожидании. Левая чаша Весов склонилась почти до предела, хотя в ней находился всего лишь один свиток ликующих бесов. На экране проецировались кадры из земной жизни очередной души...

Услышанное мной в Зале Суда шокировало, но...

— Нам пора, — послышалось у меня за спиной.

Я обернулась и увидела своего Ангела.

— Пора в Зал Суда? — спросила я.

— Нет, туда пока ещё рановато, — улыбнулся он. — Все-му — своё время.

— А разве здесь есть время? — удивилась я.

— И нет, и да. Все-му — своё время. К тому же, мы находимся в пограничной зоне.

Ангел подхватил меня за руку, мы мгновенно перемести-

лись обратно — в туман, и я с трудом разглядела в нём... очередную очередь!

Ангел прочитал мои мысли и ответил:

— Нет, это другая — для спускающихся на Землю.

— Но ведь я — только что оттуда?

— И да, и нет. Наверху приняли решение, что ты должна срочно вернуться в своё тело. В качестве исключения из правил.

— Поэтому ты забрал меня из очереди в Небесную Канцелярию?

— Верно.

— А тот Мальчик, который... хотел стать ангелом, он — тоже исключение?

— Да, и он — тоже.

— Значит, он не станет ангелом? Жаль...

— Всему — своё время, — повторил Ангел.

Мы подошли к дому с надписью «Таможня». У окошка «Паспортный контроль» я заметила Чёрного Ворона — он ставил штампы в паспорта спускающихся. Интересно, что стоящие в очереди на Землю отличались своей плотностью и... возрастом, а по одеяниям души можно было предположить их профессию. Кого здесь только не было!

— Значит, всё предопределено? — спросила я у Ангела.

— Не всё, иначе какой смысл спускаться? — вздохнул он и добавил: — Подожди меня здесь! Мне нужно кое о чём договориться со Стражем.

Я присела неподалёку на одну из скамеек, почти целиком и полностью заполненных разнообразными душами.

— Простите, — обратилась я к своей соседке, — но почему Вы почти прозрачны в то время, как большинство стоящих в очереди достаточно плотны?

— Ты здесь, похоже, впервые, — вздохнула соседка. — Я — неприкаянный призрак, а они идут воплощаться. Нас тянет на Землю, и мы возвращаемся.

— И у Вас тоже есть паспорт?

— Да.

— И Вам нужно получать визу на Землю?

— Конечно!

— Но зачем? — удивилась я. — Зачем возвращаться?

— Лично я возвращаюсь, чтобы помочь. А так — у каждого своё.

Услышав нашу беседу, несколько «неприкаянных» бесшумно подлетели ко мне, и один из них, радостно воскликнул:

— Похоже, ты — исключение из правил! Хочешь, мы расскажем тебе свои истории? А ты поделишься ими на Земле, когда вернёшься!

И я кивнула: «Хочу!»

Я заметила своего Ангела — он вышел из Таможни, и я шагнула к нему навстречу, но оступилась и... не упала, а полетела куда-то вниз, сквозь стену тумана, пока не рухнула

наземь в лесу.

Я поднялась и огляделась по сторонам. Мрачный лес, окутанный густой серо-синей дымкой, выглядел устрашающе. Высоченные деревья застыли в нём, как истуканы, абсолютно все — без листьев, да и травы на земле не было, и совсем никого не наблюдалось. Но при этом я слышала, как где-то рядом ухают совы, шипят змеи, раздаются чьи-то голоса и даже шаги!

Я пошла куда глаза глядят, не понимая, ни где я, ни как теперь мне вернуться к своему Ангелу, но внезапно столкнулась с возникшей из ниоткуда рыжеволосой девушкой в чёрном плаще с длиннющим капюшоном-колпаком. Она была похожа на симпатичную ведьму, разве что метла отсутствовала.

— Уф! — воскликнула девушка, оглядывая меня с ног до головы. — Прошу прощения! Вроде, сканировала, и никого здесь не было!

— Простите! Я заблудилась. Вернее, свалилась оттуда, — ткнула я пальцем в небо.

— «Оттуда» — понятие растяжимое. Лучше скажи: кто ты? И где ты живёшь?

— Я живу на Земле, но... внезапно оказалась здесь. Ангел сказал, что мне надо вернуться. Так решили Наверху. А я случайно оступилась у Таможни.

— А-аа, ты — исключение! Я поняла. Только запомни: случайностей не бывает! Пойдём, я проведу тебя к Таможне.

Была б ты обычным призраком, воспользовались бы Порталом.

Мы пошли вдаль, и я решила нарушить молчание:

— А Вы... кто Вы? Расскажите о своём Мире! Мне интересно, правда!

— Знаешь, здесь у каждого — свой маленький мир. Но если говорить понятным тебе языком, то аналогично Миру Иллюзий, где воплощаются и живут души, у нас есть множество стран, например, Страна Туманов. Она граничит с Миром Иллюзий. Любая душа проходит через неё, спускаясь вниз или поднимаясь вверх. Многие в ней застревают до того момента, пока не решат свои вопросы на Земле. Есть безвизовая Страна Сновидений — нейтральная территория, где можно встречаться всем без исключения душам. А в Стране Истинного Света живут приближённые к Творцу. Некоторые говорят, что там обитают лишь духи, а не души. Духи, освобождённые от влечений к Колесу Времени. Но это не совсем так, потому что в каждой Стране существует несколько Сфер — Уровней.

— Это в Стране Света находится Город Солнца?

— Да, там.

— А где Вы живёте?

— Недалеко от Города Солнца.

— Значит, Вы — не ведьма?

— Нет, конечно, — засмеялась девушка. — Просто у меня такое амплуа. В одном из воплощений меня сожгли на

коостре, но я не занималась колдовством.

— Простите... А где живут ведьмы и колдуны?

— Внизу.

— На Земле?

— И там тоже. Кстати, и в Стране Туманов они встречаются, хотя реже, чем в Стране Сновидений, а вот в Страну Света попасть уже не могут. Не должны, по крайней мере.

— А Вы скучаете по Земле?

— Нет, но иногда я возвращаюсь в часовню. Обычно тот, кто скучает по земному или чем-то к Земле привязан, застревает в Стране Туманов. Тот, кто попадает в Страну Света, уже не особо ностальгирует.

— А чем Вы занимаетесь в Стране Света?

— Работаю в Ментальной Сфере. Изобретаю формулы противоядий в лаборатории одного из первых алхимиков.

— Получается, души не отдыхают, а работают?

— Служат. Как и на Земле. Только здесь служат осознанно, а в Море Иллюзий — нет. Некоторые даже считают жизнь на Земле отпуском. Но у кого-то — отпуск, у кого-то — командировка.

— Неужели души сами выбирают, где и с кем отдыхать?

— Почти всегда — сами. Командировки, понятное дело, не выбирают. Но, в любом случае, с тобой согласовывают варианты.

— Получается, что я сейчас на Земле — в отпуске или в командировке?

— Получается, что так.

— Тогда... и Воины Света — не сказка?

— Конечно, нет! А чем ты занимаешься на Земле?

— Пишу сказки. Для взрослых.

— Надо же! Иногда я бываю в Библиотеке Вселенной по работе. Надо будет тебя там найти и почитать!

— А разве я там есть? — удивилась я.

— А как же! Там есть все и всё, чему стоит быть.

— И даже то, что ещё не написано?

— Да. Иначе оно и не будет написано.

— Как это?

— Сначала всё появляется здесь, а потом — на Земле.

— А Вы расскажете мне свою историю, пока мы идём к Таможне?

— Земную? Или местную?

— Не знаю, но, видимо, ту, которая уже есть в Библиотеке Вселенной? — предположила я, улыбнувшись, и моя спутница улыбнулась в ответ:

— Хорошо! Я расскажу тебе про свою Тёмную Башню. Впрочем, историй здесь — масса...

Ангел сидел на лавочке у Таможни — ждал меня. Я поблагодарила свою рыжеволосую проводницу, и она мгновенно исчезла, а я подошла к Ангелу и извинилась:

— Прости, я случайно оступилась и провалилась в туман.

— Ничего не происходит случайно. Ни здесь, ни на Земле.

Значит, зачем-то так было нужно, и оно тебе на пользу. Вот твой паспорт с обратной визой, держи. В Скрижалях внесли все необходимые правки и комментарии. Пойдём?

Ангел поднялся с лавочки и протянул мне руку.

— Послушай, — смущённо произнесла я, — мне сказали, что где-то здесь есть Библиотека Вселенной.

— Не здесь, но в Стране Света, есть, да, — улыбнулся Ангел.

— А мы сейчас — в Стране Туманов? — предположила я.

— Совершенно верно. Ты уже неплохо тут ориентируешься! — Ангел снова улыбнулся.

— А ещё... ещё мне сказали, что в Библиотеке существует даже то, чего пока нет на Земле.

— Чистая правда, — кивнул Ангел. — Там есть абсолютно всё.

— Но неужели ещё не написанное можно прочитать? — удивилась я.

— Ты рассуждаешь с земной точки зрения. Всё уже давно написано, но не на Земле, — уточнил Ангел. — Поэтому, конечно же, можно и прочитать. Некоторые души имеют доступ к Читальному Залу даже в ходе своего воплощения в Мире Иллюзий. Они могут зайти в Библиотеку и найти любую книгу, газету, журнал — всё, что там находится.

— Та девушка, которая помогла мне не заблудиться...

— Карина?

— Да-да, Карина, она сказала, что зайдёт почитать мои

книги. А у меня ещё нет ни одной книжки на Земле. И я подумала...

— Хочешь заглянуть в Библиотеку? — отсканировал меня Ангел.

— Да... очень! Правда, мне страшно... А вдруг, вдруг там...

— Не окажется твоих книг? — договорил он за меня и улыбнулся.

— Да... Понимаешь, я ведь пишу просто так... Ну-у-у... как заметки на полях... в тетрадках... Возможно, оно и останется в тетрадках, в ящике моего стола, и никогда не увидит Свет.

Ангел обнял меня и повёл в противоположную от Таможни сторону:

— Просто так ничего не бывает, душа моя! Ты упрямо отказываешься верить мне на слово. Но поскольку мы всё ещё находимся в Безвременье, ничто не мешает нам чуть-чуть задержаться. Летим!

И мы исчезли в тумане, а когда он рассеялся, я оказалась в коридоре гигантского Читального Зала с многочисленными высоченными стеллажами по обе стороны. Плотные и совсем призрачные души в одеждах совершенно разных веков и народов искали здесь нечто, забираясь на стремянки, или просто шагали по воздуху, периодически зависая над найденным, а некоторые сидели с книгами за столиками у старинных ламп и фонарей и пили чай или кофе.

Я обернулась к Ангелу в замешательстве:

— Но здесь так много книг! Где мне искать своё?

— Всё, что действительно твоё, найдёт тебя само, — произнёс он, и я тут же заметила мерцающую книгу на полке прямо под потолком.

Я оглянулась в поиске свободной лестницы, но Ангел лишь усмехнулся.

— Протяни руку, — сказал он, и я послушалась, и книга плавно слетела с полки, вальсируя по направлению к нам.

— Но это слишком большая книга! — шепнула я, едва сдерживая своё волнение. — Она, наверное, ошиблась! У меня есть всего лишь несколько зарисовок-миниатюр.

— А ты уже успела забыть всё, что призраки поведали тебе сегодня в Стране Туманов?

— «Сказки Призраков», — прочитала я название, и книга стала медленно перелистываться на моих глазах.

Да, Ангел был прав — передо мной промелькнули истории, брошенные призраками в костёр на обочине туманной дороги в Небесную Канцелярию; дела подсудимых в Зале Суда; исповедь неприкаянных душ на лавочке у Таможни и рассказы моей рыжеволосой проводницы, работающей над противоядиями в лаборатории местного Алхимика.

Лишь в последнюю часть книги — «Сказки Страны Туманов» — частично были включены и уже написанные мной на Земле крошечные зарисовки...

Мы прощались с Ангелом после прохождения Паспортного Контроля — на границе между Страной Туманов и Миром Иллюзий.

— Обещай мне, — попросила я, — что встретишь меня здесь и в следующий раз и не оставишь одну в Зале Суда.

— Я буду всегда рядом с тобой и на Земле, — уточнил он и улыбнулся. — Просто за Границей все ангелы становятся невидимками.

Мне было грустно и даже страшно возвращаться. Казалось, прошла целая Вечность с того момента, когда я вышла из своего физического тела в больнице и оказалась здесь.

— Всему — своё время, малыш, — шепнул Ангел и протянул мне руку. — Ну что, идём?

Я взяла его за руку и задала свой последний — на этот раз — вопрос:

— А о чём ты договаривался с Таможней, когда попросил меня подождать на лавочке?

— Я попросил не стирать тебе память, — улыбнулся Ангел.

— Чтобы я помнила о тебе?

— Чтобы ты рассказала о нас людям...

03—04 сентября 1987

I. ЛЮБИ МЕНЯ СЕЙЧАС!

1. Случайная Гостья

На улице шёл проливной дождь. У двери в квартиру моего соседа стояла девушка в тёмном плаще с капюшоном. Длинные чёрные локоны скрывали от меня её профиль.

— Он тебе не откроет, — произнесла я.

Девушка вздрогнула и обернулась. Она была красивой. Особенно мне запомнились огромные и чёрные, как ночь, глаза, отчётливо выделяющиеся на фоне её белоснежной кожи.

— Вчера мой сосед умер, — продолжила я. — Бедный старик... Ты, наверное, его внучка? Он говорил, что ждёт внучку в гости. Как жаль, что ты опоздала! Он тебя очень любил и гордился тобой, постоянно о тебе рассказывал. Знаешь, это важно для стариков — чувствовать себя нужным кому-то...

Девушка вздохнула, но ничего не произнесла в ответ.

— Пойдём ко мне, ты промокла, — предложила я, и она последовала за мной на кухню, но от чая отказалась:

— Нет-нет, я лишь чуть-чуть погреюсь и пойду...

— Как тебя зовут? У тебя есть в этом городе кто-то ещё, кроме деда?

— У меня вообще никого нет, — девушка печально вздохнула. — Даже друзей...

— Ты такая молоденькая и красивая, у тебя всё ещё впереди! Главное — не наживай себе врагов!

— Врагов... — задумчиво промолвила моя собеседница. — Я не так молода, как Вам кажется... Если бы Вы только знали, как мне осточертела моя жизнь! Работаю без выходных, ни минуты свободного времени... Вот, в кои-то веки, позволила себе к Вам зайти, а так... Про меня сочиняют небылицы, пытаются всячески избегать со мной встреч, обходят стороной, а ведь я — совсем не то, что обо мне думают...

— А чем ты занимаешься?

— Помогаю людям. Но добро в этом мире часто путают со злом, поэтому я обречена на людскую ненависть. Если бы они только знали, как я им завидую!

— Почему?

— Хотя бы потому, что жизнь у них разнообразная и интересная, она вкусная, понимаете? Они в состоянии ощущать её всеми фибрами своей души и наслаждаться земными радостями по полной программе! А я так не могу, не умею так... Нет на Земле ни одного человека, кто был бы настолько же одинок! Я устала от жизни и чувствую себя неприкаянным призраком, который никак не может умереть...

— Послушай меня, дорогая... Мы часто ругаем жизнь и желаем себе смерти. Но когда та вдруг появляется у нас на

пороге, мы осознаем, что жизнь — коротка, и её надо ценить, потому что рано или поздно смерть всё равно придёт за тобой...

— За мной? — задумчиво переспросила девушка.

В квартире умершего соседа завывала собака.

— Бедный пёс! — вздохнула я. — Он был его лучшим другом!

— Мне пора! Я и так задержалась, — спохватилась моя гостья.

— Куда же ты теперь? — спросила я её в дверях.

Девушка перевела взгляд на квартиру умершего соседа.

— Я была здесь вчера, — прошептала она. — Но забыла забрать вместе с ним его верного пса...

30 сентября 1997

2. До завтра!

Наташа с детства обожала театр, и почти каждый выходной посещала премьеры. Высокая стройная голубоглазая блондинка, обладающая незаурядной силой притяжения мужчин, она только что получила красный диплом и решила посвятить себя сцене. Поздней осенью Наташа уже сыграла свою первую главную роль. Усталая, но счастливая, она шла в гримёрку, как внезапно кто-то догнал её и взял за руку.

— Поздравляю! Ты была великолепна! — восторженно произнёс Сергей, директор театра.

— Спасибо, — спокойно ответила Наташа. — Я не люблю комплиментов. До завтра!

...Сергей вернулся домой и, едва переступив порог, услышал привычное:

— Чтоб ты хоть раз побывал на моём месте! Как же я устала от твоих ночных возвращений!

— Сегодня у нас была премьера. И ты знала об этом. Я предлагал тебе прийти, но ты же сама отказалась! А вот Наталья была восхитительна! Действительно талантливая актриса! Не то, что я о ней думал.

— Эта стерва наверняка уже призналась тебе в любви, а ты и развесил уши, болван!

— Не говори так... — устало попросил он.

— Театр для тебя стал всем! Чихал ты на меня и на сына!

Живёшь своей жизнью, в которой нам нет места! Да ты вообще стал похож на призрака!

— Ты не права, — попробовал возразить Сергей.

— Нет, я права! Театр — развлечение для бездельников, пустая трата времени! Лентяй! Ты обожаешь ничего не делать, и театр — твой приют!

Сергей молча развернулся и ушёл в ночь.

...На улице падал снег. Сергей брёл по дороге, куда глаза глядят, погружённый в тяжёлые раздумья. Он любил свою семью. И жену он тоже... любил... Сергей впервые осознал всю тяжесть глагола прошедшего времени! Да, любил, когда-то, потому что всё уже давно прошло. Дом-дача-дом. Посадить картошку. Купить продуктов. Отвезти всех туда. Забрать отсюда. Починить кран. Дать денег на шубу... Когда он пытался заговорить с женой о чём-то неземном, ей это было совершенно неинтересно. Так он замкнулся в себе, и его единственной отдушиной стал недавно созданный им небольшой экспериментальный театр.

Театр — единственное, что держало его здесь. Он погрузился в своё детище с головой, в нём он жил по-настоящему. Сергей поймал себя на мысли, что всё перевернулось с ног на голову: он был самим собой в театре, в то время как стал актёром в реальной жизни...

Автоматически свернув направо в небольшой переулок, Сергей дошёл до детской площадки и присел на качели. Внезапно, будто почувствовав что-то, обернулся. Позади него на

точно таких же качелях сидела девушка.

— Наталья! Что ты делаешь здесь?

— Разве Вы не знаете, что я здесь живу? — указав на дом напротив, удивилась она.

Сергей вспомнил, что ещё при собеседовании он обратил внимание на её адрес, указанный в резюме, но не стал говорить, что они — почти соседи.

— Прости, забыл, — смущённо извинился он. — Но почему ты не дома?

— Захлопнула дверь, а потом поняла, что ключи остались в квартире. Соседи спят, а до утра ещё далеко. Вот сижу — думаю, что делать...

— Ты живёшь одна?

Наташа кивнула. Он хотел спросить о чём-нибудь ещё для поддержания разговора, но она внезапно произнесла:

— Когда не знаешь, о чём говорить, лучше молчать... Послушайте, как тихо! Какие звёзды! Мы всё время бежим и смотрим себе под ноги. А они всегда — там, такие красивые. И все смотрят на нас... Вон — самая яркая! Когда я умру, я долечу до той звезды?

— Обязательно, но ты станешь звездой при жизни! А почему... ты не спрашиваешь, как я здесь оказался?

— Зачем мне об этом знать?..

...Сергей вскрыл дверной замок при помощи какой-то железки, найденной ими на улице и... вернулся к себе домой, даже не выпив и чашки любезно предложенного чая, но с за-

миранием сердца шепнув в дверях:

— До завтра!

...И всю неделю они возвращались из театра вместе, разговаривая обо всём на свете и, в то же время, ни о чём. Казалось, они были на одной волне, общались на одном языке и понимали друг друга с полуслова. Но совершенно внезапно, как это обычно и происходит, случилось то, чему ещё некоторое время назад Сергей даже обрадовался бы, а теперь...

Он впервые зашёл к Наташе домой.

— Прости, что я без приглашения... — тяжело выдохнув, сказал он.

Казалось, она ничуть не удивилась его появлению и сразу же пригласила жестом пройти на кухню. Он присел на табуретку и не знал, с чего начать. Тогда она обратилась к нему первой и, как всегда, абсолютно спокойным голосом произнесла:

— Сегодня мне приснилась мама. Сказала, чтобы я жила «здесь и сейчас».

— Сегодня врач сказал мне, что у меня — рак...

— Чай или кофе? — всё так же спокойно спросила Наташа.

— Кофе...

Она стояла у плиты спиной к нему.

Он подошёл и обнял её.

— Мы все однажды полетим к звёздам, — сказала Наташа тихо-тихо и, впервые обратившись к нему на «ты», добавила:

— В этом заключена великая тайна, и ты скоро откроешь её...

— Забавно... Жена стала кричать, друзья — жалеть... Одна ты... вот так... Если бы ты только знала...

— Я знаю...

— Я бы хотел, чтобы это оставшееся время... Ну-у-у...

Сергею было тяжело говорить.

«Боже, сколько драгоценного времени мы тратим в жизни на всякую ерунду!» — пронеслось у него в голове.

Наташа протянула чашку с кофе и произнесла медленно и чётко, как произносят клятвы:

— Обещаю, что, начиная с завтрашнего дня, все последующие дни станут лучшими в твоей жизни!

Сергей взял чашку, отпил глоточек кофе и улыбнулся. Это была детская улыбка. Открытая. Добродушная. Счастливая...

В тот момент у Натальи зазвонил телефон — подруга уезжала в командировку и просила приютить на пару дней её чёрного кота.

— Коты — это здорово! Особенно чёрные! Пока они тебе дорогу не переходят! Ладно, мне пора, — подмигнул Сергей Наташе, поставив чашку на стол, и уже в дверях остановился и с надеждой в голосе переспросил: — Значит, до завтра?

— До завтра! — кивнула она и улыбнулась.

Сергей уходил, напевая какую-то детскую песенку. Он вдруг впервые почувствовал себя абсолютно счастливым че-

ловеком.

Они больше никогда не виделись.

В ту ночь его сбила машина, когда он переходил дорогу, возвращаясь домой...

11 февраля 1994

3. Белые одежды

Два призрака — мужчины и женщины — сидели в кафе на берегу моря.

— Знаешь, — сказал призрак мужчины, вздохнув, — когда-то на этом пляже я повстречал свою первую любовь...

— И когда это было?

— Неважно, в прошлой жизни... Надо же, никогда не думал, что окажусь в этих краях снова!

— Так как же вы познакомились?

— Тогда я мечтал встретить свою Единственную и непременно хотел, чтобы она была весёлой и одевалась в светлое. Меня раздражали девушки в чёрном, этот траурный цвет я обходил за версту — жаждал броситься с головой в омут пьянящего веселья и беззаботной любви...

— Твоя первая любовь, назло тебе, конечно же, явилась в чёрном?!

— Напротив... Я загорал на тёплом песочке и слушал звуки волн, когда заметил стройную фигурку в длинном полупрозрачном белом платье, движущуюся вдоль берега по направлению ко мне. Когда девушка приблизилась, я взглянул на её симпатичное личико и белокурые локоны, увенчанные соломенной шляпкой, и понял: моя мечта сбылась!

— Но она сказала, что ты — не герой её романа?!

— Зачем ты так... Всё было очень романтично. Утром мы

встречались на пляже, купались и загорали, иногда ходили в горы, а по вечерам сидели в кафе. Она казалась мне очень весёлой и отличалась превосходным чувством юмора. Я был очарован ею.

— А как её звали?

— Она так и не сказала своего имени. Предложила придумать самому.

— И какое имя ты ей придумал? Девушка в Белом?

— Неважно...

— Так из-за чего же вы расстались?

— Представь, в той прошлой жизни я был слишком молод и глуп!

— Да ладно тебе! Не может такого быть!

— Однажды ночью, когда мы стояли на пирсе и ловили звёзды, она вдруг спросила, верю ли я в жизнь после смерти. Я гнал от себя всякую мысль о смерти, и разговоры о ней мне были противны, к тому же я совершенно не верил ни в посмертную реальность, ни во всяких там... призраков! Я что-то ответил, предложил сменить тему, но моя спутница погрузнела.

Тогда я категорично произнёс: «Послушай! Ты всегда была весёлой и жизнерадостной, и я полюбил тебя, потому что ты именно такая! Ты же носишь белые одежды! Я не желаю видеть рядом с собой заунывную леди, размышляющую о смерти!»

И она призналась, что почти постоянно думает о ней. За

полгода до нашего знакомства её родители погибли в авиакатастрофе. С тех пор она носила только белые платья — в стране, где они были в командировке, белый цвет означает траур.

1997

4. Белый танец

Иван пригласил Инессу в кафе. Он был генеральным директором крупной компании, а она — всего лишь студенткой пятого курса, правда, одного из лучших ВУЗов страны. В завершении разговора Иван категорично произнёс:

— Прости, но я не верю тебе. Может, лет через пять, десять...

— И что тогда, лет через пять, десять?

Он пожал плечами. Она усмехнулась:

— Ну, хорошо. Я тоже стану генеральным директором, чтобы доказать тебе, что мне не нужны твои деньги. И тогда, если захочешь, ты найдёшь меня сам...

Инесса уходила от него в ярко-красном платье. Красивая, дерзкая, юная...

...За окном — снег и серое беспросветное небо. Очень холодно, хотя вчера по телевизору пообещали резкое потепление. Настроение ни-ка-ко-е... Так бывает, когда совсем не видно Солнца, а жизнь уже давно не преподносит приятных сюрпризов.

Как обычно, опаздывая на работу, Иван завёл машину, выехал через арку на съезд к набережной и включил поворотники, ожидая возможности втиснуться в непрерывный поток. Зевая, он привычно взглянул на рекламный щит и...

не поверил своим глазам!

Иван вышел из машины, забыв выключить поворотники, достал сигареты и закурил, уставившись в плакат.

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» — всего одна надпись и знакомое лицо девушки в ярко-красном платье. Он смотрел на неё, и пять лет пронеслись перед ним в одно мгновение. Иван изрядно поседел и уже давно не являлся генеральным директором ни той крупной, ни какой бы то ни было ещё компании. А Инесса расцвела...

Он разыскал её без особого труда.

Инесса пригласила Ивана в ресторан.

— Так я стала генеральным директором, — подытожила она не без чувства гордости. — Теперь у меня всё есть. Кроме любимого человека...

Иван не мог поверить в невероятную историю её успеха.

— Давай поженимся? — предложила она.

Он оторопел и почему-то спросил:

— А где мы будем жить?

— Я думала купить квартиру с верандой на крыше. Помнишь сказку про Карлсона?

— А крыша с привидениями? — улыбнулся Иван.

— А как же! — Инесса засмеялась. — Ты где хочешь: здесь или в Европе? Или... тебе по душе коттедж?

— Необитаемый остров... — снова улыбнулся он. — И личный самолёт в придачу!

— Неплохо для начала!

Инесса была полна энтузиазма и фонтанировала энергией.

— Молодец, — подытожил Иван и тяжело вздохнул. — Но я уже давно не генеральный директор, и у меня нет средств, чтобы сделать твою жизнь красивой. Пройдёт пара лет, и ты подумаешь: а зачем он мне? Ты будешь по-прежнему молодой, успешной, процветающей леди, а я...

Иван проводил её до машины. На дороге — каток. После резкого потепления утром — к вечеру опять похолодало.

Инесса уезжала, и он чувствовал, что они никогда больше не увидятся, но одновременно хотел видеть её снова и снова.

Ночью Ивана одолела бессонница. Размышляя над тем, правильно ли он поступил, позволив ей уйти, он осознавал, что, с одной стороны, Инесса ему, конечно же, очень нравится, и он хотел бы, чтобы рядом с ним находилась именно такая женщина. Но, с другой стороны... если раньше Иван смотрел на неё свысока, то теперь — снизу вверх, точь-в-точь как на её рекламный плакат у набережной...

«В этом есть что-то неправильное, неестественное. Хотя, возможно, я просто не был готов к тому, что она обрушится на меня столь внезапно, как снег на голову?... Я ей позвоню. Завтра...» — решил он.

Ивану не хотелось отдавать Инессу кому бы то ни было другому. Одновременно он никак не мог пересилить свой страх и позвонить. Так «завтра» было отложено ещё на три дня.

В ту ночь Инесса пришла к нему во сне, с горькой усмешкой помахала рукой и молча растворилась в тумане.

Утром, прослушав «Абонент временно не доступен», Иван набрал её рабочий номер, размышляя, как лучше представиться секретарше, чтобы та соединила их, а не ответила что-то типа: «Директор на совещании, перезвоните попозже».

Но ответ секретарши был неординарным:

— Её больше нет.

— Как нет? Она у вас больше не работает?!

— Инесса Викторовна разбилась на машине три дня назад.

...Её больше не было. Но ещё долго, по утрам и вечерам, когда Иван уезжал на работу и возвращался домой, на том самом плакате у набережной, Инесса встречала и провожала его, улыбаясь и повторяя: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» А за окном шёл снег, было очень холодно, и по телевизору уже не обещали потепления...

декабрь 2003

5. Ветер Перемен

«Улица Первоапрельская, дом 77, 1-ый подъезд, 5 этаж...»

Я знала этот адрес наизусть, ведь уже больше четырёх лет работала главным бухгалтером в маленькой компании, офис которой был расположен по данному адресу. Компания, которую я очень любила — практически мой второй дом, переживала нелёгкие времена, если не сказать «свои последние часы». Владельцы из Швейцарии отложили решение по вопросу о ликвидации до понедельника, после чего — ведь оно ими уже негласно принято — начнётся мучительный процесс делёжки имущества и... денег, конечно...

Рабочий день уже закончился, но мы с финансовым директором, Георгием, сидели в его кабинете и наслаждались дыней.

— Так скажи мне, Арина, ты колдовала? — спросил он, имея в виду наше будущее.

— А как же, — нехотя пробурчала я, зная о его скептицизме.

— И каким образом на этот раз? Пасьянс раскладывала или кофе варила?

— Видишь ли, карты, кофейная гуща и прочие штучки — просто детские игры, если за ними ничего не стоит. Тон-

кий мир он же на то и Тонкий, НЕ материальный, дверь в него нельзя открыть исключительно земными ключами, типа карт. Если не умеешь читать знаков, чувствовать душой, слышать внутренний голос, карты тебе не помогут.

— Ну, хорошо, допустим. Так что ты чувствуешь сейчас?

— Ветер перемен.

— Хороших или плохих?

— Кардинальных...

— А что-нибудь поконкретней? Ты наконец-то избавишься от страха растолстеть после родов и согласишься стать моей женой?

— Ольга сейчас придёт, отрежь ей кусок дыни, — не реагируя на его скептические подколы, спокойно произнесла я.

Через пару секунд в дверь постучали, и на пороге появилась жизнерадостная и цветущая Ольга — директор по кадрам.

— Всем привет! — сказала она и присела рядом.

— От нашего стола — Вашему столу, — я протянула ей кусок дыни на тарелке.

— Спасибо, Ариша! А у меня для вас новость!

— Хорошая или плохая? — уточнил Георгий.

— Сижу — ищу работу... Если уж ликвидация, так чего медлить — лучше соломки заранее подстелить! И вдруг вижу вакансию кадрового агентства... На самом деле, как оказалось, их у них — две! — загадочно произнесла Ольга.

Мы переглянулись.

— Так-так, уже интереснее! — усмехнулся Георгий.

— Короче, в одну иностранную фирму с такой же, как у нас, сферой деятельности, требуется финансовый менеджер и... главный бухгалтер, — торжественным голосом сказала Ольга.

— Не может быть! — глубоко выдохнув от удивления, воскликнула я.

— Что значит «не может»?! — обиженно произнесла Ольга. — Это же знак свыше! Судьба! Где ещё вы найдёте такое сочетание, чтобы работать вместе и дальше?

— Возможно, — без особого энтузиазма согласился Георгий. — Но я бы предпочёл вместе с Аришей дальше не работать, а жить! Долго и счастливо!

— Одно другому не мешает! — заявила я. — Итак, Ольга?

— Да-да, Ариша, я вас почти продала! Обоих! С потрохами! — победоносно воскликнула она. — Но пока без имён, конечно! Позвонила в то кадровое агентство, не уточняя нашу с вами компанию, поинтересовалась, нет ли чего-то и для меня — удочку забросила... В общем, их специалист по кадрам свяжется с заказчиком и сообщит мне результат! А я — вам! Только не забудьте, когда устроитесь, перетащить меня к себе!

— Непременно! — пообещал Георгий.

Ольга доела дыню и пошла домой. Я помыла посуду на рабочей кухне, предвкушая Ветер Перемен, как вдруг странная мысль пронзила меня насквозь, и я влетела в кабинет

Геоργия:

— А тебе не кажется странным, что в нашей узенькой отрасли появилась ещё одна иностранная компания, которой...

Внезапно во всём здании погас свет.

— Какая теперь разница? — вздохнул Георгий, нежно обняв меня, но...

...входная дверь на наш этаж звучно хлопнула, раздались тяжёлые шаги, и моё сердце бешено заколотилось от странного предчувствия: в такое позднее время здесь никого обычно и не бывает — разве что Ольга да мы...

— Охранник, наверно. Из-за электричества, — предположил Георгий и решил убедиться в своей правоте...

...В тот вечер, прощаясь — и теперь уже навсегда — со своим практически вторым домом, жалея лишь о том, что в доме первом так и не появилось малышей, о которых я, естественно, мечтала, но постоянно откладывала их воплощение на «потом» из-за собственных комплексов и страхов (а вдруг не получится, или ребёнок родится не здоровым, или я действительно превращусь в ром-бабу после родов и Георгий начнёт мне изменять), я остановилась у приоткрытой двери в кабинет Ольги — забытый ею на столе телефон прозвенел о пришедшей смс-ке.

О, любопытство!.. Я подошла и прочитала:

«Ваших кандидатов ждут завтра в 14:00 по адресу: ул. Первоапрельская, д.77, п.1, эт.5»

— О, моя маленькая ведьмочка! Ты, как всегда, была права, — усмехнулся Георгий. — И какой теперь дует Ветер?
— Ветер Любви, — засмеялась я, отстранившись от ситуации.

Нарисовав в раскрытом ежедневнике Ольги два сердца на сегодняшней дате — как в детстве, пронзённые стрелой, с капающей кровью — я взяла Георгия за руку, и мы вышли через окно в Небо, даже не желая думать о том, кто нас здесь заказал...

01 августа 2002

6. Город Дождей

Всё было наоборот: в Городе Дождей нас встречало Солнце!

Мы вышли из вагона скорого поезда на залитый солнечным светом перрон.

— Никто нас с тобой не заметит, никуда больше спешить не нужно, и мы можем делать всё, что захочется, — задумчиво произнёс Денис. — Как же это всё-таки здорово — почувствовать себя абсолютно свободным! Пусть даже лишь на 24 часа...

— Да, Ден! Я чувствую себя самой счастливой на свете! — воодушевлённо произнесла я в ответ.

Мы шли по утреннему Городу Дождей, держась за руки, оба — с маленькими рюкзачками, в голубых джинсах, синих майках и коричневых ботинках — как в тот день, когда мне приснился самый важный сон. Иногда мы внезапно останавливались и взахлёб целовались, не стесняясь прохожих.

— Подумать только: если бы не твой сон, Яна, ничего бы сейчас и не было, — улыбнулся Денис.

— Просто Хранитель взял меня, как кошка — котёнка за шкурку, и ткнул в тебя носом, — улыбнулась я в ответ.

Мы прошлись по моей любимой набережной, заглянули в храм, а затем подошли к тому месту, куда обычно приезжают девушки в белоснежных платьях с букетиками цветов.

«Вот бы нам тоже так...» — подумала я, и Денис тут же прочитал мои мысли:

— Конечно! Так и будет... В следующий раз...

Мы оба были не свободны и всем чего-то должны. Страшно подумать, сколько вокруг нас суеилось людей, постоянно требующих то одного, то другого, но ничего не предлагающих в ответ, не испытывающих даже элементарного чувства благодарности, не говоря уже об уважении.

Мы с Деном ощущали себя совершенно одинокими существами во Вселенной. Пожалуй, кроме детей, с которыми по различным причинам мы виделись слишком редко, ничто не держало нас на Земле.

Пока мне не приснился тот сон...

Мы зашли в кафешку, чтобы наконец-то по-человечески поговорить!

— Веришь, Яна, но мир стал абсолютно серым, я потерял интерес к жизни — не смотрел телевизор, не читал газет и книг, мне было без разницы, на какой машине я езжу, во что одеваюсь, что ем. Поздно вечером я приходил домой с работы и ложился спать, а утром завтракал и снова ехал на работу. Я не хотел никого видеть, слышать, не желал ни с кем общаться...

Пока Ден пересказывал мне свою жизнь, начиная с рождения, я слушала и думала: «Надо же! — наши судьбы настолько похожи, что я могу уже ничего и не говорить о себе!» И казалось странным, что столько лет мы находились совсем

близко, не замечая друг друга.

— Да, ты нравилась мне и была всегда где-то рядом, но выглядела абсолютно счастливой и не давала ни малейшего повода...

Пока мне не приснился тот сон...

Мы поднялись на смотровую площадку и долго стояли молча, наслаждаясь видом на Город Дождей, в котором светило Солнце.

Я тоже чувствовала себя в глухом тупике. Настоящая жизнь проносилась где-то за окнами и на бешеных скоростях — я едва успевала переворачивать календарные листки в офисном ежедневнике.

Пока мне не приснился тот сон...

Проезжая на катере под низкими мостами Города Дождей, мы больше молчали, чем говорили, — я чувствовала рядом с собой душу, которая была сильнее и опытней моей, и мне становилось спокойно, но...

— Ты думаешь о том, что с нами будет после... после того, как мы вернёмся? Да, Яна? Не надо ни о чём думать, — отвечал Ден, читая мои мысли, и обнимал нежно и ласково, и гладил по волосам, и целовал в шею...

Вечером мы бродили по центральной улице, и я показывала ему не столько главные достопримечательности, сколько миниатюрные скульптурки и другие неприметные мелочи, о которых знали лишь местные жители: вот здесь — бронзовые кошка и кот на уровне балконов, смотрящие друг на дру-

га с соседних домов, а там, в скромном дворике, — собака, исполняющая желания...

Я боялась, что Денис исчезнет, что происходящее — сон, и я вот-вот проснусь, ведь всё началось именно во сне, вернее — с того, что три дня назад мне приснился сон, в котором мы оказались вдвоём в Городе Дождей. Проснувшись в то утро, я вдруг снова почувствовала вкус жизни и... нашла в себе силы пересказать сон Дену.

Казалось, именно мой сон пробудил нас обоих к переменам в судьбе — к настоящей, полноцветной и яркой жизни, что именно он станет точкой отсчёта очередного этапа, в котором две родственные души наконец-то обретут своё счастье...

Когда в Город Дождей вернулась ночь, мы нашли свободный люксовый номер в самом дорогом отеле — теперь-то мы могли себе это позволить!

Казалось, мы любили друг друга так, как любят в последний раз в жизни, перед вечной разлукой, и ничего, и никого не существовало во всей Вселенной, кроме нас двоих, будто мы были всё ещё живы...

Возвращаясь к вокзалу на экспресс в Город Солнца, мы вспоминали наш последний день на Земле, накануне которого мне и приснился тот сон. Взрыв в высотной офисной башне, где мы работали, раздался столь внезапно, что мы даже не поняли, каким образом очнулись уже призраками...

Наши личные дела застряли в Небесной Канцелярии Го-

рода Солнца. По замыслу Творца, мы уже давно должны были повенчаться и переехать с Деном в Город Дождей, где я, собственно, и родилась, — тогда бы мы не оказались во время взрыва в той башне. Но мы не изменили свою судьбу вовремя! Не расслышали ни самих себя, ни своих Хранителей, посылающих всевозможные знаки, — лишь накануне взрыва, когда решение о досрочном возвращении в Небо подписали во всех инстанциях, поскольку мы перестали идти предначертанным нам Свыше путём, я смогла проникнуть в тот сон... Слишком поздно!

Но добрые Судьи в Городе Солнца, в ответ на нашу последнюю просьбу, учитывая смягчающее обстоятельство в виде моего сна, позволили нам вернуться на Землю в Город Дождей уже призраками, чтобы хоть чуть-чуть побыть вместе перед очередным воплощением, в детали которого нас пока ещё не посвящали...

август 2006

7. Желание

Мы приехали на речку в субботу утром. Было ужасно душно. Судя по новостям, +34С. Я с трудом переносила жару, хорошо, что в машине существовал кондиционер.

— Жизнь течёт так же быстро, как эта река, — печально сказал Николай, обнимая меня. — Что бы ещё ты хотела успеть в своей жизни, Полина?

Я зажмурилась, размышляя, а он нежно погладил меня сорванной травинкой.

— Оказаться с тобой в Париже! — в итоге решила я.

Нас обоих многое связывало с городом влюблённых, но мы никогда не были в Париже вдвоём — только по-отдельности и в разное время.

— Обязательно... Но не сегодня...

— Завтра? — засмеялась я.

— Может быть... Знаешь, какие у нас грандиозные планы на сегодня? Сейчас поплаваем, пообедаем, затем поедем гулять в Кусково, вечером — в театр на «Жизель», а потом...

Я поняла: культурная программа вызвана понедельничной ссорой. Николай хотел загладить вину. Я уже давно говорила ему про Кусково, а на «Жизель» он водил своих сотрудников в честь очередной годовщины их компании.

— Так что же потом? — поинтересовалась я.

— А что ты хочешь потом?

...Посетив дворец и выставку в Оранжерее, мы прослушали фрагмент благотворительного концерта и по дороге к Гроту остановились у итальянского домика.

— Зайдите, не пожалеете! — позвала нас радушная хозяйка-билетёрша. — Домик очень маленький, но уютный, я загадаю вам загадку графа Шереметева, и если вы её отгадаете...

На небольшом металлическом дереве нам предстояло найти три гусеницы, которые прятались в листиках. Две я увидела сразу, а вот поиск третьей затянулся. Наконец-то я отыскала и её.

— Теперь загадайте желание! Уверяю, каким бы оно ни было, обязательно сбудется! — улыбаясь, предложила женщина.

— Тогда... мы завтра же окажемся в Париже, — произнесла я серьёзным голосом и... засмеялась.

В театре мы сидели в 6-м ряду на 13-м и 14-м местах. Такое опасное сочетание «6» и «13» меня несколько не волновало — сегодняшний день казался одним из самых счастливых в жизни! И вот — наконец-то! — мы добрались до старой и давно пустующей квартиры, где когда-то жили родители Николая. Нас встретила нестерпимая духота, но он сказал, что окна лучше не открывать для конспирации: вдруг соседи испугаются, что кто-то залез в квартиру через окно, и вызовут милицию?

— Безумно хочется спать... — произнесла я и сладко зев-

нула от осознания, что сегодня Николай впервые оставит меня до утра, а не отправит домой в полночь, и мы наконец-то проснёмся в одной постели, как муж и жена.

— Давай хоть выпьем чаю? Не зря же я купил к нему твои любимые пирожные! Здесь, правда, нет электрического чайника, придётся немного подождать...

Я устало кивнула, закрывая глаза. Николай пошёл на кухню, я в полудрёме побрела за ним. Он встал у плиты и задумался:

— Блин, плита газовая, а я забыл, где тут спички...

— И у меня электрическая, — пробормотала я, засыпая на ходу.

— Где же спички, где же, где же... — тихонько напевал Николай. Я обняла его, повиснув на шее в бессилии, и прошептала:

— К чёрту чай! Спа-а-а-ать...

...Я очнулась, посмотрела на часы, лежавшие на тумбочке у кровати, и ужаснулась: не может быть, чтобы я так долго спала! Молниеносно переместившись на кухню, я застала Николая стоящим у окна и воскликнула:

— Слушай, прости! Почему ты не разбудил меня? Ты же говорил, что тебе рано утром надо заехать в...

— А как тебе спалось? — Николай внезапно прервал меня на полуслове.

— «На новом месте», ты имеешь в виду? — удивилась я, вспомнив дурацкую поговорку о том, что женихи снятся

исключительно там, где девушки засыпают впервые.

— Ну да... — отводя взгляд в сторону, вздохнул он. — Что-нибудь снилось?

— Что-то тяжёлое... Я задыхалась, летела в пустоте по какому-то чёрному туннелю... А что?

— И в ушах раздавался грохот и скрежет, — печально добавил Николай.

— Да, кажется. Откуда ты знаешь? Я кричала во сне?

— А как ты сейчас себя чувствуешь? — поинтересовался он, по-прежнему стоя у окна.

— Замечательно!.. Нет, даже не так! Я — самая счастливая женщина на свете! Чёрт с ним, с Парижем! — улыбнувшись, я подошла к Николаю и прижалась щекой к его щеке.

— Прости меня, Поля, — прошептал он мне на ухо.

— За что?! — удивилась я.

— Я никогда не говорил, что люблю тебя. Так вот: я тебя люблю.

«Видимо, что-то действительно произошло, раз он сказал мне это...» — промелькнуло у меня в голове.

— Никто не поверит, кроме тебя, — как-то обречённо произнёс Николай. — Хотя теперь это уже и неважно...

— Что с тобой?

— Я всегда боялся, что ты покинешь Землю досрочно, а вчера...

— Я тоже тебя люблю, — я постаралась успокоить Николая, напряжённо соображая, к чему же он клонит. — Давай

я поставлю чайник?

Николай попытался остановить меня жестом, но я — лишь на мгновение задумавшись: где же тут спички? — подошла к плите и внезапно заметила, что конфорка была УЖЕ включённой, но огня НЕ БЫЛО...

— О, нет! — вскрикнула я от пронзившей меня мысли. — Нет! НЕТ! Только не сейчас, когда всё так хорошо! Скажи мне, что это неправда!!!

— Да, малыш, да, — прошептал он, убитый горем. — Пожалуйста, прости меня, ты же знаешь, что я — не специально.

Я мгновенно оказалась у двери в спальню, но Николай преградил мне путь:

— Не надо, Поля, не заходи туда! Это ужасно...

Я медленно опустилась на пол. Николай обнял меня и, пытаясь хоть как-то утешить, произнёс:

— Всё уже позади. Всё будет хорошо. Сейчас ты успокоишься, и мы отправимся в Париж. Мы ещё никогда не были там вместе...

шоль 2002

8. Кайлас

Мы ехали в Шереметьево на такси. Водитель оказался весёлым и разговорчивым... экскурсоводом, — он знал несколько иностранных языков, работал с туристическими группами в Москве и мечтал о собственной фирме.

— Я обязательно её открою! Овен я, а Овны всегда добиваются своей цели! — оптимистично заявил водитель, прощаясь с нами в аэропорту.

Катя — тоже Овен.

Войдя в здание аэропорта, мы натолкнулись на книжный киоск. Мгновенно просканировав содержимое полка, Катя впилась глазами в какую-то книгу и дернула меня за рукав:

— Смотри! Кайлас!!! Купим?

Речь шла о многотомнике про тибетский «город Богов». Всё, что касалось философии, Тибета и Неизведанного, было связано с самым важным для Кати — поиском ключей от великих тайн Мироздания. С детства её преследовали необычные сны, загадочные голоса и призрачные видения. Над потусторонними штучками, конечно, можно и посмеяться, но Катины сны сбывались. И даже я, отъявленный скептик, стал верить знакам.

— Таскать с собой эти тома? А смысл? — возразил я. — Вернёмся и купим.

В отпуске я решил почитать в электронном виде труд са-

мой Кати — её дипломную работу по философии «Проблема смысла жизни и смерти», но лишнее кило печатных книг в рюкзаке не вызывало у меня ничего, кроме отторжения.

В самолёте Катя периодически вспоминала и вздохнула делалась со мной интересными фактами про загадочную гору Кайлас, расположенную в далёких Гималаях, о которой я тогда толком ничего и не знал.

— А я бы многое отдала, чтобы попасть на эту Гору! Возможно, даже целую жизнь! Говорят, там находится точка слияния параллельных миров — портал, понимаешь? Если ты готов, тебя пропустят! Многие люди ходили к Кайласу, но не все возвращались! А часть из тех, кто возвращался, мгновенно старели! Я уверена: там Время течет иначе! Рерих рисовал и Кайлас, и горы рядом. Его пускали в пещеры, где до сих пор хранятся тела гигантов — людей предшествующей расы, представляешь?!

Я мало что понимал из вложенных ею в слова смыслов, но восторженные тирады девушек требуют поощрений:

— Ты же Овен, значит, обязательно доберёшься и до Кайласа! Но жизнь-то свою за встречу с ним отдавать зачем?

Мы жили в очень красивой гостинице, построенной в стиле средневекового замка, в местечке, окружённом горами со всех сторон — даже из моря «росли» горы.

В тот день мы обедали в ресторане на берегу. Катя снова вспомнила «о своём, о девищем»:

— Кайлас снился мне, очень давно, в детстве, и не один раз. Я стояла у входа в пещеру и смотрела в большое зеркало, каменное — будто кто-то гладко-гладко отшлифовал кусок горы. В зеркале за моей спиной отражалась мама. Я оборачивалась, но мамы не было. Я снова поворачивалась к зеркалу, и мама в зеркале по-прежнему улыбалась...

Я уже собирался возразить ей по поводу каменных зеркал, но в тот момент проходящая мимо нас с тарелкой супа пожилая туристка остановилась напротив Кати, провела рукой над её головой, а затем громко произнесла:

— А канал-то открыт! Столп аж до неба! И душа у тебя старая, последний раз живёшь, что ли?

Мы с Катей переглянулись, но женщина уже пошла своей дорогой, явно не желая вступать в дискуссии.

Я заказал много разных экскурсий. В тот день мы поехали на рафтинг по реке 4-ого уровня сложности. Я никогда ещё не сплавлялся, впрочем, как и Катя, но нам обещали незабываемые впечатления. Мы долго ехали по горам на стареньком микроавтобусе, слушая красивые, но грустные песни. Катя прижалась к моему плечу и внезапно спросила:

— Если я умру, тебе будет грустно?

— Что за бред ты несёшь! — буркнул я.

Сейчас, вспоминая эти эпизоды, я думаю: почему мы не говорим нашим близким добрых слов? Не поддерживаем в моменты нахлынувшей на них печали? Разве сложно мне бы-

ло ответить что-то типа: «Дорогая, конечно, мне будет не просто грустно, но очень-очень грустно! Не умирай, пожалуйста!» Но ведь я, напротив, забурчал!

Когда Катя надела каску и жилетку перед сплавом, она стала похожа на двенадцатилетнюю девочку, хотя и в жизни выглядела младше своих лет. Я бы хотел, чтобы Катя родила мне дочку, но всё время — который год? — откладывал важное для себя решение «на потом».

Я сфотографировал Катю на фоне бурной реки и лодки. Мы подписали соглашение, что организаторы не несут никакой ответственности за наши жизни и тому подобное. Прислушав инструктаж, мы смело ринулись в бой, ещё не ведая о том, что на одном из предстоящих нам порогов недавно погиб такой же, как и мы, турист.

Инструктора звали Сэм. Родом из Непала, он говорил по-английски и знал пару слов по-русски. Я видел, как загорелись Катины глаза, и она воскликнула:

— Сэм!!! Ты видел Кайлас?!

— О, Кайлас! Это великая гора, она рядом с моей страной! — с гордостью произнёс Сэм и посмотрел в небо.

В тот момент нас окружали восхитительные пейзажи высоченных гор. И я, если честно, не понимал: ну что такого может быть в каком-то там Кайласе? Гор на Земле — пруд пруди! Казалось, я был единственным, кто ещё не пел Кайласу дифирамбов.

Наша лодка в итоге не перевернулась, хотя двое мужчин

из неё всё-таки выпали.

Следующие два дня мы провели в развалинах старинных городов. Стоя на вершине безымянного холма с останками древнего храма, Катя призналась:

— Мне сейчас показалось, что я смогу перелететь на ту колонну!

— Нет уж, не надо, не пробуй! — остановил её я.

— А люди предыдущих цивилизаций умели летать! Только представь: силой собственной мысли они перемещали тяжёлые камни и даже сдвигали горы!

— Ты снова — про Кайлас?! Смени гору! Их много!

Катя обиженно поджала губы и замолчала, но вскоре к нам подошёл местный житель, предлагая прокатиться на парашюте, и я отправил её полетать сначала над морем, а потом над горами.

Катя была отходчивой девочкой. Да, девочкой...

Казалось бы, трагичный жизненный опыт, в разы превышающий мой собственный, должен мгновенно превращать любое существо в старика или в старуху, но и выглядела Катя молодо, и в душе оставалась ребёнком. Впрочем, она умудрялась сочетать в себе несочетаемое, тянулась ко всему нестандартному, любила экстрим и иногда, как мне кажется, заигрывала со смертью. Катя не боялась её, но боялась каких-то там... пауков! Представляете? Букашек боялась, а умереть сама — нет! Волевая и добрая, умная и красивая,

что уже — редкость, но в то же время совершенно беззащитная — она явно нуждалась в сильном мужском плече.

Наверное, я любил её, но боялся признаться в этом себе самому... боялся ответственности и потери собственной независимости... Я никогда не выражал своей любви открыто и не баловал Катю.

Вот, например, когда вечером мы пошли прогуляться по местному базарчику, она увидела крошечную пирамиду из разноцветного оникса.

— Смотри, какая красивая! — воскликнула Катя. — Пирамиды нормализуют, усиливают и фокусируют энергию, направляя её в нужное русло! А ещё они переводят земное в небесное! Каждая пирамида — настоящая магия! Говорят, весь комплекс гор вокруг Кайласа — это город разнообразных пирамид!

Пирамида стоила копейки, но прозрачный намёк я демонстративно проигнорировал. Почему я не купил Кате кусочек вожделенного ею волшебства? Потому что всеми фибрами души уже ревновал её к Кайласу и был абсолютно равнодушен к пирамидам, поскольку я в них ничего не соображал. Скорее всего, думаю я сейчас, та непокупка была моим подсознательным протестом — отказом признаться себе самому в том, что Катя знала нечто, чего не знал я, что она стала более начитанной и продвинутой в Потустороннем мире, — за время нашей совместной жизни она сильно выросла и во многом обогнала меня...

Возвращаясь в отель после прогулки вдоль моря, мы услышали внезапные крики у себя за спиной и оглянулись — мужчина в белой майке с логотипом крупной туристической фирмы почему-то отчаянно махал руками, глядя на нас в упор. Мы замерли, а мужчина, подбежав к нам, обратился к Кате с вопросом:

— Вы отказываетесь от ночной экскурсии?

— В смысле? — удивилась она.

— Вы купили её у меня полчаса назад в отеле «Солнце»!
— воскликнул туристический агент и достал блокнот с записями. — Вот... Светлана!

— Нет, Вы что-то путаете. Я — Катя!

— К тому же, многоуважаемый, — мне приспичило вставить свои «пять копеек», — мы из другого отеля и улетаем завтра утром. Нам уже не до ночных экскурсий!

— Вот это да! Прошу прощения! Значит, в отеле «Солнце» поселилась девушка-двойник!

Мужчина ещё раз извинился и удалился восвояси.

— Дурной знак, — сказала Катя и помрачнела. — Двойников встречают незадолго до собственной смерти. Или близкие видят двойников тех, кто вскоре умирает.

— Брось! Ты же Светланы не видела!

Но спорить с женщинами бесполезно.

И тогда я решил...

...да, это было моё решение! — вот в чём беда! — имен-

но поэтому я до сих пор и прокручиваю в голове ту поездку день за днём — я решил поднять Кате настроение! Вместо того чтобы проследовать в номер для сбора рюкзаков-чемоданов, я предложил продлить последний вечер отпуска, посетив развлекательное шоу на открытом воздухе.

В ту ночь на территории нашего отеля выступали местные танцевальные коллективы. В перерыве между танцами факиры и другие «волшебники» демонстрировали фокусы, в том числе с привлечением отдыхающей публики. Катя явно скучала.

— Мечтаешь о Кайласе? — едва сдерживая себя, чтобы не съязвить, спросил я.

— Мне в любом случае надо к нему попасть. Говорят, тот, кто обходит Кайлас 108 раз, уже никогда не воплощается на Земле! А я не хочу больше воплощаться!

Меня начало трясти... И я... — да, это опять был я! — когда в очередной раз факир стал приглашать на сцену желающих получить порцию адреналина перед сном, подтолкнул Катю со словами:

— Кайлас подождёт!

Двое парней в национальных костюмах положили Катю на пол и укрыли её живот деревянной доской, а третий, с завязанными глазами, стал метать в Катю, стоя к ней спиной — один за другим, без перерыва — ножи через плечо. И они попадали в доску до тех пор, пока очередной нож, пролетев мимо, не врезался в пол, а брошенный следом —...

Периодически прокручивая на внутреннем экране, как видеосъёмку, и тот вечер, и наши совместно прожитые годы, я всё больше обвиняю себя... Но даже не в том, что отправил Катю на сцену — я нисколько не желал ей смерти! — а в том, что, привыкший к постоянному нахождению Кати где-то рядом, я перестал ценить присутствие такого маленького чуда в своей жизни. И тогда её забрали у меня... Возможно, это был сам Кайлас...

сентябрь 2003

9. Канарейка

Светлана уже лет десять не появлялась здесь, но ехала на вечеринку к старой знакомой с лёгким сердцем и абсолютным спокойствием в душе. Лишь из простого женского любопытства ей хотелось взглянуть на Артёма, вдруг он живёт там же и окажется дома?

Тогда он работал в какой-то коммерческой фирме. Сначала всё было замечательно: одежда и еда — исключительно из дорогих супермаркетов, машина — самая-самая престижная, и не дача, а дворец. Но вскоре в душе Светланы образовалась бездонная пустота, и она почувствовала себя одинокой. Нет, она любила мужа, только он уходил из дома рано утром и возвращался по ночам — постоянные встречи, переговоры, друзья, партнёры, клиенты и командировки. Ей не хватало его внимания, заботы и, наверное, любви. Светлана не раз просила уделять ей больше времени — тщетно.

«Ты ничего не понимаешь, в этом мире всё решают деньги!» — говорил Артём, и ничего не менялось.

И однажды Светлана от него ушла... в никуда, но достаточно быстро устроилась на неплохую работу, стала получать приличные деньги и жить не хуже прежнего. Она перестала грустить, вскоре снова вышла замуж и родила очаровательных близняшек, но в какой-то момент поймала себя на мысли, что ей уже всё равно, во сколько её второй муж возвра-

щается домой, уделяет ли он ей время или нет. Переговоры — так переговоры. Командировки — значит, командировки.

У них были деньги, которые действительно решали всё.

«Подумать только! Я стала идеальной женщиной для Артёма», — констатировала Светлана, проходя мимо его подъезда, и заметила свет в знакомом окне...

Артём открыл ей дверь и удивлённо произнёс:

— Какими судьбами?! А я в последнее время часто о тебе думаю. Заходи!

Светлана прошла в комнату и оценивающе огляделась по сторонам, но всё — на том же уровне: дорогушая брендовая мебель, картины крутых художников... Лишь в клетке на столе у окна она заметила маленькую птицу.

— Я купил канарейку, чтобы мне не было одиноко, — признался Артём.

— Разве ты не женат?!

— Разве женатые не бывают одинокими? Жена с детьми летом наслаждается Канарскими Островами. А ты... как? Надеюсь, твой новый муж уделяет тебе больше времени, чем я?

— Нет, представь себе. Но мне этого уже и не надо. Я не требую, чтобы он приходил домой пораньше, чтобы мы проводили свободное время вместе... Я стала такой, какой ты хотел видеть меня десять лет назад.

— Что с нами делает время! Тогда мне казалось, что ты слишком требовательна. Хотелось свободы. Наверно, я ещё

не умел любить по-настоящему. Моя вторая жена готова жить и без меня ради собственного комфорта. Сейчас мне хочется, чтобы она просила меня, как ты, возвращаться домой пораньше, гулять с ней в парке, ходить в театры, но ей интересны только деньги... Так жизнь дала мне понять, как сильно я заблуждался... Дорого бы я заплатил, чтобы вернуться в прошлое и вернуть тебя.

— В прошлое нельзя вернуться, потому что в него не нужно возвращаться.

— Значит, ты не смогла бы влюбиться в меня снова?!

— Мне пора...

Они попрощались и в очередной раз исчезли из жизни друг друга.

Через полгода Светлана снова оказалась в тех краях, но уже по работе.

Припарковав машину, она направилась к офисному зданию на деловую встречу, ещё не зная, что та оборвётся внезапно — одновременно с дыханием её жизни — в соответствии с решением Судий о перемещении души Светланы на Небо путём тромбоэмболии. Шансы изменить судьбу, чтобы остаться на Земле, не всегда предоставляются людям в неограниченном количестве, иногда даже кажется несправедливым, что, например, никчёмный пьяница доживает до старости, а восхитительная бизнес-леди отзывается досрочно.

Проходя мимо винного магазина, у которого толпились не

вполне трезвые люди, Светлана заметила на себе пристальный взгляд нелицеприятного мужчины.

— Привет, — произнёс Артём, подходя к ней, шатаясь.

— Не ожидала увидеть тебя... здесь. Что случилось?

— Мой кенор сдох, — пробормотал он.

— Что? — переспросила Светлана, не расслышав.

— Последний друг... Он ждал, когда я вернусь с работы...

Чирикал мне что-то на своём языке... И... сдох — не вынес жизни в нашей проклятой семье! Зато теперь он является мне по ночам — призраком... Ты веришь в призраков?

— Твоя канарейка умерла?

Артём кивнул и шепнул Светлане на ухо:

— Беги от денег прочь. Я потрачу их все, чтобы они не испортили моих детей и не достались жене!

— Что ты такое говоришь?! — воскликнула Светлана, отшатнувшись от него в ужасе и подумав: как же хорошо, что их пути разошлись!

— Да, наши пути разошлись, — будто читая её мысли, произнёс Артём. — И в прошлое невозможно вернуться, потому что в него не нужно возвращаться... Но, кто знает, если бы ты не ушла от меня тогда, возможно, сейчас на моём месте оказалась бы ты...

21 сентября 1995

10. Кошачье имя

У неё было кошачье имя, которое не выговорить ни одной собаке, но она никогда не пахла кошкой, поэтому я не желал ей зла. Я запомнил её хорошенькой: добрые собачьи глаза и тёмная шёрстка... то есть, простите, волосы. Если считать, как считают люди, лет ей было немного, но собаки столько не живут. Не могу сказать, что она выглядела настолько прекрасной, чтобы влюбиться в неё такому псу, как я, но для моего хозяина — совсем другое дело! Когда она звонила, выражение его лица внезапно менялось, руки начинали тереть телефонный провод, и, если бы у моего хозяина имелся хвост, то он бы им обязательно завилял! У меня всегда так получается непроизвольно, когда я общаюсь с теми, кто мне нравится...

Говорили они недолго — назначали встречу. Не знаю, почему он брал меня с собой, но я радовался — всегда приятно составить компанию добрым людям, и я вилял хвостом при виде неё за двоих — и за себя, и за хозяина.

Я помню каждую их встречу. Мы ждали её под деревьями во дворе за домом. Она всегда улыбалась, подходя к нам, казалась такой счастливой... Мы шли по дороге, ведущей в парк. Они разговаривали о вещах, которые, по-моему, не стоили того, чтобы о них говорить. Вообще, собаки потому и молчат, что говорить, на самом деле, не о чем. Всё уже дав-

ным-давно сказано. Остаётся или быть, когда тебе грустно, или лаять, когда нервничаешь, злишься, хочешь привлечь внимание или радуешься, — всё зависит от интонации... А вот люди до сих пор разговаривают, они просто ещё много чего не поняли в этой жизни, в отличие от собак...

Не знаю, где и когда они познакомились, но, судя по всему, очень давно. Они вспоминали те дни, когда были вместе. Но, несмотря на то что разговоры этих странных людей сводились исключительно к Прошлому, ведь что-то всё-таки ещё связывало их в Настоящем?

Сначала я никак не мог понять, почему же они не вместе. Представьте себе моё удивление, когда однажды вечером во время нашей совместной прогулки, она сняла перчатки, и я заметил золотое кольцо на её правой руке! Вы ведь знаете, что это значит?! И кто это у вас, у людей, такую ерунду придумал — жениться?! Собаки никогда не женятся и не выходят замуж, потому что всё это — не-серь-ёз-но!!! Ну что меняет колечко? Пара лишних грамм на пальце! Кольца ничего не значат в этой жизни, как и многое другое. Оттого собаки и не носят колец. Вообще никаких. И, кстати, не только собаки, заметьте...

Хозяин рассказал мне самую странную историю любви из тех, которые я когда-либо слышал. У собак такое бы точно никогда не приключилось! Он, видите ли, её любил. Но тайно. И никогда ей об этом не говорил... Ну, встречались они, встречались. Гуляли, гуляли. Но ведь среди людей —

мужчин много, и не все предпочитают любить тайно. Кто-то может повстречаться, погулять и пойти дальше! И однажды этот кто-то в её жизни появился, повстречался, погулял и предложил злополучное кольцо. Она, естественно, рассказала об этом моему хозяину. Он, конечно же, был ошеломлён, но даже пальцем не пошевелил, чтобы остановить её! Как вам оно, а?.. Не «вау-вау», а «гав-гав», согласитесь! В итоге она так и не узнала, что он её любил, а я так и не понял: почему он ей ничего не сказал?! Кольца, что ли, пожалел?

В последний раз я видел её поздней осенью. Мы, как и обычно, встретились во дворе и пошли в парк. Она выглядела ещё более красивой, но совсем печальной. В парке, внезапно сославшись на усталость, она присела на скамейку. Я внимательно наблюдал за ней. Она собиралась произнести что-то очень важное. Для неё и для них обоих. Наступила мучительная пауза. Она молчала. И он молчал. Я всячески пытался заставить её заговорить — кружился у ног, вилял хвостом, гипнотизировал взглядом и в результате не выдержал и даже залаял! Но она не поняла меня, тяжело вздохнула, резко поднялась и сказала, что ей пора...

Мы стояли у её дома, они прощались. Она ушла... навсегда... Сначала я думал, что он позвонит — скажет, что любит её, ведь он и вправду её любил! Да, любил. Потому что видели бы вы, как он подпрыгивал с дивана каждый раз, когда звонил телефон, и с какой надеждой в голосе произносил «Да», а потом, поняв, что это — не Она, мрачнел ли-

цом. Вот, скажите, разве собаки так поступают? И однажды я столь сильно озверел, что подошёл к хозяину и куснул его. Он, видимо, и не понял, за что, — обиделся...

Я попытался сделать всё возможное со своей стороны, чтобы помирить их. Когда хозяин брал меня с собой на прогулку, я тащил его к её дому, и мы бродили под деревьями того двора, где она обычно выходила к нам, улыбаясь. Я пробовал отыскать её по запаху, но вспомнили б вы, какие в ту осень дули ветры! А вскоре повалил снег, замечая следы Прошлого, и наступила зима. Она покинула нас... И, заметьте, без всяких «гав-гав»...

Я никогда не понимал человеческой природы и, видимо, уже не пойму. Но почему же люди, которые, в отличие от собак, обладают даром речи, не в состоянии понять самих себя и друг друга хотя бы просто для того, чтобы стать счастливыми?..

август 1996

11. Кристи

Я работала в платном колледже преподавателем младших классов. Мне исполнилось двадцать пять, и я была полна надежд и планов на будущее. Жизнь баловала меня. Я ни в чём не знала отказа и получала всё, что хотела. Беды обходили меня стороной, и я чувствовала себя счастливым человеком.

Колледж находился недалеко от города на берегу небольшого красивого озера в сосновом бору. Мы принимали детей, чьи родители могли заплатить довольно-таки значительную сумму за год обучения. Преподавание велось по обычной школьной программе, если не считать факультативных кружков и секций, но ребята проживали в колледже на протяжении всего учебного года, хотя родители, конечно же, могли забирать их домой на выходные и каникулы. Кормили у нас очень вкусно. Спальные комнаты были обставлены не хуже люксовых номеров в отеле, но в духе детских сказок. В свободное время ученики играли, гуляли и, в целом, делали, что хотели. Им никто никогда почти ничего не запрещал.

В тот год я набирала первый класс и боялась, что не смогу общаться с малышами на одном языке. Впрочем, вскоре я вполне освоилась, и всё шло отлично: класс оказался дружным, дети — способными.

Перед Рождеством я попросила родителей приехать на со-

брание, после чего они могли забрать ребят на каникулы. Возвращаясь вечером в учительский корпус, я заметила маленькую девочку в беличьей шубке, которая, по-видимому, кого-то ждала. Это была Кристина из моего класса.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась я.

— Мой папа приедет?

— Конечно! Иди к себе, уже поздно.

— Нет же, Элис! Поговори со мной! — почти шёпотом произнесла Кристина, отводя взгляд в сторону.

Я не знала, как отреагировать на её слова. Никто из учеников не обращался ко мне на «ты», и я уже собиралась сделать девочке замечание, но потом, взглянув в её печальные глаза, передумала. Да и атмосфера Рождества буквально витала в воздухе: метель превратила опушку леса в сказку, загадочно светили фонари, падал снег...

— Ступай к себе, Кри! — повторила я, но девочка не сдвинулась с места и продолжала молчать, вынуждая меня категорично добавить: — Мне надо идти, до завтра!

Я сказала неправду: мне незачем было спешить, просто не хотелось оставаться с Кристиной наедине. Пройдя метров десять в сторону учительского корпуса, я услышала её голос, позвавший меня: «Элис! Ты похожа на...» Но я не обернулась...

Накануне родительского собрания я планировала прогуляться вдоль озера с подругой, учительницей седьмого клас-

са, но её внезапно вызвал директор, и мне пришлось бродить в одиночестве. Однако, едва я присела на скамейку, рядом со мной, возникшая будто из ниоткуда, материализовалась Кристина.

— Почему ты одна, Кри? — спросила я.

— Я люблю так.

— Ты не любишь играть с другими детьми?

— Нет.

— Почему?

— Я — не такая, как они...

Мне снова захотелось спросить «почему», но я промолчала, а Кристина тихо добавила:

— Ну же, Элис! Поговори со мной!

— Воспитанные девочки не обращаются на «ты» к тем, кто старше!

— Но я буду обращаться так только к тебе!

Я увидела слёзы в её глазах, но мне с детства претили плаксы, и я полу-приказным тоном сказала:

— Так нельзя себя вести! Иди к своим друзьям!

Кристи молча встала и пошла прочь.

Я провела родительское собрание без эксцессов. Когда все разошлись, и я осталась в кабинете одна, в дверях появилась Кристина.

— Ты ещё не уехала? — спросила я.

— Папа не приехал, — грустно произнесла она.

— А твоя мама?

Девочка пожала плечами.

— Пойдём, ты позвонишь домой? — предложила я.

— Пойдём!

«Опять эти вольности!» — подумала я...

Кристи набрала телефонный номер по памяти. Ей что-то ответили, но девочка промолчала и положила трубку.

— Не туда попала? — спросила я.

Кристи молча вышла из комнаты. Я заставила её вернуться и позвонила к ним домой сама. К телефону подошла бабушка. Она сказала, что папа Кристины обязательно заедет в колледж, когда вернётся из командировки через две недели. Я передала эту информацию девочке, но не получила никакой реакции в ответ.

— А почему ты бросила трубку? — переспросила я.

Кристи встала и молча пошла прочь.

— Кри! — крикнула я, но она даже не обернулась.

Я разозлилась и решила пожаловаться на девочку её отцу.

Две недели каникул пролетели мгновенно, и ребята снова приступили к учёбе. Надо отдать им должное — класс у меня собрался отличный! Мне было не по себе лишь от Кристины, но волей-неволей я видела эту странную девочку каждый день. Она пронзала меня своим взглядом, я выходила из себя и придиралась к ней по мелочам — прекрасно понимая, что так нельзя, я ничего не могла с собой поделать.

Наконец-то приехал Кристинин отец. Он привёз много игрушек и сладостей. Девочка не хотела его отпускать.

— Я вернусь за тобой летом, когда ты закончишь учиться, и мы поедem к морю. Ты же любишь море, да?

Кристи кивнула в знак согласия, а я вдруг представила её взрослой — она превратится в красавицу и многих сведёт с ума.

После встречи с отцом Кристина вела себя гораздо лучше и не подходила ко мне во внеурочное время. Впрочем, как мне показалось, девочка ещё больше замкнулась в себе.

Однажды, когда на уроке музыки все пели весёлую (но, если честно, очень глупую) песенку, я вдруг заметила, что... Кристи не поёт. Как обычно, она сидела на последней парте одна, но на этот раз — в наушниках...

«Кристина слушает музыку?! Избалованная девчонка! Что она себе позволяет! Всё ей можно! А ведь ей всего-то восемь лет!»

— Кристи! — вскрикнула я от гнева, подойдя к ней.

Девочка судорожно вцепилась своими маленькими ручонками в плеер.

— Отдай мне сейчас же!

— Нет! — твёрдо сказала она.

— Если ты не отдашь мне свою игрушку, я сегодня же вызову твоих родителей, и ты больше не будешь здесь учиться!

Кристина в бессилии разжала пальцы, а потом встала и

выбежала из класса в слезах. Когда урок закончился, я включила плеер, но вместо музыки услышала приятный женский голос. Как я поняла, это была мать девочки. Ей зачем-то потребовалось уехать на несколько лет в другую страну, и перед отъездом она записала дочке свои наставления.

Учебный год закончился. Родители забирали детей по домам. Я сидела на веранде летнего здания колледжа и читала любовный роман. На следующий день я улетала на море, ещё не зная, что больше не буду преподавать здесь, потому что выйду замуж и перееду в другую страну.

Кто-то бесшумно подошёл ко мне сзади и осторожно дотронулся до моего плеча. Я обернулась и увидела Кристи. Она протянула мне букет собранных ею цветов, а я...

— Ну же, Элис! Это тебе, — сказала она.

— Опять?!

Девочка ничего не ответила, но присела рядом.

— Скучаешь по родителям? — спросила я, пытаюсь не заводить. — Они у тебя часто ездят в командировки?

— Так говорят...

— Но командировки рано или поздно заканчиваются!

Девочка молча пожала плечами и вздохнула.

Подъехала очередная машина, из неё вышел отец Кристины. Девочка бросилась к нему на шею.

Когда он подошёл ко мне и стал благодарить за что-то, я уже ничего не слышала — вспоминала, как его дочь безоб-

разно себя вела, обращалась на «ты», бросала трубки, слушала плеер и делала всё, что ей вздумается. Не помню точно, что именно я тогда наговорила её отцу, но он спокойно выслушал меня и, когда я остыла, печально произнёс:

— Мне очень жаль, но... не обижайтесь на неё, Элис!

Он оставил нас наедине, предложив дочери попросить у меня прощения.

— Ну, прости меня, Элис... — демонстративно холодно произнесла девочка, явно не чувствуя раскаяния.

Я резко встала со скамейки: Кристина даже прощение просила, обращаясь на «ты»! Я сделала несколько шагов и услышала её голос:

— Ты похожа на неё...

Но я даже не обернулась, вспомнив по дороге, что на скамейке остались цветы, которые подарила мне Кристи.

Я вышла замуж и вернулась в колледж в первый день нового учебного года, чтобы забрать документы. Мои ребята подросли, но почти совсем не изменились. Среди них я не увидела только Кристину. Подруга-преподавательница сказала, что в списках учащихся девочка числится.

Мы с подругой пришли к директору. Мне, собственно, было уже не до Кристины — требовалась подпись директора на моих документах, но подруга поинтересовалась, почему девочка отсутствует.

— Её отец — мой старый школьный приятель, — произ-

нёс директор. — Когда в прошлом году у Кристины умерла мать...

— А у неё умерла мать? — удивлённо воскликнула я.

— Да, но девочке говорили, что её мама уехала в командировку. Бабушка Кристины, мать её отца, не любила внучку — не признавала, как, впрочем, и свою невестку. И тогда я посоветовал отдать девочку к нам.

— Так почему же она не приехала в этом году?

— Кристина и её отец... пропали...

— Как пропали?! — я была ошеломлена.

— Уехали на море, но так и не вернулись. Полиция до сих пор разыскивает их... Кстати, Элис, она ведь училась в вашем классе?

...С тех пор прошло много лет, и я сама исчезла из мира. Но, сжигая в костре воспоминаний различные истории своей земной жизни, я до сих пор не могу расстаться с этой, ведь каждый раз, когда судьба преподносила мне горестные уроки, я слышала детский голос, шепчущий: «Ну же, Элис!»

31 июля 1992

12. На берегу Темзы

Лондон — мечта моего детства с тех самых пор, как в школе на уроках английского нам стали рассказывать о его достопримечательностях. Те же самые достопримечательности я учила и на подготовительных курсах при МИДе, а затем — в ВУЗе. Казалось, ещё даже не побывав в Лондоне, я уже знаю его лучше, чем какой-либо другой город на свете. Разве что получить визу в Великобританию шансов у меня было мало, поэтому я откладывала поездку в Лондон на последнюю страницу, возможно, и своего последнего загранпаспорта, — кто знает, за каким поворотом в судьбе уже подвешен тот самый кирпич, который внезапно свалится тебе на голову, или произойдёт нечто иное, препятствующее отпуску за рубежом?

Везде и всюду я путешествовала одна. Виталик разводил руками — у него всегда находились причины, по которым он «не мог» присоединиться. Однако в канун Рождества Виталик клятвенно пообещал, что в наступившем году мы обязательно съездим куда-нибудь вдвоём. Я работала руководителем отдела закупок и бывала свободной для путешествий трижды в году: на майские праздники, в августе и на Рождество; и в загранпаспорте оставалось как раз три странички для виз. Майские и Рождество Виталик традиционно проводил с женой (которую, как и многие мужья, клятвенно обе-

щал бросить, но никогда не сделал бы этого, поскольку «её жалко», ведь «она не переживёт, а ты — сильная!»), поэтому для нашей совместной поездки оставался лишь август. Зная заветную мечту моего детства — увидеть Лондон, Виталик предложил, чтобы я поехала в Лондон на майские, а в августе мы отдохнём где-нибудь на райских островах. Что ж, логично, не так ли?

В Лондоне мне очень понравилось! Я исходила его вдоль и поперёк и вернулась домой с чувством полного удовлетворения. Кстати, британцы дали мне визу на полгода и многократную, но возвращаться при ограниченных финансах я не видела особого смысла — гораздо приятней посетить нечто, ещё не изведенное!

Чудес Света на планете Земля — явно больше, чем семь энциклопедических, и я уже размечталась, куда бы мне отправиться на Рождество после августа в раю с Виталиком, как шеф срочно потребовал оформить мне визу для командировки в Мюнхен — на одно чудо Света в моей копилке путешествий стало меньше! Я уже давно объехала всю Германию, включая Мюнхен, и во время отпуска, а не командировки. Однако мой негатив достиг ушей Вселенной: как только немцы предоставили мне однократную визу на пять дней июля, так командировка сразу же отменилась! Но штамп-то в загранпаспорте отменить невозможно — предпоследняя страничка оказалась безвозвратно испорченной и потраченной в никуда! Моё внутреннее возмущение от собственной

беспомощности зашкаливало, но в итоге так и не вылилось наружу, поскольку... каждый божий день приближал меня к заветным августовским островам с Виталиком!

Я прошерстила Интернет, обзвонила все туристические агентства, которые занимались островами, чтобы выбрать для нас самый-самый райский, и мысленно находилась скорее там, чем здесь. Подготовив ворох обворожительных платьев и прикупив пару очаровательных купальников, я подписала заявление на отпуск, что с каждым годом становилось всё проблематичнее, — шеф мутировал в рабовладельца...

И вот, за пару дней до отъезда, Виталик заехал за мной, сияющей от предвкушения рая, чтобы обсудить наши планы в ресторане. Он внимательно выслушал все мои мечталки и хотелки под основное блюдо, а на десерт внезапно произнёс:

— Лара, я уезжаю... в Лондон.

— Как в Лондон?! — ещё ничего не понимая, переспросила я. — Когда уезжаешь?!

— В командировку на весь август...

— Но ещё вчера ты говорил, что тебя отпустили!.. со мной!.. на острова!

— Да, но сегодня... всё изменилось... Возможно, в сентябре...

— Но в сентябре не отпустят меня! — мне казалось, что я сейчас умру. — Ни в сентябре, ни в октябре, ни в ноябре!!!

— Ты можешь поехать одна...

— Что делать на крошечном острове в Раю одной?! Там

отдыхают только парами!

— Тогда поезжай куда-нибудь ещё, — спокойно произнёс Виталик, чем привёл меня в бешенство.

— Куда-нибудь ещё — это куда??? Я не успею оформить визу!

— Поезжай в безвизовую Турцию.

О, лучше б он даже не заикался мне про Турцию! Я победела от гнева.

— В Турцию? Где каждый год на протяжении стольких лет ты отдыхаешь со своей женой? Чтобы я, одиноко лежа на пляже, невольно представляла, как вам здесь было хорошо вдвоём?!

— Лариса, дорогая! Я мог бы предложить тебе приехать ко мне в Лондон, но я буду работать с утра до ночи, и тебе станет скучно — ты же только что вернулась из Лондона. К тому же, я буду жить не в самом Лондоне, а в пригородном городке, откуда до Лондона — минут сорок на электричке. В отеле у меня одноместный номер с завтраками. Я прикинул, во сколько обойдётся твой визит, и это очень дорого — ездить в Лондон каждый день туда и обратно, чтобы не сидеть в голом поле, обедать и ужинать, плюс доплата за двухместный номер — сама знаешь, какие маленькие одноместные номера в Британии, да и авиабилеты — не копеечные... У меня нет возможности заплатить за тебя такую сумму, а платить тебе самой — всё равно, что выбросить деньги на ветер. В Лондоне, кстати, сейчас аномальная жара. Люди в

фонтанах купаются! А ты говорила, что жару плохо переносишь. Приехать в Лондон на неделю, чтобы побыть со мной только одни выходные и поплавать в фонтанах?! Вспомни: возвращаться — плохая примета!

Отчаянье переполнило меня, слёзы готовы были хлынуть из глаз. Я вскочила из-за стола, швырнула салфетку в вазочку с обожаемым мной фруктовым салатом и закричала:

— Я ненавижу Лондон! Ненавижу! Ненавижу!!!

Вокруг воцарилась гробовая тишина. Все замерли, включая официанта с чашечкой эспresso, которую он уже собирался поставить на наш столик. Я схватила сумку и, не замечая никого на своём пути, направилась к выходу.

Я променяла двухнедельный отпуск в раю на выходные с Виталиком в Лондоне, приземлившись в аэропорту Хитроу в пятницу вечером. Но едва я включила телефон, как раздался звонок, и Виталик обречённо произнёс:

— Лара... Меня вызывают на выходные в их офис... Но... я приеду к тебе завтра ночью... в Лондон, да?

Я променяла двухнедельный отпуск в раю на одну ночь с ним в Лондоне...

В субботу, где-то в обед, я с грустью смотрела на себя, рухнувшую в фонтан на Трафальгарской площади в +40С. Люди даже не сразу поняли, что мне стало плохо от жары... и что меня здесь больше нет... А я подумала: воистину, возвращаться — плохая примета!

Я променяла свою жизнь на... что?..

Можно ли считать, что это Виталик убил меня?..

Виталик разбился на машине в ночь с субботы на воскресенье, чуть-чуть не доехав до Лондона, — уснул за рулём...

Он променял свою жизнь на ночь со мной?..

Нет, не так: это я убила его...

В воскресенье мы долго сидели на берегу Темзы и составляли план, в какие страны полетим уже без загранпаспорта перед тем, как навсегда исчезнем отсюда...

июль 2003

13. Оракул

Чёрт меня дёрнул затронуть эту тему! Воистину: меньше знаешь — крепче спишь!

Мы возвращались домой с закрытой конференции, а точнее — по домам, когда я, неожиданно для себя самой, произнесла:

— Обещай мне!

— Что, дорогая?

— Мы встретимся в следующей жизни. Я хочу прожить с тобой вместе целую жизнь! И обязательно счастливую!

— Разве тебе плохо в этой?

— А разве можно быть счастливой, когда ты — в одной стране, я — в другой, и у каждого — своя жизнь? Я хочу жить в большом доме у моря, с тобой и нашими детишками, с кошкой и собакой в придачу! Хотя... в следующий раз нам, похоже, предстоит решать задачи иного масштаба, сотворить нечто глобально-важное — не просто же так нас постоянно лбами сталкивают, да ещё и в столь узкой области — в квантовой физике и волновой генетике!

— А что по этому поводу в твоей теории говорится? — улыбнулся Лукас, имея в виду мои умозаключения на основе горы прочитанных философских книг.

— Люди повторно встречаются, если оставили какую-то ситуацию нерешённой. Например, кто-то кого-то обидел, а

обиженный не простил обидчика. Тогда они встретятся, чтобы расстаться «по-человечески». Их души связаны незримыми узами...

— Предлагаешь мне на тебя обидеться?

— Ещё чего! Вот лучше, как вариант: недолюбили люди друг друга, или...

— Должников возвращают, я понял, — улыбнулся Лукас.

— А ещё?

— Ещё, как ты знаешь, противоположности притягиваются!

— А вдруг я предстану пред тобой страшным, как сам чёрт?

— Не злоупотребляй собственной внешностью и не издевайся над теми, чья внешность оставляет желать лучшего, и в следующий раз ты опять явишься в мир лучезарным!

— А кем явишься в мир ты?

— Ну-у-у... если ты — чёртом, значит, я — ангелом?! — от подобного сравнения мне самой стало смешно, но я мигом вернулась к своей теории: — По идее, люди в последующих жизнях развивают таланты и склонности, которыми обладали в предыдущих. Так однажды рождается гений, но никогда не знаешь, сколько жизней ему потребовалось на то, чтобы им стать. В целом, логично предположить, что мы с тобой совершим некий прорыв в области Иной Реальности — квантовый скачок! Переведём планету на очередной уровень бытия!

— И ты уйдёшь в монастырь, чтобы стать Учителем?

— Для этого необязательно уходить в монастырь! Но, если я уйду, тогда тебе тоже придётся оказаться в монастыре! Послушником, например!

— Надеюсь, в женском?

— Ха-ха-ха! Да расслабься, в любом случае, ты почувствуешь, что я — это я. А я почувствую тебя!

— Тогда осталось договориться: где мы встретимся?

— Разве мы уже не договорились?! — засмеялась я.

— У моря... на роскошной вилле... с белыми яхтами?

— У моря... в монастырской келье... с пчелиными ульями!

Мы посмеялись, и Лукас совершенно серьёзно предложил:

— Почему бы тебе не спросить о нашем будущем у твоего знакомого Оракула? Потом поделишься его откровением со мной, а я сделаю себе пометку в Астральных Скрижалях, чтобы не забыть, где воплотиться в следующий раз!

...Оракул был слишком известен в мире (скорее, даже в обоих мирах!), чтобы беспокоить его по телефону среди бела дня, поэтому я решила написать ему письмо.

Однако, когда текст был готов к отправке, внезапно погас свет, и компьютер вырубился — отключили электричество. Через полчаса всё заработало, я снова зашла в почту, написала текст почти до конца, но меня вызвали к руководству, а, когда я вернулась, дописала и попыталась отправить

письмо ещё раз, почтовый сервер вежливо сообщил, что он временно недоступен по причине проведения профилактических работ. После обеда я повторно набила текст, который знала уже наизусть, но сделала ошибку в адресе получателя, и письмо благополучно вернулось обратно. Я скорректировала адрес и отправила снова, но Оракул ответил, что не может раскодировать сообщение: в место буковок — сплошная «абракадабра»! Я переслала письмо в двух других кодировках, но результат оказался прежним. Трижды я набивала текст в программе Word, чтобы отправить письмо в приаттаченном файле, но каждый раз, нажимая на кнопку «Сохранить», Word падал, при этом документ не сохранялся автоматически и, соответственно, не подлежал восстановлению! В результате Оракул позвонил мне сам с предложением сформулировать вопрос устно, что я и сделала с превеликим удовольствием. Оракул ушёл в Астрал, а, вернувшись, набрал меня снова и произнёс с лёгкой печалью:

— Ты больше не воплотишься, Анжела...

— Как?! — воскликнула я от неожиданности. — Но я же ещё столько всего не успела на Земле!

— А разве твоя жизнь заканчивается сегодня?

— Но что я буду делать Там?

— А кто тебе сказал, что ты будешь пребывать исключительно Там? Ты станешь Ангелом... Одним из Воинов Света...

— А Лукас?.. Я встречу с ним?

— Безусловно...

— У моря? — спросила я мечтательно.

— В долине... — нехотя произнёс Оракул и после паузы добавил: — у холма Мегиддо... На последней битве...

После той конференции мы с Лукасом расстались по моей инициативе. Возможно, не последнюю роль сыграли и слова Оракула. Жалею ли я об этом? Да. Кто знает, как бы на самом деле сложилась наша история дальше? Я знаю лишь одно: с головой погрузившись в мир квантовой физики, я так и не смогла найти и прожить свою человеческую любовь. Отслужив своё на Земле, я продолжила службу в Ментальном Мире. Лукас ещё не вернулся, а у меня нет доступа к Лестнице — учусь мысленно передавать нужную ему информацию из области волновой генетики. На отправленный мной запрос в Скрижали о том, насколько достоверно предсказание Оракула, ответ ещё не пришёл. И я до сих пор лелею свою земную мечту о в собственном доме у моря, с Лукасом и нашими детишками, с кошкой и собакой в придачу, несмотря на то, что в ближайшее столетие никаких командировок у меня пока не предвидится.

январь 2003

14. Художник и поэтесса

Дубль №1.

Он спустился на Землю, сохранив память о своей «принцессе» и своём предназначении — стать художником. Он рисовал Её с детства, даже ещё не встретив на Земле, уже зная, что Она где-то есть, и они обязательно найдут друг друга. Он шёл к Ней долгие годы, проходя огонь, воду и медные трубы, чтобы научиться любить так, как любят только те, кто прошёл огонь, воду и медные трубы, и каждая картина приближала Его к встрече с Ней. И вот однажды они встретились. Он сразу узнал Её, почувствовав в Ней родственную душу, но Она не узнала Его — Он не был похож на «принца».

— Обещай мне, пожалуйста, — попросил Он, — что в следующей жизни, когда мы встретимся с тобой снова, ты вспомнишь меня!

— Хорошо, договорились! — пообещала Она.

Дубль №2.

Она спустилась на Землю, сохранив память о своём «принце» и своём предназначении — стать поэтессой. Она писала о Нём с детства, даже ещё не встретив на Земле, уже зная, что Он где-то есть, и они обязательно найдут друг друга. Она шла к Нему долгие годы, проходя огонь, воду и медные трубы, чтоб научиться любить так, как любят только те,

кто прошёл огонь, воду и медные трубы, и каждое стихотворение приближало Её к встрече с Ним. И вот однажды они встретились. Она сразу узнала Его, почувствовав в Нём родственную душу, но теперь Он не узнал Её — Она не была похожа на «принцессу».

— Обещай мне, пожалуйста, — попросила Она, — что в следующей жизни, когда мы встретимся с тобой снова, ты вспомнишь меня!

— Хорошо, договорились! — пообещал Он.

Они не знали, что одному из них уже не суждено возвратиться на Землю...

2008 (?)

II. В РОЖДЕСТВО на КУЗНЕЦКОМ МОСТУ

1. Бог, Барсик и борщ

В больничной палате беседовали три женщины. Одну из них, Людмилу, совсем молодую и красивую девушку, только что привезли на «скорой». Ей предстояла срочная операция под общим наркозом. Людмила расположилась на кровати у двери и даже не стала разбирать наспех собранные дома вещи, оставив пакеты у прикроватной тумбочки.

— Да не переживай ты так, Люда! — подбодрила её уже прооперированная Галина Петровна. — Всё когда-то случается с нами впервые! Вот у меня первый наркоз был — как сон без сновидений! Ничего интересного! А во второй раз... расслабилась я, думаю: не увижу Бога, и Слава Богу! Ан-нет! Представь, оказалась я в тёмном таком коридоре, как в трубе. И летела быстро-быстро. Но только заметила Свет в конце коридора, как... *на* тебе! — на самом интересном месте! — будить меня стали, и я проснулась.

— А у меня, Людочка, наркоз... уже не помню, какой по счёту, — произнесла Валентина Ивановна, чья кровать располагалась прямо у окна. — Но тоже каждый раз — по-раз-

ному. Вчера будто наяву... Свет был, но приглушённый такой, голоса доносились чьи-то. Может, звали меня?.. Трава там в поле яркая-преяркая, прямо изумрудная, цветов много-много и бабочки летают. Шла я по полю вдаль, и так мне было хорошо, так легко! Будто в детство вернулась, к родителям. Подняла голову — вижу: машут мне, а потом говорят: «Мы тебя любим. И отсюда за тобой смотрим. И всё мы о тебе знаем. И помогаем всегда...»

— И что ж ты, мать, не осталась в Раю-то! — вздохнула Галина Петровна. — Чай, там-то всяко проще, чем на Земле!

— Да будто черта была, — ответила Валентина Ивановна. — В поле прям. Невидимая. Дошла до неё, а дальше ноги не идут, и всё тут!

Людмила улыбнулась и произнесла:

— Не верю я... ни в Бога, ни в Свет. Хоть миллион людей расскажут и поклянутся... А, пока сама не увижу, не поверю!

...После операции, которая прошла успешно и не предвещала никаких осложнений, анестезиолог принялся будить Людмилу. Но та не просыпалась. Сердце её замедлило свой шаг и... остановилось. Лицо девушки не выражало ни печали, ни боли, ни радости. Оно было таинственно-прекрасно в своём неземном спокойствии. Анестезиолог выбежал из палаты за врачами-реаниматорами. Соседки Людмилы потеряли дар речи.

В палате появился Ангел. Людмила, присевшая у своего тела на краешке кровати, невольно улыбнулась и произнесла:

— Вот это да! Значит, ангелы существуют?! Ты пришёл, чтобы забрать меня?

— Здравствуй, душа моя. На самом деле, всё существует: и то, что действительно есть, и то, что однажды придумано людьми. Сейчас тебя заберут в реанимацию, и ты вернёшься в тело.

— Нет-нет! — воскликнула Людмила. — Я прекрасно себя чувствую и здесь! Не вижу смысла возвращаться! На Земле я никому не нужна, да и к жизни совершенно не приспособлена. Всё из рук валится. Идёшь к какой-то цели, идёшь и бах — в последний момент! — мир рушится...

— У каждой души — свои задачи на Земле. Не выполнив их, продолжить путь в Небе не получится.

— И какие у меня задачи?

— Всего одна — послужить Богу и людям.

— Что значит «послужить»? — непонимающе переспросила Людмила.

— Однажды ты станешь известной монахиней. Как раз благодаря своей неприспособленности к жизни в миру.

— Я? Монахиня?! — Людмила сжалась при одной лишь мысли об этом. — Ты хочешь сказать, что мне не суждено встретить земную любовь? Если бы ты сейчас пообещал, что я почувствую себя самой счастливой женщиной на свете, я бы, возможно, и вернулась! Но возвращаться, чтобы стать монахиней?!

В палате появился Чёрт.

— Ну что, пойдём? — улыбнулся он, протягивая Людмиле свою мохнатую лапку.

— Куда? — Людмила произвольно переместилась поближе к Ангелу.

— Как куда? На Землю!

— Вы сговорились?! Я же сказала, что не собираюсь возвращаться в своё тело, чтобы становиться монахиней!

— Нет-нет! Ну что ты! Не в своё тело! И не о монахине речь! — хихикнул Чёрт. — Пошли заселяться в бомжа!

— В бомжа?! — вскрикнула Людмила, мысленно представив себя замерзающей в слякотной грязи на улице у продуктового магазина.

— Так ты же не хочешь быть монахиней! — захохотал Чёрт.

В палату вбежали реаниматологи и забрали тело Людмилы, а её душа, Ангел и Чёрт проследовали за телом в реанимацию, чтобы продолжить разговор уже там.

— Слышь, Валь, — окликнула соседку Галина Петровна, — а неверующая-то наша, наверно, Свет-таки увидела! И так ей там, в Раю, понравилось, что возвращаться не захотелось! Эх, хорошо-то как, Господи, что я до Рая не добралась! А то, как она, взяла бы да и не вернулась сдуру! А у меня внуков четверо! Пропадут без меня-то! Кто им борщи варить будет?

Валентина Ивановна вздохнула, молча кивнула в ответ и посмотрела на улицу сквозь пыльное больничное окно. Она слышала разговор души Людмилы с Ангелом и Демоном, хо-

тя и не видела их самих в палате.

У Валентины Ивановны здесь уже давно никого не осталось. Разве что кроме... спасённого ею прошлой зимой рыжего кота.

«Возможно, служение Барсику и есть моя задача на Земле? Не Барсик ли — причина того, что я до сих пор жива? — задумалась Валентина Ивановна. — А может... служение Барсикам? Интересно, сколько котов я могла бы спасти за свою жизнь, а спасла всего одного... Как он там сейчас, без меня? Не забывает ли его кормить консьержка? Небось, уже пару горшков с цветами разбил, проказник!»

Валентина Ивановна улыбнулась, и ей захотелось поскорее вернуться домой, чтобы успеть выразить свою любовь и благодарность маленькому рыжему шалунишке, даже если он не имеет никакого отношения к её миссии на Земле...

март 1994

2. Грешница

Позавтракав яичницей и прихватив с собой пару бутербродов с сыром и колбасой, чуть не забыв Евангелие и крест, приходской священник Алексей Прошкин не спеша отправился исповедать некую прихожанку Пелагею, умирающую от тяжёлой болезни. Батюшка не знал её, поскольку в той церкви служил всего с неделю.

Войдя в убогую комнатку, он увидел женщину около сорока. Казалось, та уже не реагировала на окружающие звуки, а взгляд её был прикован к окну, выходящему в сад, где радостно пели птицы и шумел весёлый ветер.

Батюшка подошёл к Пелагее поближе. Черты её лица показались Алексею слишком знакомыми, но тщетно пытался он вспомнить, где мог пересекаться с умирающей, поэтому, присев на стул у её кровати, как и обычно в таких случаях спросил:

— Мне передали, что ты хочешь исповедаться, Пелагеюшка?

— Да, — слабым голосом произнесла умирающая.

— Тогда поведай мне грехи и прегрешения свои, — батюшка перекрестил женщину и приготовился внимательно слушать.

Пелагея стала рассказывать о своей жизни с самого начала: как в детстве разбила любимую мамину вазу, как часто

ссорилась с сестрой и подругами, как не верила в Бога. Однако, оставшись без средств к существованию в пятнадцать лет, Пелагея пошла играть на флейте по улицам города, чтобы раздобыть денег на еду, но волею Всевышнего впервые оказалась в церкви, где для неё открылся совершенно иной мир.

Рассказанное умирающей до этого момента не особо интересовало батюшку, он даже чуть-чуть всхрипнул, а, проснувшись, лишь периодически покачивал головой. Иногда Алексею казалось, что он уже слышал нечто подобное раньше, но за свою жизнь батюшка успел послужить в стольких церквях, что тысячи историй, исповеданных ему прихожанами, давно перемешались в его голове и благополучно забылись, а новые не запоминались вовсе.

— Тогда я встретила его, — глаза умирающей вдруг заблистали, и она улыбнулась. — Он был добрым и заботливым, красиво ухаживал, но почти ничего не рассказывал о себе — говорил только, что любит меня и мы поженимся на Красную Горку. Однажды я случайно узнала, что жених мой учится в Духовной Семинарии, но перспектива стать женой служителя церкви меня совсем не испугала! Напротив, я даже обрадовалась, потому что сама верила в Бога! Но вскоре, когда я сказала, что у нас будет ребёнок, он запретил мне рожать нашего сына...

— Сына? — батюшка нахмурил брови и затеребил Евангелие.

— Да, Слава Богу, не приняла хоть этот грех на душу! Мы ведь так и не поженились — испугался мой жених, променял меня на дочь богатого и влиятельного чиновника. А сын мой внешне — копия своего отца, и я назвала его Алёшей.

— И сколько лет мальчику?

— Семнадцать.

— Ты рассказала ему об отце?

— Нет, батюшка. Мой сын поёт в церковном хоре и собирается поступать в Семинарию, и я не хочу, чтобы у него изменилось отношение к церкви из-за такого отца. Всё, что он знает, — так это то, что они безумно похожи внешне...

Алексий покачал головой. Его рука прикоснулась к руке Пелагеи. Он немного помолчал, но затем, резко отдёргнув руку, грозно произнёс:

— Значит, дочь моя, ты соблазнила служителя церкви, затем не послушалась его вопреки тому, что женщина должна всегда находиться в послушании у мужчины, будучи созданной из его ребра, а в заключении ещё и сокрыла от него правду!

— Батюшка, но... — попыталась возразить Пелагея.

— О, грешница! Не написано ли в Библии, что всё, мною перечисленное, есть тяжкий грех?!

— Я искренне каюсь во всех своих грехах и прошу простить меня!

— А простил ли тебя тот человек?

— Где же я разыщу его теперь?! — уже в слезах прошеп-

тала несчастная. — Неужели моя душа обречена скитаться по свету неприкаянным призраком?

— Дочь моя, идёт Великий пост, так постись! Возможно, Бог и простит тебя, но не я...

...

Батюшка возвращался в храм, явно будучи не в духе, но лишь одна мысль крутилась в его голове: «Боже, что делает время с женской красотой!»

В тот же вечер Алексей оставил рясу дома и отправился с друзьями в кабак. Сильно напившись, на следующее утро батюшка прогулял службу и всю Страстную Неделю провёл с друзьями, вспоминая Страдания Христа, не расставаясь с бутылкой.

В Пасху, чтобы в очередной раз не лишиться работы, Алексею пришлось протрезветь. За праздничной трапезой после службы ему сообщили, что в пятницу Пелагею похоронили. Покойницу не отпевали по причине отсутствия денег у её сына, однако сорокоуст за упокой матери тот всё-таки заказал.

Прихватив с собой церковного вина, Алексей отправился на могилу новопреставленной и столкнулся у кладбищенских ворот с красивым юношей. Батюшка узнал в нём сына, но сын не узнал бы в нём отца — тот слишком плохо выглядел...

28 июня 1994

3. Чаепитие

Зима... «Мороз и солнце»...

Пётр Сергеич Мирный шёл по главной аллее своей больницы. Вчерашняя метель замела почти все дорожки, по которым обычно прогуливались «ходячие» пациенты. Снег скрипел под ногами. Всё было хорошо, но странное предчувствие чего-то нехорошего не давало ему покоя.

Внезапно кто-то догнал Петра Сергеича и хлопнул по плечу:

— С днём рождения!

Пётр Сергеич обернулся:

— А, Миша, спасибо-спасибо! Отметим в обед обязательно!

— Кого звать-то будешь?

— Да как обычно: тебя, заведующую, медсестёр, ну и из морга наших. Часов этак в...

— Придём! И с собой к «чаю» принесём что-нибудь вкусненькое!

Пётр Сергеич подошёл к двери в хирургический корпус, и дежавю промелькнуло перед глазами — по утрам он вздыхал, представляя, что открывает её в очередной день своей жизни, которая с каждым разом лишь укорачивается. В тот день открывать дверь совсем не хотелось — он стал старше на год, чёрт возьми!

Набросав краткий план и пригласив коллег зайти к нему в ординаторскую на «чаёк» в обед, Пётр Сергеич отправился на обход больных.

Старушка из третьей палаты была совсем плоха.

«Выписать её, что ли?» — подумал он.

А вот в палате №4 у Петра Сергеича внезапно защемило сердце. Одна из кроватей пустовала. Он собирался спросить медсестру, куда подевалась больная, но потом вспомнил, что вчера её перевели в другое отделение.

«И слава Богу!» — подумал Пётр Сергеич и даже, наверное, перекрестился бы, если бы не рядом стоящая медсестра. Он вновь взглянул на пустующую кровать, тщетно пытаюсь вспомнить, почему именно она вызывает в нём странные ощущения, аналогичные дежавю.

— Что-то не так? — взволновалась медсестра, которая боялась потерять прибыльное место работы в его отделении.

— Нет-нет, Ириша. Я просто задумался.

Когда все собрались «чаёвничать» и заведующая поднялась, чтобы произнести тронную речь, дверь в ординаторскую внезапно открылась, и на пороге появилась больная из третьей палаты:

— Простите, пожалуйста, но... старушка... она умерла, кажется...

«Вот чёрт! Не успел выписать!» — мысленно буркнул Пётр Сергеич и снова отчего-то поймал себя на ощущении дежавю.

Заведующая мгновенно опустошила стакан и сухо прокомментировала:

— Если умерла, то и подождёт немножко. Не видите, у нас совещание?

Больная из третьей палаты послушно кивнула и закрыла за собой дверь, но тут же зазвонил телефон. Охранник с проходной доложил, что к Петру Сергеичу пришла некая Надежда, и поинтересовался, что с ней делать? Пустить?

«Только её мне тут ещё и не хватало!» — недовольно про бурчал про себя Пётр Сергеич.

Надежда была его тайной любовью и, действительно, последней надеждой, которую он ото всех прятал, в том числе и от своего родного коллектива. Заведующая являлась близкой подругой его жены, поэтому Пётр Сергеич совсем не хотел видеть Надежду у себя на работе. Ни сейчас, ни когда бы то ни было вообще. Тем более, они договорились: он заедет к ней вечером после «чаепития», если же, конечно, будет в адекватном состоянии, чтобы вести машину.

— Не надо пропускать! Это моя бывшая пациентка. Я сейчас сам подойду...

Спускаясь по лестнице, Пётр Сергеич почувствовал, как сердце заняло сильнее. И в дверях на первом этаже он внезапно остановился, столкнувшись с девочкой лет двенадцати, невысокого роста с растрёпанными, слегка завивающимися тёмными волосами и огромными чёрными глазами. На её ресницах блестели снежинки...

«Опять снег!» — подумал Пётр Сергеич и невольно содрогнулся, а вслух зачем-то произнёс привычное:

— Посещение больных с пяти до семи...

Девочка продолжала молча гипнотизировать Петра Сергеича взглядом, будто бы она пришла именно к нему, а не навестить кого-то.

— Вы к кому? — почти шёпотом спросил он.

Девочка молчала. Она выглядела бедной — старый полушубок, который ей явно мал, чёрная длинная юбка, вероятно, доставшаяся по наследству от старшей сестры, стёртые сапожки. И ещё у неё почему-то отсутствовали варежки и шапка...

Петру Сергеичу вдруг показалось, что он видел эту девочку раньше. Туманное дежавю преследовало его с самого утра.

«Эти глаза уже смотрели на меня, эти же ресницы, брови. Господи, да где же я её видел? Только нос не такой... Стоп! А какой нос я имел в виду? Что стало с моей памятью?! Неужели я так стар? Почему она молчит? Как она сюда попала?» — размышлял он.

— Пётр Сергеич! — раздался сверху голос заведующей. — С проходной звонили! Сказали, что Надежда Ваша не может больше ждать — уходит! Возвращайтесь!

— Да-да, иду, — откликнулся ещё замороженный видением хирург.

Девочка продолжала пристально смотреть ему в глаза, и...

внезапно он вспомнил! Ужас отразился в его зрачках. Девочка покивала головой и... мгновенно исчезла!

Заведующая спустилась по лестнице к юбиляру, который держался рукой за сердце, и удивлённо спросила:

— Вам плохо?

— Это была пустая кровать её матери... Ровно год назад...

— Чья кровать? Чьей матери? Вы выпили, друг мой, всё пройдёт!

— Я был пьян ровно год назад и зарезал её мать на операционном столе! Как я мог забыть?!

— Пётр Сергеич, что это такое Вы на себя наговариваете! Разве Вы выпиваете на работе?! — засмеялась заведующая и, взяв его под руку, повела в ординаторскую продолжать «чаепитие»...

27 мая 1990

4. Бабушка

«Наконец-то!» — воскликнула бы бабушка, которая жила и умерла в Париже, — я прилетела в Шарль-де-Голль в воскресенье в полдень, чтобы насладиться Парижем и... да, так тоже бывает! — умереть в нём. Это решение я вынашивала уже давно, холила и лелеяла, как мать ребёнка, поскольку чувствовала себя совершенно никому не нужной, включая объект моей любви. Умереть в Париже, городе Любви, из-за её ненахождения — чем не сюжет для романа? К тому же моя бабушка мечтала, чтобы однажды я побывала в её любимом городе, и мне хотелось исполнить бабушкину мечту, пусть даже для неё и посмертно...

Погода стояла солнечной и тёплой. Подъезжая к отелю, я заметила мост, по которому проходило скоростное метро RER, почти как в фильме «Последнее танго в Париже»...

На следующее утро мне предстояло оказаться у Гран Опера, откуда начинались все групповые экскурсии. К счастью, в номере я обнаружила карту и, несмотря на заверения консьержки, мол до Гран Опера столь далеко, что без метро не обойтись, проложила собственный маршрут — пешком город проще прочувствовать!

Чуть отдохнув, я решила прогуляться и дошла до огромного железнодорожного вокзала Gare du Nord, но затем перепутала улицы и, видимо, направилась не в ту сторону, в

результате чего заблудилась.

В тот отчаянный для меня момент (я же не знала французского!) произошло нечто странное — мгновенно поменялось небо: сбежались тучи, исчезло солнце; и резко похолодало. Невольно съёжившись, я огляделась по сторонам и увидела в толпе... свою бабушку! Не может быть! Неужели она эмигрировала в Париж, инсценировав свою смерть?!

— Ба! — воскликнула я, подбежав к ней.

Бабушка, вся в чёрном, подобно монахине, хотя в её руке вместо чётки и поблёскивала связка ключей, подала мне знак следовать за ней.

— Ба, послушай, но ведь два года назад... разве ты... не умерла?! Ты что, живёшь здесь? — не унималась я.

«Тсс!» — цыкнула она и продолжила путь.

Я поняла, что расспрашивать бесполезно, — бабушка славила характером железной леди, и послушно побрела за ней, по ходу движения с любопытством первооткрывателя глаза по сторонам.

Чем дальше мы отдалялись от места встречи, тем более странным казалось мне происходящее. Вот, например, люди на улице...

Во-первых, их было слишком много. То есть неестественно много.

Во-вторых, бросалась в глаза их одежда: кто-то шагал в лохмотьях, кто-то — в мехах, но большинство — в разнообразных театральных костюмах. Мимо меня проплывали

дамы и рыцари Средневековья, повсюду шныряли грязные, как трубочисты, рогатые и хвостатые черти, периодически то здесь, то там мелькали клыкастые вампиры со следами крови на губах...

Я решила, что в городе — карнавал, но меня смущали лица актёров — в них чувствовалось нечто противоестественное. Да и зловещее небо в свинцовых тучах придавало происходящему привкус дьявольщины. Слава Богу, фонари уже зажглись, правда, чем дальше мы брели, тем туманнее становилось вокруг.

Вскоре бабушка свернула в узкую улочку, мощёную камнем, которая от нахлынувшего тумана окрасилась в серо-голубые тона. В конце улицы находился небольшой бар. И я, следом за бабушкой, зашла внутрь.

Там было полно народу, но откуда столько... чертей?! Вокруг почти каждого гостя кружилось как минимум двое хвостато-рогатых, что-то нашептывающих тому в оба уха. Вульгарные полуобнажённые женщины с рожками поменьше танцевали у столиков и вальяжно расхаживали по заведению.

Моя бабушка в одежде монахини, смотревшаяся на их фоне совершенно дико, не обращая ни на что внимания, молча провела меня в дальний угол к седому падре, сидящему в одиночестве за столиком у окна со свечой и псалтырю.

Падре жестом пригласил нас присесть рядом.

— Здравствуйте, — произнесла я, пытаюсь разрушить затянувшееся молчание. — Что здесь происходит?

Падре достал из холщовой сумки, висевшей на стуле, какой-то свиток и протянул его мне без комментариев.

Я раскрыла свиток и обнаружила... Да нет! Такого не может быть! Происходящее со мной — сон!!!

На левой половине свитка в графе «Минуса» прямо на глазах друг за другом проявлялись мои нехорошие поступки и мысли, записанные кем-то чёрными чернилами, а справа — в графе «Взаимозачёт» — красными чернилами проявлялось нечто, аннулирующее указанное слева.

Я зависла над свитком и по мере просмотра обращала внимание на даты каждого пункта слева и справа — иногда разница между ними составляла годы!

Не вызывало оптимизма и то, что даже малейшая негативная мысль слева требовала, на мой взгляд, совершенно несопоставимых жертв справа!

А ещё — открытие! — в качестве платы за мои злодеяния указывались благие поступки и молитвы не только бабушки, которая привела меня сюда, но и совсем далёких предков...

Мне стало страшно, но я не могла остановить просмотр и в итоге уткнулась в жуткий финал: предпоследняя запись слева перечёркивалась обетом молчания бабушки — так вот почему она молчит! — но моё решение умереть в Париже перечеркнуть справа было совершенно нечем!

Внизу, под последним пунктом, шёл обратный отсчёт времени...

Я положила свиток на стол и сжала голову руками, но по-

чувствовала жуткий холод за спиной. Обернувшись, я увидела висельника. Он пытался снять петлю с шеи, но ничего не получалось.

— Один раз затянул — и до скончания века вешаться! — пожаловался мне висельник и упал на колени перед падре. — Помолитесь за меня, святой отец! Я устал таскать её на себе! Два века ношу, а всё — как вчера! И каждую полночь она удушает меня снова и снова! Я так долго Вас искал, падре! Сжальтесь надо мной! На Библии клянусь: я совершил массу добрых дел за 200 лет! Мне сказали, что Вы — самый сильный в вопросах отмаливания самоубийц!

Падре кивнул, перекрестив его шею, и висельник тут же исчез. А я бросила очередной взгляд на обратный отсчёт своего земного времени — оставалось 7 дней. Да-да, как я и планировала. Но провести на Том Свете 200 лет, подобно висельнику, — совершенно не входило в мои планы!

— Падре, — обратилась я к священнику и кивнула на свой последний пункт. — Я не буду этого делать...

Падре посмотрел на меня с грустью и развёл руками. Обратный отсчёт времени в злополучном свитке не прекратился — часы продолжали играть против меня!

— То есть... Вы хотите сказать, что моё решение остаться жить не повлияет на дату моей смерти?! — воскликнула я. — И через 7 дней меня уже не будет на Земле?!!

Я взглянула на бабушку в поисках спасения, но та по-прежнему молчала.

Я вздохнула, задумалась, а затем подытожила:

— Получается, вы позвали меня к себе, чтобы я успела сделать что-то хорошее за оставшиеся мне 7 дней и ушла отсюда «в точке нуля», без «минусов»?

И бабушка, и падре кивнули в знак согласия.

— Но что же я смогу сделать здесь, в Париже? В чужом мне городе, когда я даже не знаю французского!!!

При мысли о своей беспомощности у меня сжалось сердце.

Бабушка развела руками, что, судя по всему, означало: «Дорогая, придумай что-нибудь сама!»

Я проснулась от телефонного звонка — по моей просьбе горничная разбудила меня утром. Умываясь, я так и не вспомнила, как вернулась накануне в отель, однако встреча с бабушкой и падре отчётливо стояла у меня перед глазами и, видимо, запомнится мне на всю оставшуюся жизнь.

Конечно, как я выяснила уже потом, в городе не проходило никаких карнавальных мероприятий. Возможно, бабушка провела меня в Параллельную Реальность? — так бывает, когда человек находится на грани между жизнью и смертью, и дверь между мирами приоткрывается...

«Но... что же мне делать? — судорожно размышляла я. — Как совершить столько добрых дел, чтобы...?»

Сначала я подумала, что групповые экскурсии теперь отменяются, но я не знала французского, а с экскурсоводом

и соотечественниками можно общаться на одном языке, — вдруг кому-то из них потребуется помощь, и я — тут как тут!

Все эти 7 дней, в течение которых я продолжала видеть Оба Мира одновременно, по утрам я примыкала к туристической группе у Гран Опера и, несмотря на её малочисленность, будучи предельно внимательной к каждому, смогла совершить массу маленьких добрых дел неожиданно для себя самой.

Казалось бы, чем помочь богатым людям на их красивом отдыхе в Париже, когда у них и так всё есть? Но если задаться целью — совершить максимальное количество добрых дел, служа всем и каждому, кто попадает в твоё поле зрения, особенно памятуя о том, что над тобой зависла сама госпожа Смерть с вердиктом «В Ад!», уверена: возможностей найдётся предостаточно.

Я практически сдувала пушинки с одежды «моих» туристов, протягивая им руку каждый раз, когда те выходили из экскурсионного автобуса. Превратилась в их персонального фотографа, но принципиально не фотографировалась сама. Поднимала роняемые ими вещи. Терпеливо ждала окончания их нескончаемых примерок в *Galleries Lafayette*, искренне советуя именно то, что действительно идёт. Принесла всем стаканы и столовые приборы в ресторане самообслуживания на обеденной остановке во время поездки в Брюссель. Подхватила мужчину, когда тот поскользнулся, чем спасла его от попадания под наш же микроавтобус. Помогла сори-

ентироваться в метро. Предоставила зарядку для телефона, а потом — и телефон, когда кто-то забыл свой в гостинице. Купила яблок и угостила всех на полдник. Поделилась личными контактами самых-самых мастеров своего дела. Выслушала исповедь каждого, утешила и обнадёжила — всё к лучшему! Поставила свечи за их здоровье в Нотр-Дам де Пари и перед сном своими словами просила Бога им помочь.

Одновременно я пыталась сделать что-то полезное и для окружающих — не из нашей группы — просто по ходу перемещения в пространстве. Помогла спуститься по скользкой лестнице в Фонтенбло, загородной резиденции королей, старушке — туристке из Японии. Покормила бездомную собаку в Люксембургском саду. Подарила свой зонтик прохожему на Елисейских полях — сама добиралась пешком без зонта. Протёрла пыль с верхней части скульптуры в музее Родена — смотритель не дотягивался. Догнала шляпу, унесённую ветром в саду Тюильри, и вернула её незрячему старичку-хозяину. Помогла найти маму потерявшемуся ребёнку в Латинском квартале...

И всё же... вернувшись в отель на седьмой вечер я внезапно осознала, как ничтожно мало — да, мало! — я совершила добрых дел по сравнению с тем, сколько могла бы совершить в течение всей своей жизни, если бы, за исключением последних дней, я не была заиклена на себе...

Ночью за мной зашла бабушка. На этот раз она провела

меня сквозь туман в небольшой собор, где нас встретил тот самый падре. Я поздоровалась с ним, и он по-прежнему молча протянул мне мой свиток...

Сердце сжалось от страха! Я заглянула внутрь...

О нет!!! Последний пункт слева так и не был перечёркнут!!! Справа — да, через запятую, красными чернилами промелькнули все те поступки, которые я совершила в Париже, но их не хватало, чтобы оплатить — уже даже отозванное мной ранее! — решение досрочно покинуть Землю!

Я бросила переполненный ужасом взгляд сначала на бабушку, затем — на падре. Бабушка едва заметно улыбнулась и молча ткнула ключом со своей связки в то место внизу свитка, где ранее отображался обратный отсчёт моего земного времени — он... исчез!!!

— Спасибо! — закричала я. — Спаси-БО!!!

«Тсс!» — улыбнулась бабушка.

«Тсс!» — вторил ей падре.

январь 2000

5. Иконописец

Кто бы мог подумать, что решение квартирного вопроса кардинальным образом изменит мою судьбу и переместит меня в совершенно иную реальность! Воистину: неисповедимы пути Господни, дамы и господа!

Всё началось с того, что я поссорился с девушкой, а затем и с собственной матерью. Вернее, девушка бросила меня, потому что я так и не смог подарить ей квартиру на годовщину нашего знакомства. И тогда я, как ни прискорбно признать — в этом сейчас, бросил свою мать. Конечно, она была тут ни при чём, не ей же дарить квартиру моей девушке, когда у неё самой вообще квартиры никогда не заводилось, — мы жили в деревенском доме. Однако в итоге, оставив наш захолустный тёмный уголок, но не теряя надежды на светлое будущее, я перебрался в город.

В начале мне пришлось поработать курьером по доставке продуктов и пожить в «общаге» — убитой однокомнатной квартире на первом этаже в пригороде, снимаемой сразу всемером — мной и ещё шестью такими же, как и я, курьерами. Через год, устроившись водителем в службу такси, я смог накопить денег на аренду отдельной квартиры. Надо сказать, квартира мне потребовалась срочно — я познакомился с Лейлой. Магически-очаровательная, черноглазая богиня с арабским именем, которое в переводе означает «су-

мерки», или попросту «ночь», она не без гордости позиционировала себя коренной горожанкой в 1001-м поколении и обитала с родителями как раз в престижном районе у женского православного монастыря. Конечно, брать штурмом Лейлу одновременно с её родителями и их квартирой в придачу я не отважился, поэтому решил снять студию поблизости, сразу с мебелью и ремонтом, чтобы не заморачиваться. Однако в том районе ничего подходящего, кроме «двушки» на 13-м этаже, не нашлось. Квартира оказалась достаточно светлой, с прекрасным ремонтом, мебелью и бытовой техникой, но с одним... тараканом: на стенах повсюду вместо картин висели... иконы, и в договоре аренды указывалось, что снимать их со стен категорически запрещено.

Агент по недвижимости, милая блондинка студенческого возраста, заметив мой немой вопрос при прочтении договора, сказала, что квартира принадлежит тому самому, находящемуся рядом с домом, женскому монастырю.

— Да Вы не переживайте! Монашки же не пойдут проверять, сняли Вы иконы или нет! Главное, потом, когда соберётесь съезжать, повесьте их обратно!

Вечером в день заезда, чтобы отметить не столько переселение, сколько начало нового жизненного этапа, весь в мечтах о Лейле, я пригласил на мальчишник своих продуктовых братьев, ранее деливших со мной «общагу».

Уже за полночь, когда ребята засобирались домой и оде-

вались в коридоре, один из них вдруг вскрикнул, уставившись на стену, и прошептал:

— Этот чувак на иконе пригрозил мне пальцем!

Собратья подняли несчастного на смех. Но я, взглянув на пригрозившую икону, замер в оцепенении — изображённый на ней Святой приложил палец к губам: «Тсс!!!»

Проводив ребят, я вернулся в квартиру и решил сразу же завалиться спать, оставив уборку на завтра, но, заходя в спальню, смежную с квартирой соседей, внезапно заметил у окна... монахиню!

Я инстинктивно перекрестился, но картинка не поменялась.

— Не снимай иконы, Стефан, — ледяным голосом произнесла Монахиня и тут же исчезла.

На следующий день, в воскресенье, я рискнул пригласить к себе Лейлу, и она согласилась! Сбросив дорогие меха, Лейла окинула взглядом квартиру и удивлённо спросила:

— А почему ты не сказал, что ты — иконописец?! Или эта квартира — музей православных икон?

— Ну-у-у... — мне совершенно не хотелось терять Лейлу.
— Убрать?

— Конечно! Я же — мусульманка. У нас не принято так. И вообще... не хочу, чтобы они на меня глазели!

Я бросился судорожно снимать иконы, складировав их в тёмный угол стопками, как книги, а они, как назло, развали-

вались... Сколько их было во всей квартире? Явно больше ста...

Лейла... Ах, Лейла...

Она ушла в полночь. Я сидел на кухне за кофе с коньяком и курил, как внезапно... почувствовал поток холодного воздуха за спиной. Обернувшись, я увидел...

— Здравствуй, Стефан, — всё тем же ледяным голосом сказала Монахиня. — Они скоро придут. Верни иконы на место. И уезжай отсюда.

Я не успел ничего ответить, как послышался шум. Монахиня удалилась в спальню и принялась читать молитвы, но кто там хихикал и шушукался?! Я вышел из оцепенения и осторожно подкрался к приоткрытой двери. Увиденное мной походило на сон: бесы — или черти? — высывались прямо из стены, граничащей с соседней квартирой, строили рожицы и хихикали над монахиней, которая продолжала молиться у стопок сложенных мной в тёмном углу икон.

Вскоре раздался жуткий удар в стену со стороны соседей, будто некто взял гигантскую кувалду и решил сломать перегородку между нашими квартирами.

— Чего ждёшь? Повесь иконы! — ледяным голосом приказала Монахиня, обернувшись.

Но я выбежал в прихожую, оделся и уехал к друзьям.

В понедельник мне совершенно не работалось. Кто бы

сказал, что я начну бояться того, чего ещё вчера для меня не существовало в принципе!

Возвращаясь с работы, я всё-таки решил расспросить консьержку о соседях.

— Опять стучит? Да она сумасшедшая! — шёпотом произнесла консьержка, будто боялась, что нас кто-то подслушивает. — Одинокая, если не считать чёрного кота, но молодая ещё, а уже того, с приветом, кукукнутая! Вроде, притихла на время, а теперь опять за своё? Несколько лет подряд стучала так, что весь дом по ночам не спал! Ходили жильцы и к ментам, да что с них взять? В дурку же её не заберут. Менты даже воров не ловят, а тут — бесы!

— Бесы? — оживился я.

— Так стучать только одержимый может! Силы-то в ней сколько, а? Сходили б лучше в церковь и батюшку ей позвали. На отчитку!

Ничего более от консьержки узнать мне не удалось, однако и этого вполне хватало, чтобы хоть как-то успокоиться: дело ясное, что дело тёмное!

Вернувшись в квартиру, я развесил иконы по стенам. Конечно, я не помнил, в каком именно порядке они располагались первоначально, но с ними всяко лучше, чем без...

Мои размышления прервал внезапно раздавшийся звонок в дверь. На пороге стояла Лейла.

— Привет! — удивлённо, но одновременно обрадованно, произнёс я.

— Привет! Вот мимо проходила, подумала... нет ли у тебя желания посмотреть вместе... фильм сегодня вечером?

— В кино? — переспросил я, пропуская её в прихожую.

— Нет, просто по телеку...

Лейла разделась и, бросив взгляд в спальню, воскликнула.

— Как?! Опять?! Ты же снял эти деревяшки!

Наверное, именно в тот момент я впервые задумался о борьбе Сил Света и Тьмы за душу человека.

— Лейла... Видишь ли... по договору аренды... здесь живу я... но не совсем один... Эти иконы...

— Не один?! — Лейла подошла к двери в ванную, но остановилась и подняла брови домиком.

— Да. Здесь ещё... бесы... у соседки... Поэтому иконы, они...

— Бесы?! — Лейла подошла ко мне. — У соседки? А причём тут ты?

— Они сюда через стену приходят.

— От соседки? — переспросила Лейла.

— Да... И монастырь попросил...

Лейла покрутила пальцем у виска, оделась и ушла...

Я стукнул кулаком в стену, а потом поснимал все иконы, проклиная и себя, и их, и бесов, и консьержку, и монахиню за... Лейлу... как внезапно...

Из стены вылезла голова чумазого чёрта.

— Коньячку не найдётся? — поинтересовался он.

— А разве бесы пьют? — ошеломлённо спросил я.

— Нет, конечно! Нюхают! — чёрт расплылся в улыбке чеширского кота и, хихикнув, подмигнул: — Нас к земному тянет — праной не корми! По телу скучаем — потому в живых и вселяемся!

«Чёрти что!» — подумал я, не особо доверяя рогатому, но пригласил его на кухню и попросил рассказать, что здесь происходит, в обмен на бутылочку Реми Мартин.

— Что происходит? — усмехнулся чёрт. — Война, братан!

— За душу соседки? — переспросил я.

— Не, за все!

— А соседка, она — кто?

— Ведьма! Точно тебе говорю! Но не с неё всё началось и не ею, надеюсь, закончится! Квартира соседняя проклята. Лет десять назад мужчина там девушками баловался. Одна из них приревновала его к прочим, заключила договор с Силами Тьмы, и нас сюда к нему отправили на подселение! Мужик нас приютил и начал спиваться, в итоге убил по пьяни ту, которая его приворожила. Квартиру вскрыли при понятых, труп вынесли, а его посадить не успели — застрелился. А мы тут остались — новеньких поджидать. Ну, приехала семья стариков с дочкой — твоей соседкой. И мы принялись их окучивать! Старушка повесилась, узнав, что у неё рак, старик порезал вены в ванной, а дочка ударилась в колдовство и состряпала алтарь Дьяволу — прямо во всю вашу общую стену! С её стороны, разумеется. Но однажды, когда

она стала нас видеть, испугалась и сбрендила — купила топор и носится за нами по ночам по всей квартире! Пытается разрубить на части! Смешная такая! Иногда мы в неё прыг-скок, и — за гантели берёмся! Я при жизни боксёром был, но у неё груши нет! А гантели ещё от её отца-спортсмена остались. Налей коньячку-то, не жадись!

Я разлил коньяк по бокалам, но в тот же момент появилась Монахиня. Она осенила нас огромным крестом, принялась читать молитву, и чёрт, повизгивая, сбежал к соседке.

— Кто Вы? — спросил я у Монахини.

— Это моя квартира, — ответила она.

— Но разве квартира не принадлежит монастырю?

— Я вела недостойную жизнь, и Бог решил вразумить меня соседями. Мне пришлось покреститься, выучить молитвы и продать почти всё имущество, чтобы купить «живые» иконы, написанные монахами на Афоне. Они защищали меня от Зла. Эти триста икон я собирала много лет, всё чаще и чаще читая молитвы, пока однажды моя квартира не превратилась в келью. Мирская жизнь осталась далеко позади. Три недели назад меня приняли в монастырь в обмен на эту квартиру.

— Три недели назад?! — непроизвольно воскликнул я.

— Да, именно. Обычно квартиры тех, кто приходит на постриг, продаются, а выручка поступает в казну монастыря. Я была категорически против продажи — вряд ли кто-то сможет без Божьей помощи противостать здесь Злу. Мне было

важно сохранить в квартире намоленные «живые» иконы. Но ни монастыри, ни монахи не застрахованы от Нечисти, молодой человек. Один из бесов соседки вселился в игуменью. Она умертвила мою плоть ядом накануне Вашего заселения, чтобы поскорее заполучить квартиру в своё полное распоряжение и, естественно, для продажи. Только деньги, как ты понимаешь, не поступят в казну монастыря. Правда, соблюдая внешнее приличие, игуменья решила не трогать квартиру в течении 40 дней после моей смерти.

— И Вы до сих пор верите в Бога, который позволил игуменью убить Вас?

— Её план удался только по одной причине — Бог решил, что моей душе лучше уйти прямо сейчас. Она созрела здесь, в этой квартире, пока не сделала свой окончательный осознанный выбор — Сил Света.

— Но мой контракт с агентством подписан на год...

— Ты не продержишься здесь более 40 дней, Стефан. Советую вернуть все иконы на стены и как можно скорее уехать отсюда, — сказала Монахиня и исчезла.

Всё, что происходило со мной далее, казалось бесконечно длинным кошмарным сном.

Я метался между Лейлой — с горем пополам мне всё-таки удалось с ней помириться! — и иконами, снимая их каждый раз, когда она приходила по вечерам, но ленясь вешать их обратно.

...между мгновенно улетучивающимися бутылками Реми

Мартин и бесами, всё чаще забегающими ко мне на коньячок с выматывающими душу разговорами об их проделках и уловках, используемых при совершении обрядов изгнания.

...между колдуньей и прочими соседями, собирающими подписи на очередных петициях, тщетно вызывающими полицию и берущими в осаду проклятую квартиру.

Адские перестукивания по ночам превратились в настоящую войну: соседка-колдунья пыталась снести нашу общую стену, соседи отвечали ей ответным ударом — били в батареи, в пол, потолок, стучались к ней в дверь, низвергали потоки проклятий со всех сторон света!

Месяц бессонных ночей на поле боя, и я был выжат как лимон! Мне хотелось бежать отсюда прочь, но по условиям договора аренды, заключённого на год, расторжение без оплаты всего срока было невозможно. Поскольку миллионером я так и не стал, мои финансы пели романсы, удерживая меня в рамках заключённого договора, как террористы — заложника.

Под утро того дня ко мне явилась Монахиня.

— Если ты хочешь, чтобы твой кошмар закончился, сегодня же вечером ступай в церковь на исповедь, а завтра с утра — причастись.

Да, я был крещёным, но в сознательной жизни ещё не ходил в церковь. Однако, недолго думая, я решил последовать совету Монахини.

На следующий день, выйдя из церкви после причастия,

я почувствовал невероятную лёгкость бытия, но буквально через пару минут услышал жуткий взрыв, раздавшийся с той стороны, где находился «мой» дом. Одновременно мне пришло сообщение от Лейлы — она бросила меня.

Пребывая в состоянии шока, словно зомби, я завернул за угол и привычно взглянул на дом, но вместо окон и балконов на 13-м этаже обнаружил... огнедышащую пасть дракона!

Конечно же, в новостях сказали, что произошёл банальный взрыв газа в проклятой квартире, разрушивший за компанию и ту, которую я снимал. Но, взглянув на календарь, я невольно занялся просчётами: взрыв произошёл ровно на 40-ой день после смерти Монахини! К счастью, никто из жильцов не пострадал, а в списках пропавших без вести числился лишь чёрный кот...

Через неделю в СМИ появилась новость о загадочном исчезновении игуменьи одновременно с монастырской казнёй.

Через месяц меня постригли в монахи в далёкой пустыни недалеко от деревни, в которой по-прежнему живёт моя мать.

Через год я стал освещать дома и квартиры, а через десять лет — писать иконы и изгонять бесов. Если что — обращайтесь!

6. Воины Света

Алле было четырнадцать. Она любила сидеть на подоконнике и смотреть в ночное небо, размышляя о Вселенной в поисках ответов на вопрос: что там, за чертой, после жизни? Десять лет назад её родители отправились в море и не вернулись — обломки яхты нашли, а их тела — нет, скорее всего, они попали в смерч. Но Алла была даже рада, что похорон не случилось — её родители останутся в памяти вечно живыми. К тому же уже который год вместе с подругой Эллой она училась в приходской воскресной школе, где осознала всем своим существом, что смерти нет.

Бабушка с дедушкой смотрели телевизор, Алла что-то напевала себе под нос, брэнча на гитаре, когда раздался телефонный звонок.

Элла вернулась!

Элла — самая близкая подруга Аллы, девушка с кошачьими зелёными глазами — жила с матерью, отчимом и младшей сводной сестрой. Элла была на год старше Аллы, и, поступив в медицинское училище, уехала на оставшееся лето в деревню. Алла летом отдыхала на даче, а с сентября продолжала учиться в школе, по окончании которой собиралась поступить в Университет.

Девочки встретились и пошли в сторону парка, делясь друг с другом последними новостями.

— Не представляю, как теперь тебя не будет в школе! — вздохнула Алла. — Но чего ты такая подавленная?

— Мне страшно, — призналась Элла. — Понимаешь, летом мать — всегда с нами, а сейчас она опять будет работать в смену, уходить на ночь. А отчим... в общем, мне страшно оставаться дома с ним наедине. Видела б ты, как он на меня смотрит!

— Может, тебе показалось?

— Вряд ли...

— Скажи маме!

— Да-да-да, так она мне и поверит! Последнее время я всё о Боге думаю, задаю себе вопросы и не могу на них ответить. Я вот хожу в церковь, исповедуюсь и причащаюсь. Священники улыбаются, когда я рассказываю им о своих грехах. Мне в церкви хорошо, спокойно. Но иногда кажется, что Бога нет, и после смерти тоже ничего нет...

— Брось! Я часто чувствую, как родители приходят ко мне в гости. Самих их не вижу, но знаю: они — вот здесь, совсем рядом. И во сне приходят! Жизнь не заканчивается похоронами! Просто никто не в состоянии вместить в себя даже одной Галактики, познать её устройство и замысел. Боже, какая же Великая Сила управляет Вселенной! Думаешь, мы рождаемся, чтобы умереть? Не верю! Представь: человек говорит с тобой, думает, рассуждает, и вдруг, через секунду, нет его больше — умер. Куда делось его мыслящее Я, сознание? Нет, Элла, я не хочу верить, что сознание угасает наве-

гда. Не может так быть, не всё исчезает вместе с физическим телом. Бог есть, как минимум потому, что я так чувствую.

— Но зачем Бог посылает людям беды? Зачем он забрал у тебя родителей?

— Откуда ты знаешь, кто посылает беды, и кто забрал моих родителей? — помрачнела Алла. — Может, это был Дьявол?

— Тогда получается, что Дьявол сильнее Бога, — вздохнула Элла.

На следующий день подружки заехали в храм — подтвердить, что они продолжают учёбу в воскресной школе.

В огромном соборе у множества старинных икон горели свечи, люди расходились со службы по домам, справа, на балконе, совещался хор взрослых, слева у распятия отпевали покойника. К Элле подошёл бомж и попросил милостыню:

— Станешь ангелом! — пробормотал бомж и добавил: — Скоро!

Девочки переглянулись, бомж мгновенно исчез. Они поставили свечи и вышли через левую боковую дверь на улицу, где уже столпились дети, ожидающие записи в воскресную школу.

Первое занятие было назначено на второе воскресение сентября, а репетиции хора начинались с первой субботы. Репетиции проходили в двухэтажном здании рядом с храмом, в трапезной, а занятия — на втором этаже храма, в ма-

ленькой комнатке у колокольни.

Когда Алла впервые вошла в трапезную, она была поражена: витражные окна из разноцветного стекла, на полу — гигантский, потрясающей красоты ковёр, стены обиты золотой атласной тканью, вдоль стен — старинные кресла, слева в углу, во всю стену — икона Богородицы с горящей лампадкой, напротив — массивный стол, покрытый белой скатертью, а с расписного потолка из пушистых облаков выглядывали лица детей с крылышками, одни из них улыбались, а другие плакали.

Ученикам выдали по два комплекта церковной одежды, текст божественной литургии и учебники, включая церковно-славянский словарь.

Для пения на службах в храме отбирали далеко не всех, но Элла с Аллой — безупречное первое сопрано — пели по праздникам и на вечерних накануне всегда, хотя пока и в детском хоре — внизу на солее у левых алтарных врат.

Ирина Викторовна, певчая из взрослого хора и учительница детского, была очень доброй и вежливой. Если она слышала, что кто-то фальшивил, никогда не ругалась и не кричала — улыбаясь, объясняла, что не так. Но главное её достоинство заключалось в том, что она учила не просто петь слова, а чувствовать молитву в душе и передавать её в звуках.

Как это было понятно Алле! Далеко не всегда получалось выразить в словах чувства, да и в душе творилась молитва

без слов. Подходя к иконам, Алла не просила чего-то конкретного у конкретного Святого, но, обращаясь к Небесам, стремилась к Свету, чтобы всё плохое оставалось в прошлом, злое обходило стороной, а хорошее притягивалось.

Когда же Алла пела в храме на солее во время служб, она ощущала, как её душа выходит во вне, превращаясь в звуки, и сливается с тем Незримым и Вечным, что называется Богом. Её сознание, укутанное в туманную дымку ладана и заморожённое молитвами, в такие моменты не было подвластно земным мыслям. Оно покидало физическое тело, переставая ощущать его в обмен на абсолютное спокойствие и радость души.

Пытаясь осмыслить тексты священных писаний, пропитанных многовековой Мудростью, но скрупулезно зашифрованных сестрою таланта — Краткостью, Алла безоговорочно верила в то, что Христос действительно существовал на Земле и был «выше» простых смертных. Он помогал другим и умел прощать, верил в вечную жизнь и обрёл её при воскресении. Христос познал не только законы, перечисленные в Десяти Заповедях, но и тайны Вселенной, до сих пор остающиеся за кадром.

«Вот бы встретиться с Ним и поговорить!» — подумалось Алле. Её пытливому уму уже не хватало церковных книг и уклончивых ответов священников.

В тот день во время урока «История русской православ-

ной церкви» дверь в комнату открылась, и появилась Ирина Викторовна. Как всегда улыбаясь, она попросила прощения за прерванные занятия и озвучила имена десяти певчих, включая Эллу и Аллу, чтобы те подошли к трапезной после урока — в субботу вечером они будут петь на литургии, которую отслужит сам Патриарх Алексей II-ой!

Душа Аллы затрепетала от предстоящего — им доверяют петь при Патриархе!

В субботу выдался морозный октябрьский день. Элла с Аллой зашли в церковную раздевалку на первом этаже трапезной. У каждого из воскресной школы была своя вешалка и два комплекта церковной одежды: у девочек для праздничных служб — тонкое белое платье до пят с длинными рукавами, всё в рюшечках и оборочках, а для обычных — чёрная до пят юбка и белая кофта. Трапезная с раздевалкой находилась почти напротив боковой двери храма, расположенной у левых алтарных врат, где и пел детских хор на солее. Добежать без верхней одежды из раздевалки на солею не представлялось особым подвигом.

Вечерело и холодало. Все десять «избранниц» детского хора уже собрались в трапезной. Ирина Викторовна выдала каждой по гвоздике для вручения Патриарху.

За пять минут до назначенного времени делегация белых платьев во главе с Ириной Викторовной вышла из трапезной, но... вместо спасительной боковой двери храма направилась

к центральному входу, и прихожане с удивлением наблюдали за пролетающими мимо взволнованными ангелочками.

В тот вечер все священники суетились и носились туда-сюда, перекидываясь друг с другом обрывистыми словами, и вот ковровая дорожка побежала от алтаря к центральному входу, выползла на лестницу и спустилась по ступенькам вниз, чтобы обогреть продрогшую булыжную мостовую перед храмом.

«Ангелочков» поставили по обе стороны ковровой дорожки прямо на улице, сразу за священниками, а уже далее выстроились ряды из прихожан и любопытных прохожих. Все с нетерпением ожидали появления чёрной машины «одиннадцати шагов в длину», как утверждал кто-то в толпе, но та упрямо не появлялась.

Вскоре девочки задрожали от холода, и люди из толпы накидывали на них свои шарфы и даже жертвовали куртки. Алла перевела взгляд на уже включённый фонарь и заметила, как в его свете кружились снежинки — шёл первый в том году снег...

Глаза Эллы были обращены в небо, но она тихо произнесла Алле:

— Бог хочет, чтобы мы замёрзли и заболели? Цветы, кстати, уже окоченели. То есть они умерли... в самом расцвете сил...

Но Алла ничего не успела возразить — толпа зашевелилась, вдали появилась машина Патриарха. Вскоре лимузин

остановился так, что задняя дверь, из которой вышел Патриарх, оказалась прямо у начала ковровой дорожки.

Защелкали фотоаппараты журналистов, включились камеры многочисленных ТВ-операторов. Настоятель храма приветствовал Патриарха, затем за благословением подошли все священнослужители. Алексей сделал шаг вперёд, и настал черёд «ангелочков» — они протягивали ему заиндевевшие гвоздики в обмен на благословение.

«Такой же, как на фотографиях — в белой шапке, с голубыми умными глазами...» — подумала Алла.

Картина первой встречи с Патриархом — белые платья до пят, «хрустальные» гвоздики на фоне ночного неба, сияющих звёзд и кружащих снежинок в свете уличного фонаря — останется для Аллы непередаваемым словами волшебством навсегда и вряд ли канет в Лету, в отличие от ТВ-съёмок и фотографий, имеющих столь короткий срок годности.

Девочки побежали на солею. Ирина Викторовна волновалась, как никогда, ведь это была премьера — выступление детского церковного хора перед Патриархом, вся служба — без поддержки взрослого хора, в самом главном храме страны!

Алла боялась спеть что-нибудь не так и подвести Ирину Викторовну, но присутствие рядом хладнокровной Эллы несколько успокаивало. Девочки начали петь неуверенно, но вскоре волнение прошло, и «Ис полла эти деспота» прозвучало впечатляюще.

Но самый главный подарок ждал Аллу уже после службы — Ирина Викторовна сказала, что на следующий день, в воскресенье, во время обедни, которую так же отслужит Патриарх Алексей II, Элла и Алла, вдвоём, исполнят одно из песнопений на два голоса, выйдя на центральную солею прямо напротив входа в алтарь!

Девочки возвращались по домам.

— Невероятно! Это какое-то волшебство!!! — шептала Алла, всё ещё не веря в происходящее, но Элла, погружённая в свои мысли, с трудом выползла наружу и спросила:

— Ты наконец-то обрела то, чего тебе не хватало?

— А ты — нет?

— А что даёт эта вера? И Бог — что?

— Странно, ты — певчая, а меня об этом спрашиваешь, — вздохнула Алла. — И вера в Бога, или не в Бога, а в Нечто Вечное и Доброе, Всевышнее, и надежда на Свет и помощь Сил Света нужны человеку.

— Я всё больше убеждаюсь, что Его нет. Сегодня, например, убили ни в чём не повинные гвоздики, и Бог даже не противился. А ведь это произошло в Его епархии, вернее, в Его собственном доме — в церкви!

— Церковь призывает к творению добра, к прощению и любви к ближнему, не на словах, а на деле. Бог — это всё хорошее и совершенное, собранное в единое целое. Стремление к Богу — это стремление стать лучше тебе самому, тогда автоматически к лучшему изменится и наш мир. Нет?

Но люди видят соринки у всех, кроме себя.

— Нет, Алла. Ничего это не меняет. И в этом — проблема.

— Меняет. Всё можно потерять, но, если надеешься и веришь, ты никогда не потеряешь себя! Рано или поздно каждому воздастся.

— Независимо от веры воздастся. Как сказал священник-учитель «Истории», нельзя спрашивать человека, верит ли он в Бога. Нельзя судить о человеке по его вере и словам, надо смотреть на его поступки!

— Согласна. Но вера — это путеводная нить, а надежда — посох. Без посоха идти сложнее. А без веры в пути заблудиться легко.

— Красиво сказала, но... от правды жизни — далеко. Ты же знаешь мою мать. Ей безразлично, что со мной происходит. Я никому не нужна, только мешаю наслаждаться жизнью. Вернее, если бы меня не было, матери жилось бы проще. Вчера опять скандал, всё ей не так! Началось с мелочи, а закончилось словами, что я могу жить на улице и никогда не возвращаться. И отчим ей поддакивал, а сам на меня смотрел и облизывался! А уходить некуда. Предлагаешь мне стать бомжом? Я не вижу своего будущего. Если Бог есть, Он оставил меня.

— Поживи у нас. Хочешь, я поговорю со своими...?

— Что ты! Мать же узнает, тогда совсем станет невыносимо. Ладно, извини, я не хотела портить тебе настроения.

На следующий день Элла и Алла, в лучах солнечного Света, люющего на них из правого верхнего окна, великолепно исполнили двухголосное соло на центральной солее, прямо под куполом храма, напротив раскрытых алтарных врат, у которых служил Патриарх.

Ирина Викторовна после службы призналась, что чуть не расплакалась во время их пения от переполняющего её душу всеобъемлющего чувства Великого и Божественного, и что на Пасху она подаст прошение на перевод Эллы и Аллы во взрослый хор.

Элла вернулась в храм почти в полночь. Сказала охраннику, что потеряла ключи. Тот, конечно, её узнал, поэтому, обречённо вздохнув, открыл храм, выдал карманный фонарик, чтобы не привлекать внимания обычным освещением, а затем удалился в сторожку.

Лики Святых были холодны. И когда Элла прикасалась губами к иконам, и когда смотрела им в лицо, и когда крестилась, она не чувствовала ни-че-го.

Тогда она подошла к закрытым алтарным вратам и мысленно спросила: «Бог, ты спишь?.. А как же я? Тебе на меня наплевать, да?»

Элла беспомощно огляделась — никого. Ей даже стало страшно в величественном безмолвии погашенных лампад и отсутствии зажжённых свечей — храм, погружённый во тьму, казалось, был тайком захвачен Силами Тьмы. И захо-

телось крикнуть, чтобы появился хоть кто-нибудь из Святых, но не успелось — некто взял её за руку!

Элла обернулась и увидела перед собой возникшую из ниоткуда маленькую сгорбленную старуху в чёрном. Её морщинистое лицо, нос крючком и сверкающие глаза напоминали ведьму из детских сказок. Взгляд старухи парализовал Эллу — она не могла пошевелиться.

— От судьбы-то, детка, не уйдёшь! — прошамкала старуха. — Смирись и ступай отсюда! Не здесь тебе быть!

Старуха исчезла в глубине мрачного храма так же внезапно, как и появилась. Элла выбежала наружу, постучала в окно охраннику, чтобы тот закрыл двери, и побрела прочь.

Алла позвонила Элле, как и обычно, чтобы договориться вместе поехать на службу. К телефону подошёл отчим и произнёс нестандартное:

— Нет больше Эллы.

— Как нет? Она больше с Вами не живёт? — переспросила Алла.

— Она больше ни с кем не живёт. Умерла она.

— Почему? Как?

— Потому что... дура!

Алла замерла в оцепенении. Отчим Эллы подождал немного и бросил трубку.

Алла медленно скользила по стене на пол. Мысли о собственной вине в смерти подруги мгновенно пустили корни и

проросли в сердце. Не спасти человека — значит, убить его?

Вечером Алла тупо бродила по улицам во внезапно нагрянувшем снегопаде и не могла понять: почему Бог позволил подруге умереть? Она утешала себя только одним: Богу виднее, Он знает нечто, чего не могут знать ни Алла, ни Элла. Но тогда... Элла должна дать ей какой-то знак, передать привет с Того Света, подтвердить, что душа не умирает вместе с телом!

Внезапно кто-то окликнул Аллу, она обернулась и увидела молодого человека.

— Ты — Алла? — переспросил он.

— Да, — кивнула она, ничего не понимая.

— Да не бойся, я — Роман. Я видел тебя на солее в храме, ты поёшь в детском хоре у Ирины Викторовны, да?

— Да, — удивляясь происходящему, ответила Алла.

— Я тоже пою, но наверху, во взрослом. Мне сегодня приснился странный сон. Будто девушка из нижнего хора, с которой вы вдвоём пели на службе Патриарха, попросила тебе передать, что ты не виновата. Я собирался найти тебя в следующие выходные на службе, а получилось, что ты мне сейчас вдруг встретишься!

Служба на Вербное воскресение — одна из самых любимых служб Аллы. Как и прежде, она пела на солее в нижнем — детском — хоре, но уже через неделю, на Пасху, по прошению Ирины Викторовны о повышении, должна была пе-

рейти наверх — во взрослый.

Прихожане подняли вербу и качали ею над головами, приветствуя Спасителя, входившего в Иерусалим. Патриарх начал кропить вербу святой водой, и взгляд Аллы столкнулся с Катей — почти «святой» девочкой. Катя уже давно пела в детском хоре, но сегодня почему-то стояла в толпе прихожан, освящая вербу.

В Кате всё было прекрасно: красивая, здоровая, дочь богатых родителей, одевающих её, как куколку. Катя не пропустила ни одной воскресной службы и молилась столь усердно, что все её молитвы наверняка тотчас же исполнялись. Единственно, чего Бог лишил её, — так это... музыкального слуха, но Ирина Викторовна не могла отказать дочери священника и приняла её в детский хор, чтобы та стояла на солее рядом с поющими, периодически открывая рот.

После службы Алла случайно столкнулась с Катей у иконы «Взыскание Погибших», но Катя почему-то покраснела.

— Привет! А чего ты сегодня не на солее? — спросила Алла.

— Я больше... не буду с вами петь, — тихо вымолвила Катя и, потупив взгляд, добавила: — А ты сегодня потрясающе спела соло...

Уже на выходе из храма Аллу поймала Ирина Викторовна.

— Вот ты где! Подожди, Алл... Послушай... Я... прости... пожалуйста...

— Что случилось? — не понимая, почему вдруг Ирина

Викторовна так взволнована и совсем не улыбается, спросила Алла.

— Ты знаешь, что я просила перевести тебя во взрослый хор, и все были за... Но... Катя... Ты ведь знаешь, кто её отец, а там было только одно место... Её взяли даже без прослушивания, понимаешь? Прости, Алла! Но не расстраивайся! Ты же поёшь самому Патриарху! И ему нравится, как ты поёшь! А на Рождество у нас гастроли в Америку! И ты поедешь — первая! Прости их, Алла, и меня прости! Но, значит, Богу нужен твой голос здесь, у меня, на солее, правда! Бог же всё видит и знает! Он...

Алла молча обняла уже плачущую Ирину Викторовну, а потом так же молча вышла из храма.

Гастроли в Америке с православным церковным хором, кто бы мог подумать! Но Алла не любила ни городов с высокими башнями, ни американский стиль жизни — это было что-то врождённое, необъяснимое, возможно, переданное ей по наследству от бабушки с бабушкой... или из каких-то прошлых воплощений? Ехать в Америку совершенно не хотелось!

Алла попыталась в последний момент заменить себя той самой Катей, дочкой священника, но та на Рождество улетала с родителями в Израиль. Да и Ирина Викторовна умоляла Аллу чуть ли не на коленях — из десятирех певчих сразу трое свалились с гриппом, а четвёртый сломал ногу. Не

лететь в Америку — значит, подвести Ирину Викторовну. И Алла сдалась.

В заказанном для делегации микроавтобусе от храма до аэропорта рядом с Аллой сидел Роман из взрослого хора — ему пришлось заменить мальчика, сломавшего ногу. Алла рассказывала Роману про Эллу и призналась, что иногда чувствует подругу рядом.

— Элла наверняка стала ангелом! — заверил Аллу Роман. — А тебя Бог оставил для жизни на Земле! И Элла сейчас шепчет, чтобы мы с тобой подружились!

Алла улыбнулась, но ничего не успела ответить из-за резкого удара от столкновения их микроавтобуса с КАМАЗом, вылетевшим со встречной полосы...

В храме у иконы «Взыскание Погибших» стояли два призрака — Элла и Алла, будто поджидая кого-то.

— Идут, смотри! — прошептала Элла.

К иконе подошли её мать и отчим. Отчим зажёг свечу и поставил в подсвечник.

Элла не без труда вынула свечу из подсвечника, подняла на 15—20 сантиметров вверх, а затем на глазах оцепеневших от ужаса родителей потушила её, перенесла по воздуху, положила в коробку с огарками, которая стояла на полу рядом, и крикнула:

— Да жива я, жива!

Отчим Эллы схватил за руку её мать, потерявшую дар ре-

чи от увиденного, и повёл прочь.

— А разве так можно? Шалить? — удивилась Алла, но тут же попробовала проделать подобное с другой горячей свечой в подсвечнике — тщетно!

— Нет, конечно! Но... ностальгия иногда подкатывает... скучаю я по всему плотному... К тому же я так долго этому училась, что один раз — можно! — улыбнулась Элла.

У иконы появился Роман со свитком.

— Привет, воины Света! Силы Тьмы не дремлют! Не ослабляемся, чтобы на Земле не говорили, что Дьявол сильнее Бога! Итак, на сегодня задания у нас следующие...

07 декабря 1991

7. Застрявший Плутон

Плутон, Владыка Царства Мёртвых, вращаясь по Небесному циферблату Зодиакальных Часов, застыл у Врат в своё собственное Царство в 8 вечера.

Все мужчины, в которых я влюблялась по жизни, находились под управлением Плутона, а у одного из них при рождении наблюдалось целых 5 планет между 8 и 9 вечера на Зодиакальных Часах — в Царстве Смерти. Подобный акцент выдаёт серийных убийц и маньяков, клановых мафиози и финансовых воротил, а ещё — великих и ужасных магов... и, возможно, призраков...

На следующий день Солнце собиралось приласкать своими лучами как раз Плутона, осветить его, «включить». И странное предчувствие чего-то всеобъемлющего, уже готового обрушиться на меня снежной лавиной (или цунами?), не плохого и не хорошего, но шокирующего, не позволяло заснуть. А под утро, когда сознание всё-таки сдалось, явились двое, будто мои стражи... или хранители? — один из них был призраком, а второй...

Звук вибрирующего телефона вернул меня в реальность.

«Миша умер...» — гласило текстовое сообщение.

«Мы все умирём...» — спокойно ответила я смс-кой неизвестно кому.

Солнце приветствовало меня сквозь жалюзи.

«Кто сделал тебя такой циничной, Варенька? МИША УМЕР!»

«Какой Миша?» — продолжая мало что понимать, уточнила я на всякий случай, внезапно осознав, что второго из тех двоих, приснившихся мне только что, звали Михаилом.

«Вчера случайно столкнулся с парнем, который монтировал тебе мебель. И он сказал, что Миша, в тебя влюблённый, умер...»

Жуткая мысль и, прости, Господи, совершенно не про Михаила, явившегося ко мне во сне, — такого милого, доброго, безобидного, пишущего музыку и действительно любившего меня издавна, молча, понимая, что между нами не может быть ничего, кроме рабочих отношений, пронеслась молнией в моём сознании, и я окончательно проснулась, вскочив с кровати.

Они *оба* приснились мне... Михаил и...

«ТЫ???!!!» — закричала я во всю Ивановскую неопределившемуся номеру. — «НО КАК???!!! ТЫ ЖЕ МЁРТВ!!! УЖЕ СТОЛЬКО ЛЕТ!!!»

«В прошлом году я написал тебе по мэйлу, ты ещё удивлялась, откуда незнакомец выведал твой адрес. Не узнала. Возможно, не была готова...»

«Но... как???»

«Забыла, сколько у меня тогда накопилось долгов? Сама же говорила: умереть проще. Никто бы и не удивился. Да я просто обязан был умереть))) Сам! А ты бы предпочла, что-

бы твою любовь убили по-настоящему?»

Я подняла жалюзи, и Солнце ослепило меня. Люди-Плутоны находятся под покровительством Владыки Царства Мёртвых, они выживают там, где умирают все остальные...

«Ты... приснился мне... сегодня...» — опускаясь на пол, прошептала я, вспоминая, как много раз по жизни мы пытались быть вместе, но постоянно происходило нечто, вне нашего контроля, что не оставляло ни шанса, разводило по разные стороны, пока однажды он не...

«Отлично! Тебе ж никто не снится просто так... Вчера кое-что произошло, но я не знаю, как объяснить. Значит, объяснять и не нужно. Я просто хочу, чтобы теперь ты была рядом!»

«Но ты — призрак, а мне нужен реальный мужчина!» — всё ещё отказываясь верить в чудо, произнесла я.

«Согласен. В эти выходные я буду в Монте-Карло. Надо кое-какие дела порешать. А на следующие ты прилетишь ко мне в Венецию...»

«Мы никогда не встретимся...» — выдохнула я, вспомнив, что в следующие выходные Солнце уже перестанет ласкать Плутона, и тот шагнёт в своё собственное Царство.

«Вариантов не встретиться нет, Варя! Я буду ждать тебя на твоём любимом мостике!»

Но Солнце исчезло в тучах — злые звёзды способствовали запуску эпидемии вируса с массовым летальным исходом, и воздушное сообщение между странами было приостанов-

лено.

Мир шагнул в широко распахнутые Врата Царства Смерти.

Мои авиабилеты скушал камин. Италию лихорадило. Призрак Плутона несколько раз писал мне что-то про «скоро всё закончится, потерпи... ещё чуть-чуть... уже вот-вот...», а потом исчез...

После завершения пандемии я эмигрировала в Грецию и жила на крошечном островке напротив Афона, недалеко от женского монастыря Архангела Михаила. Я не пропустила ни одной праздничной службы, на которых каждый раз поминала Плутона и Мишу до тех пор, пока не наступило то воскресение, когда я и сама проснулась... туманом... и первым же делом отправилась в Венецию!

Боже, я обошла все мосты, но — тщетно! — его нигде не было!

Вернувшись в Грецию и обосновавшись в ставшем мне уже почти родным женском монастыре Архангела Михаила, я мучительно перебирала всевозможные варианты, где искать любимого Призрака, но доступ ко Всеобщему Банку Данных по-прежнему отсутствовал, да и в Небо никаких Лестниц нигде не наблюдалось. Всё, что мне оставалось, — молиться.

На девятый день, прямо во время литургии, из алтарных врат, так внезапно и тихо, что сначала я даже не поверила в его реальность, появился... Миша!

Он подошёл ко мне, улыбаясь, наклонился и поцеловал мою призрачную руку.

— Где мне его искать? — спросила я с надеждой.

— Тебе не надо его искать, Варенька. К тому же он... жив...

— Жив?! — воскликнула я на весь монастырь, но, слава Богу, монахини обычно не слышат потусторонних голосов.

— Вот это поворот! А я вас обоих поминала за упокой!

— У Бога все живы, не переживай! Плутоса тогда тяжело заболел, да, но в итоге, благодаря твоим молитвам, выжил... Однако с тех пор все эти годы по воле Неба он продолжает находиться в состоянии, при котором всё, на что он способен, — молиться молча...

...Очередной удар!

— Хочешь сказать, что, если бы я не молилась за него, он бы уже давно отмучился? Значит, это я обрекла его на страдания?!

— Ты дала ему шанс, — улыбнулся Миша, — получить в Горнем Мире нечто лучшее, чем то, чего он заслуживал. Однажды, когда Наверху сочтут правильным, его заберут. Ты можешь помочь несчастному Плутосу сократить время его мучительного пребывания на Земле, если продолжишь молиться за него здесь, но ты имеешь право уйти отсюда вместе со мной прямо сейчас.

— Так где мне его найти?!

— Если доступ к Скрижалям у тебя отсутствует, значит,

так для чего-то нужно, и это исключительно во благо. Но ты должна принять решение здесь и сейчас, Варенька. Да, про-сти, чуть не забыл: скорее всего, вы не сможете быть вместе даже после того, как...

...Я пошатнулась... А ведь мысль о невозможности обрести своё счастье с любимым человеком хотя бы посмертно, в Царстве Мёртвых, никогда не приходила мне в голову! — ни при жизни на Земле, ни теперь... Боже, как непозволительно легко мы разбрасываемся близкими! Как мелочно меняем теплоту души на материальные блага! Как глупо не ценим данную нам возможность любить и быть любимыми здесь и сейчас!

Переосмыслил ли свою жизнь мой Плутон, застрявший на Земле у входа в Царство Мёртвых? И, если да, то сколько потребуется лет, чтобы отмолить его душу у Небес?

Но я не могла поступить иначе:

— Я остаюсь... Только... скажи, обещаю мне, Миша, что однажды мы с ним всё-таки встретимся... На мостике в Венеции, да?

— При желании встретиться, вариантов не встретиться здесь нет... ни у кого! — засмеялся Миша и добавил, уже растворяясь в лучах солнечного света, внезапно пролитого сквозь монастырские окна: — Но, возможно, не на мостике... и не в Венеции...

06 апреля 2020

8. В Рождество на Кузнецком мосту

Рождественское время — самое волшебное на Земле, потому что двери между Мирами распахиваются настежь и происходят всякие чудеса!

Мы столкнулись на Кузнецком мосту у витрины книжной лавки, сверяя свои карты.

— Привет! — сказала я, улыбнувшись.

— Привет! — улыбнулся он в ответ.

И мы узнали друг друга... Так бывает — спускаешься для сверки очередного маршрута и в определённых точках сталкиваешься с кем-то важным из будущей жизни — не просто прохожим. В душах фиксируется чувство родства, которое просыпается уже потом — при столкновении физических тел на Земле.

— Алиса, — представилась я.

— Василий, — ответил он.

Я перевела взгляд на снег и непроизвольно завальсировала в воздухе:

— Посмотри, эти белые хлопья — волшебство! Красиво, правда?

— Снег — это не волшебство, — улыбнулся Вася, присоединившись к моему вальсу. — Обычное природное явление, когда на Земле холодно! Мне не нравится зима. Я обычно воплощаюсь на Юге. А вот фонари — очень даже!

— А мне нравятся все времена года! И фонари, фонари, фонари — как заколдованные души из сказок! — я вернулась к витрине книжной лавки. — Кстати, а здесь — вход в Библиотеку Вселенной?!

— Да брось! Это всего лишь крошечный магазин! Хочешь заглянуть?

— Ага!

Мы медленно скользили мимо книжных стеллажей, с любопытством разглядывая обложки.

— Надо же, — удивлённо произнёс он. — Книги на французском, английском, испанском... Как же просто общаться в Мире Мысли! А на Земле — столько языков...

— Но мы же с тобой будем говорить на одном?

Вася подмигнул мне в ответ и добавил:

— А как же!.. Ещё немного, ещё чуть-чуть и заговорим!

Мы вышли на улицу, украшенную сверкающими ёлками. Люди, мелькающие с подарочными пакетами в свете фонарей, явно наслаждались атмосферой праздника.

— Боже, какая красота! И посмотри, посмотри — всё такое ПЛОТНОЕ!!! Не какая-то там визуализация или голограмма, как у нас! Кстати, а почему это место называется «Кузнецкий мост»? Здесь же нет моста!

— Раньше речка была, а потом её под землю загнали. Вон там, пойдём, покажу...

Вася провёл меня по центру Москвы, рассказывая всякие интересные истории, а потом отвёл на крышу какого-то до-

ма.

— Здесь очень мило! — сказала я, зависнув на краю крыши.

— Здесь однажды появится кафешка. И я в ней побываю! Проверь-ка, не с тобой ли?

— Отличная идея — кафе на крыше! — прошептала я, разворачивая свою карту. — О, точно! Я тоже побываю здесь! Сверим даты и время?

Вася назвал свои, и я радостно воскликнула:

— Да, получается, что на крыше мы — вместе! А чем ты будешь заниматься?

— Гильотиной, — сказал Вася серьёзно и засмеялся, добавив: — регуляторной.

— Что?! — настороженно переспросила я, вспоминая, как мне отрубили голову.

— Палачом я уже работал в прошлой жизни, в Британии. Заметь, королевским!

— В Британии?! Королевским?! — я чуть ли не подпрыгнула и спроецировала на гигантский рекламный экран голограмму своей казни с указанием места и времени. — Не ты ли столь неумело отрубил мне голову — лишь с третьего раза???

Вася внимательно просмотрел фрагмент, рассеял голограмму и вздохнул:

— М-да! Ну что ж! Похоже, нас решили помирить?! Да расслабься! Теперь я приказы буду писать. Новые вместо ста-

рых. Но сразу на всё «королевство»! А ты с какой целью сюда?

— Попросили сказок сочинить... да побольше.

— Для детишек? Про Рождество?

— Нет, для взрослых! Про нас — призраков! Представляешь, говорят, до сих пор не все люди после воплощения вспоминают о существовании нашего мира! А я хочу ещё и в монастырь успеть попасть, чтобы сразу два воплощения проиграть в одном...

— Куда торопишься-то? До последней битвы — ещё огого сколько времени! Да и смысл на Землю спускаться, чтобы от земных радостей отказываться? Я лично в Астрале всегда ностальгирую по телесному! Но, получается, у нас будет как минимум одно общее: писатели мы! — Вася подмигнул. — А тебе случайно не говорили, как твои сказки с моими приказами пересекаются?

— Нет, а тебе?

— И мне — нет. Но если нас решили заранее столкнуть-познакомить, значит, что-то важное мы друг для друга совершим, согласна?

Я кивнула, и Вася снова развернул свою карту.

— Тогда, Алиса, давай сверяться дальше! Кстати, вам в Астральной Академии преподавали, чем полезно предварительное прохождение маршрута?

— В некоторых местах уже при воплощении возникает чувство дежавю?

— Да, в точках сверки дежавю даёт тебе понять, что ты — на правильном пути. А если петля повтора, значит...?

— Значит, что-то не доделал из запланированного!

— Отличница, что ли?

— А ты думал!

— Ладно, давай уже сделаем пространственно-временное наложение наших карт...

Тщательно проследив весь маршрут от точки знакомства на Кузнецком мосту и до момента возвращения каждого из нас домой, мы не поверили своим глазам: совместный отрезок повторялся дважды с разрывом в десять лет!

— Ничего себе... повторчик! — удивлённо произнесла я.

— И так тоже бывает, — пожал плечами Вася и добавил:

— Не переживай, Алиса! Москва, знаешь ли, тоже не сразу строилась! Да и, судя по местам, где мы побываем, можно сделать как минимум два вывода. Итак, во-первых..?

— Ты больше не отрубишь мне голову! — засмеялась я.

— Верно! И, во-вторых, это похоже на...?

Я лукаво улыбнулась, и мы завальсировали в воздухе, предвкушая нашу встречу в Рождество на Кузнецком мосту.

Мы договорились встретиться в Рождество на Кузнецком мосту.

Он опаздывал из-за автомобильных пробок, поэтому я немножко прогулялась и в итоге остановилась у витрины книжной лавки, рассматривая издания сказок на иностран-

ных языках. Вася бесшумно подкрался ко мне, обнял и шепнул:

— Дедушка Мороз попросил передать девочке Алисе маленький подарок!

— Привет!!! — радостно воскликнула я, обернувшись.

Конечно, и я предлагала Васе выбрать что-нибудь себе в подарок, но он сказал, что, кроме моей нежности, ему ничего не нужно.

— А как тебе моя апельсиновая норка? — поинтересовалась я.

— Её кормили апельсинами?! Шикарная! Но без неё ты — ещё лучше! Так что пошли уже скорее в нашу «норку»! Кушать будем до или после? Или «до» — кофе, а «после» — ужин?

Мы пили кофе на крыше.

— Как тебе здесь? — спросил Вася.

— Да мне везде с тобой хорошо! Кстати, я прочитала твои отчёты министрам, но... что такое «регуляторная гильотина»? Ты был палачом в прошлой жизни?

— Ну какие ещё прошлые жизни, Алиса! — упрекнул меня Вася и погладил по руке. — Гильотина — это когда ненужное отбрасывают, чтобы старое не мешало новому.

Мы зашли в номер, Вася включил приглушенный свет, и мы, наконец-то, рухнули в широченную кровать... десять лет спустя. Кто бы мог подумать! Вася сильно похудел, превратившись почти в Кощея, а я, наоборот, набросила на свои

кости мяса, но незримое притяжение между нами существовало будто само по себе и ни от чего не зависело.

Секс после определённого возраста — это когда «все свои», нет ничего неизвестного и стеснительного и не требуется ставить рекордов для книги Гиннесса — вы принимаете друг друга такими, какие вы есть, и просто радуетесь тому, что все живы-здоровы и вместе здесь и сейчас, что можно не только понежиться, но и выговориться.

— Послушай, Вась, — задумчиво сказала я, — в моей жизни было много возвратов и повторов, но почти всегда я знала, зачем меня вернули туда или сюда. А с тобой — зачем?..

— Есть только «здесь и сейчас». В нём — ты и я. Нам хорошо вместе. Зачем думать «зачем»?

— Ну... я тебе зачем? У тебя семья. Неприкасаемая. Значит, для чего-то ещё? Случайностей же не бывает!

— Не поверишь, но нет у меня в окружении никого, с кем я мог бы поговорить, как с тобой, — поглаживая меня по спинке, размышлял Вася. — Да и вообще... А вот я тебе зачем? Ты — свободная и умная, практически богиня, а я — седой женатый чёрт!

— Я, кстати, хочу написать сказку «Рождество на Кузнецком мосту». Про нас...

— Значит, я нужен тебе только для одной сказки? И что мы будем в ней делать? — Вася пощекотал меня, и я нежно укусила его за ухо.

— Жить вечно! — засмеялась я. — Мы — призраки, вернее, души, которые ещё не воплотились, но уже собираются на Землю...

Вася засмеялся:

— Слушай, ну какие призраки, Алис? Нет там ничего. Есть только «здесь и сейчас»! Я столько литературы изучил по всем смежным направлениям! Ни Бога, ни Дьявола не обнаружил!

— Мы — маленькие энергетические комочки света, излучающие информацию в огромном океане. Океан — Бог. Мы все — в нём, а он — в нас, и мы между собой взаимосвязаны. Нет?

— Я верю в то, что мозг будет развиваться дальше, а люди — жить дольше. Возможно, как-то перетекать сознанием через сеть в виртуальную реальность. Но потом — всё равно ничего. Живи здесь и сейчас, Алиса, получай удовольствие. Я вот поставил себе задачу дожить сначала до 80, а потом — до 100.

— А я умру, когда тебе будет... — я посчитала нашу разницу в возрасте и озвучила время.

— Так мало?! Ты что! Зачем? Куда торопиться-то?

— Так записано Там, Наверху... Моя смерть попадает в сектор Смерти на Часах Жизни.

— Слушай, я, конечно, ни в какие Часы не верю, но любую запись можно переписать!

— Жизнь похожа на шахматную партию. В тот момент

мне поставят сразу шах и мат. Там нет других вариантов. Прямо после моего дня рождения...

— Нет, Алис! В шахматной партии всегда много ходов! Значит, отмотай чуть-чуть назад и найди развилку, где есть возможность сделать правильный ход!

— Программа смерти включится как раз в тот день рождения. Все программы так включаются. До включения не перепишешь, потому что переписывать нечего — там смерти нет. А потом — слишком поздно.

— Тогда подумай, как можно проиграть смерть иначе? Ну-у-у... изобрази смерть. Обмани её!

— В смысле?

— Не знаю, в каком смысле! Просто пришла мысль откуда-то, что смерть может быть разной: обычной и символической.

— Странная мысль, — задумалась я. — Теоретически, каждый сектор на Часах имеет несколько значений. Но там — однозначная «смерть». Слово «смерть» мерцает передо мной на внутреннем экране даже сейчас!

Вася развернул меня к себе лицом, поцеловал в третий глаз и шепнул:

— Что ещё можно трактовать как «смерть»? Думай давай, тебе ж время дали, чтобы двойное дно у смерти обнаружить и выскользнуть из её лап! Да и вообще! Не хочу я, чтобы ты так рано умирала! Если Бога нет, зачем умирать? Уйти из мира — не проблема. Проблема в нём задержаться!

Внезапно я чуть ли не подпрыгнула на кровати:

— Слушай! А ведь действительно! Ты прав! Как мне раньше не пришло в голову: уйти из мира... в монастырь, то есть подстричься в монахини — это же смерть для мира! Вот оно — двойное дно! Нет?! Символическая смерть!!!

Вася вздохнул:

— Ты серьёзно?!

— Да! Конечно!!! — от волнения я всё-таки поднялась с кровати. — Точно!!! Ты — гений!!! Это действительно вариант!!! Я уйду в монастырь и буду отмаливать таких, как ты! А потом мы встретимся, в Рождество на Кузнецком мосту, уже призраками! И тебе будет стыдно, что ты в нас же самих не верил!

Он потянул меня за руку и вернул в свои объятия:

— Хорошо, договорились: ты уйдёшь в монастырь, но не сейчас!

Мы встретились в Рождество на Кузнецком мосту. Рождественское время — самое волшебное на Земле, потому что двери между Мирами распахиваются настежь и происходят всякие чудеса!

Он стоял у витрины книжной лавки с очередной картой.

— Привет! — сказала я, улыбнувшись.

— Алиса?! — улыбнулся он. — Я чувствовал, что ты должна прийти!

— Теперь у меня уже другое имя.

— Да, прости! И у меня — тоже другое... А где твоя новая карта? Сверим?

— У меня больше нет своей карты...

— Жаль... — он вздохнул. — Жаль, что мы больше не пересечёмся. Хотя, судя по моей карте, похоже, я просижу всё своё очередное воплощение в какой-то тюрьме! В полной изоляции. Вот, посмотри — место в глуши. Там сейчас вообще голое поле! А в Скрижалях, несмотря на массу вариантов застройки, колония для особо опасных — самый реальный... Прикинь?

Я улыбнулась и раскрыла свои белоснежные крылья:

— Меня назначили твоим Хранителем... Будем строить монастырь!

15 января 2022

9. Храм, или Когда умирают феи

«Странные вещи случаются с нами иногда в жизни.

А мы даже не замечаем, что они происходят».

Джеймс Барри «Питер Пэн»

Этот Храм — детская мечта Кирилла, которую мы воплотили в реальность вместе. Я была с ним почти с самого начала, даже помню, как закладывали фундамент. Кирилл фонтанировал идеями, меняя их с поразительной скоростью, поэтому строительство затянулось, постоянно подстраиваясь под новые замыслы своего творца. В итоге Храм получился великолепным и совершенно не похожим на другие в городе, и, казалось, ни один житель не пропустил его торжественного открытия!

Но в каждой сказке обязательно появляется отрицательный персонаж — представитель Сил Тьмы, одновременно с его появлением сказка превращается в реальность...

— Привет, мальчики! — сказала я полусонным голосом, плюхаясь на заднее сиденье крутой машинки Кирилла.

Было около пяти утра. Самолёт вылетал в семь.

Пройдя паспортный контроль, мы засели в баре. Зло позвонило кому-то:

— Щас нахрюкаемся! Потом ещё в самолёте, пока долетим, совсем хорошо будет!

— Ну, чтоб поездка удалась! — радостно произнёс Кирилл, чокаясь с нами коньяком.

Через четыре часа мы — уже в Милане, берём такси и напрямик «домой» — в трёхкомнатную квартиру на последнем этаже. Хозяйка квартиры говорила с явным акцентом, будучи родом из Португалии. Да, всё то же — мне досталась комната с почти детской кроватью на мансарде, где маленькое окошко-форточка в скошенной крыше — подарок для настоящих звездочётов и просто любителей Неба.

Выпив ещё коньяка, мы отправились на гигантскую специализированную выставку. Зло, как и обычно, считало, что приехало сюда чисто по приколу, поэтому, проходив пару часов, стало отставать и лениво волочилось за мной и Кириллом в тринадцати шагах.

— Слышь, Фея, у Кирилла — сапоги скороходы, что ли? — вопрошало Зло, но я не реагировала на его подколы и тихонько напевала песенку про звезду по имени Солнце.

Периодически нас сталкивали с кем-то из знакомых итальянцев, они целовали меня в обе щеки и выражали неистовую радость.

— О! Вернёмся и замутим с этими — это дело, с теми — то! Ух! — радостно восклицал Кирилл после каждой мимолётных встреч и переговоров и периодически жалобно до-

бавлял: — Дай сигарету, пожалуйста!

Я заранее знала, что сигареты он забудет, поэтому взяла их для него.

Вечером после выставки мы «гуляли по городу», что в представлении Кирилла означало «поход по магазинам мужской одежды самых известных марок». Зло тоже было не прочь опустошить свои, набитые зеленью, карманы.

— Слышь, Фея, запиши мне название нашей улицы, если вдруг я от вас отстану? — попросило Зло, но так ни разу и не отстало, на то оно и Зло, наверное.

Периодически мы заходили в кафешки, чтобы посидеть и что-нибудь выпить. Так наступала ночь. Мы возвращались в квартиру и пили коньяк.

— Да все — козлы! — говорило Зло с усмешкой, раскинувшись на диване со стаканом коньяка и сигаретой в руке. — Поэтому всё и хреново в вашем Храме! Храм надо взорвать, чтобы место освободить! Даже не вижу смысла разбирать его по кирпичику, потом перевозить куда-то и устанавливать на новом месте.

Кирилл заворуженно кивал головой Злу в ответ, а я тщетно пыталась найти очередной способ от Зла избавиться.

— Завтра с утра надо будет купить что-нибудь поесть, — задумчиво сказал Кирилл, посмотрев на меня, прощаясь перед сном.

— Кофе в постель, — прошептала я и провалилась в сон. Мне снилось, что какой-то итальянец ждёт меня, чтобы

отвезти в аэропорт, правда, не здесь, а в Венеции, но я снова растворяюсь в тумане...

Проснувшись рано утром, я услышала кукушку. «И сколько мне осталось...?» Но кукушка мгновенно замолчала. Я открыла дверь и вышла из комнаты в коридор.

Кирилл тоже уже проснулся, а Зло храпело.

— Пойдём в магазин, купим поесть? Не одним же коньяком завтракать, — предложил Кирилл.

В магазине он набрал всякого разного. Когда мы вернулись, Зло всё ещё дрыхло. Мы с Кириллом накрыли столик, Кирилл разбудил Зло. Они сидели, пили коньяк. Я — кофе. Потом мы с Кириллом пошли мыть посуду, а Зло закурило.

В такси я сидела рядом с водителем и могла отвести душу, разговаривая на местном диалекте.

— А вы откуда будете? — поинтересовался таксист.

— Из Города Храмов, — ответила я.

— А кто эти люди с тобой?

— Тот, кто сидит у тебя за спиной, почти сам Дьявол...

— Правда?! — воскликнул таксист, обрадовавшись завязавшемуся разговору, и взглянул в зеркальце для обозрения Зла.

— Вор и лжец, хочет разрушить Храм... и убить меня, — спокойно произнесла я.

— Вот это да!!! А тот, второй? Большой босс?!

— Босс, да. Он хороший, но приворожен Дьяволом и ни-

чего не слышит.

— Но Босс же не дурак? Разве он позволит Дьяволу тебя убить?

— Он слушает тех, кто хорошо поёт.

— А ты не умеешь петь?

— Умею.

— Так почему же ты ему не споёшь?!

— Я работаю здесь, в Мире Иллюзий, по контракту, по которому петь запрещено.

— Вот это да! Значит, ты — Фея?! Тебя прислали Свыше? Защищать Босса?

— Ну да, Оттуда, но не Босса, а Храм... Хотя, получает-ся, и Босса тоже... А что это у вас тут справа, в окне, за крепость? Монастырь?

— Нет, это кладбище! — гордо заявил таксист. — Тебе надо быть очень осторожной, чтобы не попасть туда! Но, послушай, Фея, разве Босс не считает деньги? Он же потратил их на Храм?

— Его деньги считаю я.

— Опасное занятие — считать чужие деньги! Будь осторожна! Правда, ты — Фея... Я слышал, что служить сюда присылают только тех, кто сильно ностальгирует по телесности?

— Вполне возможно, — ответила я, исходя из собственной истории.

— Но ведь Феи тоже умирают! Говорят, они умирают, ко-

гда в них перестают верить!

Я вздохнула. Мы подъехали ко входу на выставку. Таксист протянул мне визитку:

— Держись, Фея! И звони, если что!

Во второй половине дня были важные переговоры с акулами империализма. Кирилл ради такого дела облачился в костюм. Если не знать, что они — акулы, вряд ли и узнаешь когда-нибудь, ведь, встретив их на улице, подумаешь, что мимо проплывает обычная мелкая рыбёшка. Впрочем, так и должно быть. Со Злом бывает так же.

— Переводи хорошо, поняла? — настоятельно потребовал Кирилл. — Ну, то есть передавай мне все оттенки, что они там себе думают...

«То, что они думают, — это как раз по моей части...» — подумала я и кивнула.

Пока мы с Кириллом шагали по Храму империализма, выслушивая лекции итальянцев о том, кто, где, как, зачем, за что и почему, Зло постоянно терялось по уголочкам-закуточкам, выражая тем самым полное отсутствие какой-либо заинтересованности в чём-либо по причине своего всезнайства. Кириллу это действовало на нервы, и периодически он кричал Злу всё же подойти и послушать умудрённых собственным опытом акул. Меня же радовал тот факт, что построенный нами Храм не уступал шедеврам итальянского зодчества.

В который раз нарезая вокруг меня круги, самая старая акула империализма всё же подъехала ко мне на велосипеде — да, их Храм был настолько велик, что внутри него акулы не всегда передвигались вплавь! — и, воспользовавшись тем, что Кирилл отлучился за Злом, приветливо ущипнула меня.

— Как думаешь, Кирилл наконец-то хоть что-нибудь понял?

Что именно должен был понять Кирилл, акула не уточнила, но, будучи феей, я поняла и без комментариев. Секунду поразмыслив, что бы такое ответить, чтобы получилось ни так и ни эдак, произнесла:

— Я думаю, Вы правы. Но разве можно знать, что происходит в голове у другого человека?

Я солгала. Я могла знать, что происходит в голове у другого человека, и уж тем более у Кирилла. Но акула почтительно заглянула мне в глаза и с глубоким уважением произнесла:

— Ты — умная. Тяжело с Кириллом, да? С его-то характером! Сколько он платит тебе?

— Простите, но у меня контракт с Высшими Силами...

Акула тут же извинилась за вторжение на чужую территорию. Акулы империализма вообще были очень учтивы со мной. Когда мы общались за круглым столом, они обращались ко мне лично, что не соответствовало этикету официальных переговоров. Акулы прекрасно знали этикет, но поступали так специально, нарочито подчеркивая своё человеческое отношение к феям. Например, как сегодня, вместо

того чтобы сказать: «Кирилл, мы готовы к сотрудничеству с тобой не только в области строительства Храмов...», они произносили: «Дорогая, скажи Кириллу, что мы готовы к сотрудничеству с ним...»

Иногда акулы внезапно переходили на заведомо известный мне акулий диалект, давая понять: переводить дословно не нужно, но я имею право их послушать и пересказать Кириллу позже своими словами.

— О чём они говорят? И почему ты молчишь?! — злился Кирилл, не понимая: если я сейчас начну ему что-либо пересказывать, то прослушаю очередной фрагмент их занимательной беседы.

Я печально ныряла в его кошачьи глаза. Сколько всего Кирилл мог бы прочитывать во мне в эти моменты, если бы не отводил взгляд в сторону... Но Зло, конечно же, читало всё...

Ехать на поезде из Милана в Венецию — около трёх часов. Прилетали мы в Милан, а улетали — из Венеции. Всё это уже было, да. Зло помнит, а Кирилл — нет. По кругу. Одно и то же, вернее — сотни вариаций одного и того же сценария.

Я не понимаю, где и что сделать иначе, не могу нащупать Точку Невозврата, за которой Храм каждый раз разрушается. Как противостоять Злу? Как помочь Кириллу, если я не имею права действовать методами Зла?

Я сидела у окошка, Кирилл — рядом, а Зло — напротив. Пока они делали вид, что спали, я делала вид, что что-то

пишу в блокноте. Зло открыло глаза и, усмехаясь, спросило:

— Протокол встречи с акулами строчишь?

— Нет, сказку.

Кирилл приоткрыл глаза и лукаво уточнил:

— А протокол уже написала?

Никакой протокол никому, естественно, не был нужен — это такая шутка, но я демонстративно посмотрела на часы и произнесла:

— Рабочий день уже закончился!

— Тогда запиши туда, в сказку, — попросил Кирилл, — что в этом поезде нет вагона-ресторана и покурить по-человечески нигде!

— А о чём сказка? — ухмыльнулось Зло, предлагая мне в 1001-ый раз пересказать Кириллу наш сценарий, никак не проигрываемый в сторону Добра.

— Об ангелах-хранителях, феях и эльфах, которых отправляют к мальчикам и девочкам, живущим в Море Иллюзий, за чьи души идёт война между Силами Света и Тьмы...

Зло, которое прекрасно знало эту сказку, прикрыло ладонью лицо, чтобы не выдать своей злорадной ухмылки. Кирилл вжался в кресло и спросил:

— Короче, чем всё закончилось?

— Пока ничего не закончилось, — вздохнула я.

— Почему? — удивился Кирилл.

— Фея терпеливая попалась — сдаваться не хочет. Уже тысячу раз умерла, но упрямо перевоплощается!

— Как умерла? Почему фея умерла? — ещё больше удивился Кирилл. — Разве феи умирают? Дай сигарету, пойду перекурю это дело.

Кирилл вышел в тамбур. Зло молча взглянуло на меня, предвкушая свою победу:

— Ну, и где твои чудеса? Ничего нового! Сдавайся давай! Сколько можно в Милан мотаться? Тошнит уже и от этой выставки, и от этого сценария! Давай уже следующий разыграем! Сценариев — как грязи! Чё ты к этому-то пристала, как банный лист?!

Накануне отъезда, как и прежде, Зло оставило нас наедине, сославшись на дикую усталость.

— Пойдём поужинаем где-нибудь? — предложил Кирилл.

Мы сидели в ресторанчике, друг напротив друга. С замиранием сердца я слушала его красивые речи. И вот Кирилл вздохнул и, не смотря мне в глаза, произнёс:

— Послушай, сегодня я... дал распоряжение разобрать наш Храм, потому что... Ну, не место там ему... Не приносит он мне особо денег, понимаешь? В городе — храмов и без нашего вполне достаточно! А мы откроем Казино! Это же гораздо выгодней, чем Храм! А Храм потом где-нибудь в области восстановим... И вообще, вся эта мышьяная возня по мелочам мне уже вот здесь, если честно!

Кирилл говорил что-то об осточертевшем ему планировании закупок на свечном заводе, о проблемах с автоматиче-

ским списанием восковых огарков, ладана, елея и лампадного масла, о неправильных пропорциях разбавления церковного вина водой, о глюках в учёте раздачи просфорок и крещенской воды, о жалобах прихожан на отсутствие должного контроля за отпущением грехов, о некачественной протирке пыли с иконостаса и снижении продаж печатной продукции...

Я слушала это уже в 1001-ый раз и изо всех сил старалась сдерживать свои чувства, ведь по контракту я не имела права сказать о том, что прописано в сценарии: на торжественном открытии Казино... Кирилла убьют...

Но это был уже 1001-ый раз, и я остановила его поток мыслей вопросом:

— Хочешь знать правду?

Кирилл на мгновение оторопел, а потом нехотя кивнул в знак согласия.

«Феи умирают, когда в них перестают верить!» — вспомнились мне слова таксиста, как последнее предупреждение моего собственного Хранителя.

Но... Да, я нарушила условия контракта и рассказала Кириллу всё: и про сценарий, и про Зло, посланное ему в качестве искушения под кодовым названием «Казино», и про контракт Свыше, ну... про то, что я — Фея...

Кирилл молчал, но я почувствовала, как постепенно начали таять мои крылья, затем поплыло земное зрение, моё тело утончалось с каждой секундой всё быстрее и вот...

...я снова проиграла Злу!!!

О, эта дурацкая особенность фей — влюбляться в своих
подопечных в Море Иллюзий!

2005

10. Пора в отпуск на Афон!

Я бы хотела сейчас закинуть ноги на стену, лежа поперёк кровати, и раскинуть руки. Однажды в отпуске я попробовала нарисовать себя таким образом и, когда случайно перевернула листок вверх головой (нет-нет, не «вверх ногами», а именно головой, чтобы голова оказалась сверху), получилось распятие.

Тьма сгущалась. Марк кружился где-то рядом, пока не застыл с очередным немым вопросом:

— Хочешь, я отпрошусь и поеду с тобой?

Марк никогда не летал со мной за Границу. Я одна объехала всю Европу, побывала в Египте, Израиле и Перу. Страницы в моём загранпаспорте превратились в мозаичные панно штампов. На этот раз всё будет гораздо сложнее и опаснее — Ирак.

— Я же буду там работать, — ответила я.

— Но в твой отпуск мы обязательно выберемся куда-нибудь вместе, правда! Ты всё забудешь и отдохнёшь! Кстати, я слышал, что у людей, которые проходят по земле там, где находилась Вавилонская Башня, стирается память! Ты поэтому попросилась в Ирак?

— Вот именно — у людей. Забыть можно, но лишь Там, а не здесь, где всё — в общем доступе. И в командировки у нас не просятся, Марк... Я ничего не забуду...

Сколько их было — провалов? Сколько раз сотрудники Сил Тьмы пользовались глюками — искажениями матрицы пространства Времени — в так называемых Местах Силы, то есть в точках открытых дверей между мирами?

Фаталистам кажется, что всё предрешено, — им явно проще жить! Каждая командировка сотрудников нашего Управления, которая по земному времяисчислению может длиться мгновение, — фрагмент шахматной партии турнира в несколько тысячелетий. И самое страшное моё воспоминание — Бермудский треугольник...

— Слушай, а поедем в Монако? Поиграем в казино! Или в Африку — поближе к природе? Где и как ты хочешь провести отпуск?

— В тишине и подальше от людей. На каком-нибудь острове. Только не на Острове Пасхи — я только что оттуда...

— Скажи ещё, что хочешь на Афон к монахам! — фыркнул Марк и поморщился.

Я совсем не злилась на него — здесь не приживаются те, кто злится. Я по-своему любила Марка, но пребывала не в том настроении, чтобы мечтать об отпуске. Воспоминания о Бермудском треугольнике всколыхнула очередная сводка новостей, не внушающих оптимизма.

К тому же это всё — сказка. Всё, что Марк мне говорит. Он делает вид, что сказка станет былью, а я делаю вид, что верю. Марк — тролль, у нас — разные уровни, мы не сможем провести отпуск вместе.

Я залезла в Скрижали, собрала всю информацию о задействованных в предстоящем событии личностях, и, попрощавшись с Марком, мгновенно переместилась в экспресс до Земли.

— Привет, Бэлла! Ты — самый прекрасный Воин Света! — шепнул мне Герман, присаживаясь рядом. — Не грусти, Солнышко! Всё будет хорошо!

— Здравствуй, — кивнула я и поняла, как сильно мне хочется сейчас прижаться к нему по-человечески.

Мы всегда практикуем визуализацию — и поезд-экспресс, и духи в образе людей, а не энергетических шаров, и всё, что на Земле, предстаёт здесь в виде голограмм, но невозможно материализовать физическое тело, чтобы почувствовать друг друга...

Тьма сгущалась. Мы молча спускались вниз. Я чувствовала себя безумно уставшей.

«Отоспишься на Том Свете!» — говорила мне бабушка, но была не права: выспаться можно лишь на Земле!

Хотелось отключиться, но сознание постоянно терзал вопрос: можно ли было спасти тех, кого я не смогла? Один из них — Людвиг, я пересекалась с ним в отпуске однажды, а сейчас не спасла корабль, на котором он застрял в Бермудском треугольнике...

Герман направил на меня луч Света — он, моя неземная любовь, всегда чувствует, когда мне тяжело, только... сейчас Герман — рядом, справа от меня, в поезде, а уже через

мгновение я окажусь в Ираке, а Герман — в Палестине...

Внезапно я почувствовала себя столь одинокой! Вряд ли кто-то на Земле может себе представить, каково это — быть Воином Света!

Герман завис надо мной с немым вопросом:

— А где ты хочешь отдохнуть?

Мы никогда не пересекались с Германом на Земле. Жаль...

Я помню, когда впервые встретила его здесь, подумала: вот бы провести отпуск с ним! — никогда ещё я не встречала таких, как он, но... сразу же заглянув в Скрижали, поняла, почему...

Хорошо, что доступ к Скрижальям возвращается одновременно с твоим возвращением из отпуска, и отсутствует на Земле — меньше знаешь, крепче спишь в отпуске. И хорошо, что здесь, в отличие от Земли, никто не имеет права отправить тебя в отпуск насильно. Хочешь — пишешь заявление, с тобой согласуют даты «с...» и «по», подбирают варианты путёвки...

Сколько их уже на моей памяти? — вполне достаточно, если смотреть со стороны воплощённого на Земле существа. И — слишком мало! — как отпусков в течение одной земной жизни, если смотреть со стороны небожителя.

— В Монако? Поиграть в казино? Или в Африку — поближе к природе? — не дождавшись моего ответа, предположил Герман. — Как ты хочешь провести свой очередной

отпуск?

— В тишине и подальше от людей...

— На Афоне с монахами?!

Герман читал мои мысли... Жаль... Свой последний отпуск он провёл на Афоне, и сразу же после возвращения его причислили к тем, кому никаких отпусков уже не предоставляется...

декабрь 2002

III. ВЕРШИТЕЛЬ СУДЕБ

1. Клюква

Я любил маму и клюкву на болоте, а Маша — филе лангедокского оленя и улиток по-французски в кафе на Рублёвке. Как я сразу не догадался, что ничего хорошего опять не выйдет?

Я был старше её на десять лет — неплохая разница в возрасте, чтобы девушка во всём меня слушалась, но ошибся — Маша не сочла меня гением, и, что ещё страшнее, оказалась совершенно не похожей на мою маму, хотя их дни рождения я заранее сверил перед тем, как перейти в наступление, то есть — к знакомству!

А почему бы и нет? На тот момент я был завидным женихом — свободным мужчиной, не обременённым детьми и алиментами, с недвижимостью на болоте! Красавец в самом расцвете сил. Мама только что умерла, поэтому встреча с Машей казалась мне очень даже уместной!

С первой женой всё сразу пошло не так, потому что она не понравилась моим родителям, особенно маме. Впрочем, мы прожили несколько лет. Да, у нас родился сын, но я никогда не считал его своим ребёнком! Не потому, что я — не его отец (ещё чего не хватало!), просто я ничего к нему не

чувствовал: что есть, что нет.

Слава Богу, я быстренько избавился от жены и сына, и жизнь вернулась в прежнее русло — с мамой! Ну и с папой тоже.

Я жил на болоте и собирал клюкву. А когда клюквы не было, я доставал её из наших холодильников — собранную в сезон. Если вы будете есть клюкву постоянно, вы никогда и ничем не заболеете! Так говорила моя мама. И это аксиома. Куда ж без клюквы?

Маша показалась мне такой тихой, такой послушной, такой... как мама! Но зачем-то она любила филе лапландского оленя и улиток по-французски. Я не понял тогда, зачем. И уже никогда, видимо, не пойму: почему я должен спонсировать кафе на Рублёвке? Ведь для этого надо, как минимум, работать. А я — дурак, что ли, чтоб работать? Я никогда не работал. Как институт закончил, вернее, бросил, так дальше и не работал. А вы до сих пор пашете?

Вот я — свободный художник. Пишу картины и стихи. Как мама. Да, моя мама всё время что-то писала по ночам в дневнике. Я ей показывал свои стихи. И они ей нравились. Она всегда меня хвалила. И однажды сказала, что я — поэт. Так вот, я — поэт. А Пушкин разве работал? Нет, он творил! И я тоже творю. А чтобы творить стихи, нужен покой. И никакой другой работы. Поэтому я бросил авиационный институт, как только мама сказала мне, что я — поэт, и купил себе инвалидность!

Моя первая жена тоже, как и большинство, пахала на дя-
дю. А я размышлял: почему же меня так редко посещает Му-
за? Впрочем, грех жаловаться — за тридцать с хвостиком
лет я написал целых 200 стихотворений, но это, конечно, ни-
что по сравнению с тем, сколько я собрал клюквы, если ме-
рить в килограммах или в холодильниках, где она хранится
в несезон.

Так вот, однажды я встретил Машу. На болоте. Собирая
клюкву. У меня на болоте — дом. Там, знаете, огромная ни-
чейная территория. Ну-у-у... или не ничейная, но мало кому
нужная. В тех краях родилась моя мама, но их дом не уце-
лел. А я решил сделать маме подарок и на ничейной терри-
тории построил маленький дом, почти шалаш, но с печкой.
Для нас с мамой. Ну и для папы тоже. И когда мама умерла,
в шалаше освободилось место для Маши. Вернее, для той,
кто будет, как мама, и полюбит клюкву. И вот однажды я со-
бирал клюкву и заметил Машу.

Я вижу людей насквозь и сразу понял, что Маша — тоже
поэт. Она искала на болоте свою Музу! И я подошёл к ней. И
мы разговорились. Я предложил ей собирать клюкву вместе.
В сезон клюквы. А в несезон — добывать её из холодильни-
ков. У меня на болоте спрятано несколько холодильников, я
кажется уже говорил, купил их специально для клюквы.

Маша почему-то засмеялась. Разве я сказал что-то смеш-
ное?! Это был первый знак Свыше, что она — не как мама!
Мама никогда надо мной не смеялась! Но я решил, что Ма-

ша так со мной заигрывает и простил её на первый раз.

Однако Маша действительно писала стихи! Я же говорю, что вижу людей насквозь! И она подарила мне свою книжку. Про призраков! А я сразу же передал книжку папе — на проверку: понравится или нет? В итоге папа меня благословил, и я перешёл в наступление!

Маша жила в городе. Иногда летом она заезжала в кафе на Рублёвку, чтобы покушать филе лапландского оленя или улиток по-французски, а на мои болота попала случайно, будучи в гостях у дальних родственников.

Так вот... я совершил подвиг! — мне пришлось с болот приехать в город, чтобы вечером выгулять Машу по Тверской. Дело в том, что зимой Маша пахала на дядю в книжном магазине, чтобы летом периодически есть филе лапландского оленя и улиток по-французски.

Помню, мы прошлись от Маяковской до Кремля, и обсудили множество важных для меня деталей — я спросил, где похоронена её мама, и рассказал о похоронах своей. На отрезке от Маяковской до Пушкинской мы обсуждали кладбища, на них же, как и на болотах, встречаются Музы, а от Пушкинской до Кремля говорили про клюкву.

Наверное, этим я и разбудил Машин аппетит, но — да простят меня боги! — не придал особого внимания второму знаку Свыше: Маша намекнула на то, что было бы неплохо зайти в какое-нибудь кафе! Кушать около Кремля или даже на Тверской?! — помилуйте! Моя мама вообще никогда не

питалась вне дома, не говоря уже про Тверскую или «около Кремля»! Однако, вместо того чтобы тут же распрощаться с Машей навсегда, я сделал вид, что не заметил её желания перекусить, — довёл до метро, а сам вернулся на болота. Я езжу на «копейке» — родительской машине. Мама её очень любила, и я — обожаю!

До сезона клюквы было ещё далеко... и мне стало грустно. Я послал Маше письмо с болот. Но она ничего не ответила. Тогда я разозлился и отправил вдогонку постскриптом: «И только посмейте сказать что-либо плохое о моей матери! Я Вас убью!» Маша ничего плохого про мою маму на тот момент ещё не говорила, но я решил предупредить заранее — пусть знает! Первую жену я не предупреждал. И когда через несколько лет нашей совместной жизни она посмела произвести, что моя мама должна позволить нам, наконец-то, жить отдельно... Кто бы мог подумать! Сколько лет я её терпел!

Но Маша снова промолчала! Я же видел, что она получила и прочитала моё сообщение и постскриптом к нему!

Я был взбешён!!! Мама реагировала на все мои сообщения молниеносно! И я решил, зная теперь, где и до скольких Маша работает, тайно следить за ней по вечерам — от её офиса и до дома — нет ли кого у моей пассии для совместного поедания филе лапландского оленя и улиток по-французски?..

Слава Богу, у нас с Машей на тот момент ничего не было — я и пальцем её не коснулся, не говоря уже про всякие там

телячьи нежности... Но я же целый подвиг совершил, прогнав лишний раз мамину любимую «копейку» — с болот в город и обратно — в тот вечер, когда мы прошли с Машей по Тверской!

И я обосновался у бомжей в подвале напротив Машиного дома. Ну и нормально, потерпеть можно, ведь я же затеял это ради благого дела — чтобы разобраться в Маше... или с Машей... Я сказал папе, что выполняю тайное задание спец. служб, поэтому какое-то время буду отсутствовать на болотах.

И вот... через неделю... я заметил, что Маша встретилась с какой-то типа её ровесницей!.. И они пошли в кафе... около Кремля!!!

Но как?! Как она могла променять меня на девушку???

«Мама! Прости меня! Прости! Я посмел возомнить, что Маша — как ты!!!»

Я вернулся на болота и зарыдал! Светлая память моей святой матери была мгновенно осквернена мыслью о возможной связи с грязной и порочной Машей! Как я мог допустить появление такого кощунственного чёрного пятна?! Проклятье! Его требовалось срочно вывести! Раз и навсегда!!!

В тот вечер я вернулся в город и подкараулил Машу, которая возвращалась с работы домой, у входа в её подъезд. Она, увидев меня, даже улыбнулась и сказала «Привет», будто вчера виделись. Я предложил ей поговорить в «копейке». И — о счастье! — она согласилась.

Конечно, Маша сказала, что я — сумасшедший, поскольку «та девушка» — её двоюродная сестра. Но разве слова Маши давали 100%-ную гарантию того, что у них потом, когда я с горя вернулся на болота, ничего не было... ну-у-у... сами понимаете, в какой сфере?..

Я же со своим — даже родным! — братом в кафе не хожу! Я его уже лет сто не видел! С тех пор, как он женился! Да он вообще — предатель! Бросил маму! Променил её на какую-то...

Но я отвлёкся от Маши!

Она могла сейчас говорить мне всякое, лишь бы вырваться — я же поймал её, как птицу в клетку, заперев в маминой любимой «копейке», но Маша была совершенно не как мама! И я не мог... просто не мог поступить иначе! Ведь мама обещала смотреть за мной с Небес и быть всегда рядом! Значит, она видела, что я... повёлся на Машу и представлял её на месте матери!!! О-о-о!!! Одна лишь мысль об этом приводила меня в бешенство!!!

Я отвёз Машу на болота (естественно, мы не заходили в наш родовой шалаш, дабы не осквернять его её посещением!), а потом, когда эта омерзительно-порочная женщина была уже мертва, я достал себе клюквы из холодильника и кушал, кушал, кушал — чтобы не простудиться после очередного стресса! — как всегда советовала мне мама...

02 апреля 2021

2. Спортсмен

Однажды, ещё в детстве, выходя из школьной раздевалки в спортивном костюме, в шапочке и шарфике, связанных бабушкой, я случайно услышал загадочную фразу проходящего мимо физрука, беседующего со своим закадычным другом — учителем биологии: «Оргазм — это маленькая смерть!» В тот день урок физкультуры был последним, мы катались на лыжах в лесу, и всё это время я размышлял о том, что же имел в виду физрук, да и что такое смерть, и как она связана с оргазмом?

В отличие от старшего брата, ещё тот развратник, я — человек божий! Так и дожил девственником до... Впрочем, мне уже не раз намекали, что о возрасте говорить неприлично. Зато я вырос настоящим спортсменом: каждое лето — в прудах, каждую осень и весну — на тренажёрах, каждую зиму — на лыжне!

Зима — вообще моё любимое время года, хлебом не корми — дай покататься на лыжах в сумерки в морозном хвойном лесу! Ух! — вспоминаю, а у самого аж дух захватывает! Меня знали все белки в лесу! Собственно, и запомнить несложно: столько лет прошло, а шарф и шапочка — всё те же! Что бабушкой связано, то на века!

Я не пропустил ни одной зимней Олимпиады! В качестве болельщика у экрана ТВ, разумеется. Знал всех олимпий-

ских чемпионов по именам, фотографиям и лыжам — вот разбудите ночью, и я отвечу, кто в каком году на каком месте оказался, сколько раз и какие лыжи менял по ходу соревнования! Я изучил все составы смазок, все типы снегов. В качестве подарка себе самому на Новый год я покупал очередные лыжи и палки! Так, у меня в шкафу постепенно собралась целая коллекция всевозможных брендов, цветов, толщины и ширины. А вот смазки я научился изготавливать самостоятельно!

В ту зиму мы собрались отметить очередную годовщину смерти бабушки, которая вязала нам шарфики и шапочки. И в какой-то момент брат — ни с того ни с сего! — при всём честном народе заявил, что я — как был дураком, так дураком и помру, и спросил, не интересуют ли меня мальчики, если я до сих пор не женат. И я, ангел во плоти по сравнению с братом, вспыхнул как спичка! Ничего себе оскорбление на ровном месте! Да я с удовольствием познакомился бы с девочкой, но зимой на лыжне в сумерках в морозном хвойном лесу — ни одной не сыскать! Только белки в глазах скачут! Брат покрутил пальцем у виска и сказал, что я устарел, как наш старый чёрно-белый телевизор, поскольку все давно знакомятся в Интернете на сайтах знакомств.

Вернувшись домой, я подумал, что оскорбление бабушкиного телевизора, по которому я до сих пор смотрю Олимпиады, пережить, наверное, возможно. Но то, что устарел я сам...

... Через неделю, пообщавшись за бутылкой пивка у соседа, — не обращаться же с расспросами к старшему брату! — я зарегистрировался под псевдонимом «Спортсмен» на пяти сайтах, выбрав из списка возможных целей знакомств с противоположным полом — «занятия спортом».

Собственно, до просмотра анкет конкурентов я даже не представлял, как много спортсменов уже зарегистрировано! Судя по общему количеству анкет, я жил в стране спортсменов! А на лыжне, кроме меня, никого не наблюдалось, потому что все наострили лыжи и почесали в Интернет. Ну, да, согласен, бежать вдвоём по лыжне — гораздо веселее, чем одному. Вот они и не бегают, как я, — ждут девушку, которая составит им компанию.

Я разместил фотку себя в бабушкиной шапочке, с шарфиком и лыжами, но почему-то никто не откликнулся. Тогда я сфотографировал лыжню в лесу и... белку. И что тут началось! Масс-старт! «О, какая она милашка!» «Боже, Вы так любите природу!» Но выбрать девушку оказалось не так-то просто! Я просмотрел анкеты тех, кто присылал мне сообщения или ставил лайки, но у многих не увидел заветной строки «занятия спортом». А зачем тогда смайлики, лайки и сообщения? Только зря время терять!

В итоге я всё-таки нашёл симпатичную девушку с тем же интересом и пригласил её на занятия спортом в субботу ближе к вечеру, когда в лесу стемнеет — романтика!

О, как я томился и нервничал в ожидании встречи! А

вдруг ей не понравится лыжня? Или белочки испугаются, что я не один, и не выскачут на дорогу? Лыжи-то я всегда мог подобрать из своей коллекции и смазкой поделиться мог, а вот лыжня — она же одна для всех в этом лесу... Как пройти её всю от начала до конца, чтобы девушке понравилось?

Мы договорились с Изабеллой, что я встречу её в 17:00 у выхода в город на последней станции метро, как раз между моим домом и лесом. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, с лыжами и палками, в спортивном обмундировании и в шапочке и шарфике, связанных бабушкой, когда заметил её — в длинной норковой шубе с капюшоном, но... в кроссовках!

— Изабелла? — невольно вырвалось у меня.

— Игнат? — произнесла она удивлённо и... расхохоталась. — Вы это серьёзно?

Я ничего не понял... А разве я похож на не серьёзного человека, если специально для совместных занятий спортом зарегистрировался на сайтах знакомств под псевдонимом «Спортсмен»? Почему Изабелла смеялась надо мной? А её неуместный наряд был похож на глумление над моей святыней — лыжами! Или... ей не понравилась моя шапочка?

Но... может, так принято у девушек — кокетничать и заигрывать? Говорят же, что порядочные девушки на первом свидании ни на что эдакое не соглашаются. Я же не знаю, как оно на самом деле, — у меня ещё подружек не было, и первых свиданий, соответственно, тоже. Но я прикинул, что мы с Изабеллой одного роста и комплекции, а у меня дома

множество и спортивных костюмов, и лыж, и палок, — сама выберет.

Я предложил зайти ко мне домой, и она... согласилась!

Но, когда мы оказались в квартире, Изабелла стала вести себя совершенно неадекватно. Стянув с меня мою любимую шапочку, она скривила лицо и произнесла: «Нафталин!» А когда я показал ей коллекцию лыж и палок в шкафу, она спросила: «А где ванная?!» Я поспешил заметить, что в ванную ходят после занятий спортом, а Изабелла вдруг набросилась на меня, как голодная волчица!

«Боже, какой ужас! Она — сумасшедшая!» — подумал я и отбиваясь лыжной палкой, вышвырнул девушку из квартиры вместе с её норковой шубой, и запер дверь изнутри!

Вскоре я осмелился познакомиться ещё с одной спортсменкой, Виолеттой, но решил пригласить её сразу домой, чтобы лишний раз не экипироваться, если вдруг... Я планировал посмотреть с ней прямую трансляцию Олимпийской лыжной эстафеты, а затем — в сумерках, под полной Луной — покататься на лыжах в лесу и самим. Однако Виолетта почему-то сбежала, когда увидела мой старенький чёрно-белый телевизор. То есть сначала она поинтересовалась, что мы будем делать. Я улыбнулся и включил телевизор — а что есть слаще для настоящего спортсмена, чем Олимпийские игры? Но Виолетта иронично произнесла: «Ну, окей... А ты любишь антиквариат или совок? Или у тебя сломался телек, и ты взял у бабушки на прокат?»

«Совок? Какой ещё совок? — подумал я. — И что за наезд на бабушку?»

Я вздохнул и сел на диван смотреть Олимпиаду. Виолетта попыталась присесть ко мне на колени, но заслонила весь экран! Я смахнул её с колен, она грохнулась на пол, выругалась нецензурно, бросилась в коридор, оделась и сбежала... Нахалка!

Конечно... как бы это сказать... и у Изабеллы, и у Виолетты... у них были очень аппетитные формы... Когда они прикасались ко мне, я испытывал нечто... непристойное... Но нельзя же так сразу переходить к лишению меня девственности? Я же указал в анкете — занятия спортом! Неужели, все девушки притворяются спортсменками, а реально всего лишь пытаются использовать меня для достижения собственного оргазма, высмеивая при этом мою любимую вязаную шапочку и чёрно-белый телевизор?! Но ведь их надо как-то наказывать за подобное поведение! Сколько настоящих спортсменов они собьют с пути истинного?! С путанами надо бороться не на жизнь, а на смерть! Они же — угроза здоровью нации!!!

Я с трудом успокоился уже на лыжне в полуночном лесу, представляя на внутреннем экране беспощадную расправу над Изабеллой и Виолеттой, прямо там, в снегах с ароматом морозной хвои, прокручивая в голове каждую деталь моей мести и за ни в чём не повинную бабушку, и за весь мировой спорт, а затем вернулся домой и заставил себя дать третий и

последний шанс... девушкам с сайтов знакомств.

Её звали Снежаной... Боже, меня возбуждало уже одно её имя — морозное, снежное, елово-сосновое, похожее на светлое пятно в мрачном зимнем лесу... Да, она должна, просто обязана быть настоящей! Наконец-то! Я встретил ту, которую искал! Она не сможет не ответить мне взаимностью!

Я стоял у входа в лес в ожидании волшебства и представлял, как Снежана выйдет ко мне сейчас из метро в спортивном костюме с лыжами, палками, но без смазки. Жалобно и с надеждой попросит смазать её лыжи, а потом покатит следом за мной по лыжне, и мы будем догонять друг друга, периодически поглядывая на Луну и улыбаясь неугомонным белкам. А потом, когда мы накатаемся, я приведу Снежану домой, отправлю в ванну, достану с балкона пиво и воблу, и мы будем смотреть спортивный канал, а когда она наконец-то уснёт, я...

— Привет, спортсмен!

Я вернулся в реальность и увидел перед собой очередную б... — да, именно, непристойное слово чуть было не вырвалось из моих уст! — в коротком лисьем полушубке, с длинными ногами в тонких колготках, обтягивающей юбке, едва прикрывающей попу, и в полусапожках на высоченных шпильках... Снежана была ещё и соответствующим образом накрашена: почти чёрная губная помада, накладные ресницы и волосы фиолетового цвета! Боже!

«Ну, да ладно! Это мы ещё посмотрим, кто кого!» — по-

думал я и сказал вслух, выжав из себя улыбку:

— Привет, пойдём!

— В лес?! — удивилась она.

— Конечно!

Не так давно в лесу — кто бы мог подумать! — появилась целая площадка с тренажёрами под открытым небом, но в окружении елей. И я привёл Снежану на эту площадку. Было уже около десяти вечера и всё, как я люблю: мороз, тишина, ёлки, снег и спорт...

Снежана усмехнулась:

— Здесь?! Мы что, будем заниматься спортом?

— А разве ты не этого хотела? — уже ничему не удивляясь, спросил я, оставляя лыжи под ёлкой.

Я подвёл Снежану к тренажёру «велосипед» и сказал:

— Начинай!

— Что начинать?

— Как что? Крутить педали! А я пока с грушей боксом позанимаюсь.

Снежана посмотрела на меня странным взглядом, будто я — сумасшедший, а затем, притянув меня к себе за шарфик, связанный моей бабушкой, спросила:

— А у тебя деньги-то есть? Сколько заплатишь?

И... и — да!!! — я озверел! Озверел! Деньги!!! Вы слышали?! Спорт не подкупен!!! Спорт — это не про деньги! Это жизнь! Моя жизнь! Это мои, связанные бабушкой, шарфик и шапочка! Это мой чёрно-белый телевизор! Моя лыж-

ня! Мои ели в лесу! Мои белки, в конце-то концов!!!

Я резко схватил Снежану за руку и поволок за собой к ели! Она кричала и сопротивлялась, но тщетно — мы были в глухом лесу, почти ночью, в минус 25 градусов по Цельсию. Снежана и я!

Её шубка распахнулась, обнажая и прозрачную кофточку, и то, что под ней. И я захохотал! Всё моё естество наполнилось жадой... КРОВИ! Крови Снежаны, и таких, как она — Изабелл, Виолетт!

Я швырнул Снежану в снег под елью и схватил лыжную палку, и колол, колол, колол её — в грудь, в живот, в шею, в глаза! — с остервенением до тех пор, пока она не замолчала, и в тот же момент я испытал оргазм и вспомнил фразу нашего физрука о том, что оргазм — это маленькая смерть, фразу, которую я столько лет никак не мог разгадать! Но — каков хитрец! — он просто поменял слова местами, потому что оргазм — это не смерть! А вот смерть — это оргазм!

3. За мороженое

— Привет! — прошептал Юрий Васильевич, печально взглянув на её прекрасное, но холодное лицо. — Сегодня я пришёл поздно, потому что отвозил ребёнка на дачу... Прости меня, Инна!

Она молчала.

— Ну, прости меня!

Но Инна молчала.

Всё лето Юрий Васильевич приходил к ней каждый вечер, рассказывал о своей теперешней жизни и приносил мороженое. Да, я всегда буду помнить, что она любила мороженое. И ягоды замораживала на зиму. А потом зимой их размораживала и кушала с мороженым...

— Бог велел всех прощать. Ты же всегда верила в Бога, разве нет, Инна? Прости меня!

Но она молчала.

Наступила осень, шли проливные дожди. В тот вечер Юрий Васильевич купил ей букет маленьких хризантем.

— Я раньше не дарил тебе цветов. Прости... Хочешь, я буду приносить их тебе каждый день?.. И мороженое тоже!.. Всё, как ты любила!

Но Инна молчала. Она была безжалостно-холодной!

Юрий Васильевич вспоминал, как все завидовали, что у

него такая жена — красивая, молодая, весёлая, общительная...

— Сколько можно обижаться? Да, я был не прав. Но я так долго сдерживал себя! Подумаешь, разок приревновал тебя к нашему ребёнку! Но ведь ты уделяла ему слишком много времени! И совсем не обращала внимания на меня! Мне было очень обидно, правда! Ну, прости!

Юрий Васильевич смотрел на Инну таким жалобным взглядом, но она по-прежнему молчала. И он с трудом сдерживался — мужчины не плачут.

Зимой, почти каждый вечер, он приносил ей, помимо мороженого, ещё и мандаринов — должно быть, Инна их тоже любила, но... продолжала молчать — такая холодная... ещё бы!

А потом наступила весна. Когда всё, что было заморожено, начинает таять, и Юрию Васильевичу показалась, что Инна тоже вот-вот оттаёт! Он пришёл к ней с надеждой, но она была по-прежнему холодна. И тогда Юрий Васильевич закричал:

— Сжался надо мной! Услышь меня! Я больше не могу так! Не могу без тебя жить! Мне кажется, что я схожу с ума! Я увезу тебя отсюда и сделаю счастливой! Только вернись ко мне, пожалуйста! Да прости же ты меня!!!

В тот момент я не выдержал — мало ли что он натворит

в таком состоянии! — и, оторвавшись от видеокамеры и на ходу застёгивая бронежилет, направился к клиенту.

Юрий Васильевич обернулся, когда я открыл дверь, и кивком поприветствовал меня.

— И Вам не хворать! — произнёс я. — Так что в итоге? Договор продляем?

Юрий Васильевич всё ещё пребывал в состоянии транса, теребя нервными пальцами краешек своего пиджака. И для ускорения процесса я добавил кодовую фразу:

— Вы мне деньги за своё «мороженое» принесли?

Юрий Васильевич непроизвольно вздрогнул и даже как-то съёжился, но потом тут же схватил и распахнул саквояж, заполненный пачками иностранных купюр:

— Да-да... конечно... да... вот...

...А Вы думали, содержание моего подпольного гаражного кооператива «Хладокомбинат у Борисыча» обходится дешёво? Но у богатых — свои причуды, особенно если крыша поехала, а деньги на дороге не валяются.

— Я очень устал, — прошептал Юрий Васильевич и зарыдал: — Ну, прости меня, Инна, прости! Я люблю тебя! Пожалуйста, открой глаза! Посмотри на меня! Дай мне руку! Вставай! Пойдём домой! Ну же... пойдём...

В наступившей гробовой тишине Юрий Васильевич окинул Инну отчаянным взглядом, чтобы ещё раз увидеть её тонкие холодные руки, которые когда-то нежно ласкали его; бледное, родное до боли и всё-таки уже чужое лицо; окаме-

невшие губы, которых ему так не хватало. Он не мог видеть лишь её глаз и шрамов под платьем, оставшихся от его многочисленных ударов ножом в поисках сердца...

26 июня 1998

4. Две женщины

Я просто слишком сильно любил её! А разве вам не знакомо такое чувство, когда ради любимой вы готовы пожертвовать жизнью?

...Не помню, где и когда мы познакомились с Жанной, ведь мы жили в одном доме, играли в одном дворе, учились в одной школе. Жанна всем нравилась, её окружала толпа ухажёров, и я сначала даже побаивался пригласить её погулять. С женщинами у меня сложности с детства. Я их всегда боялся. И, как выяснилось, не зря!

Мы стали встречаться ранней весной, когда Жанне исполнилось восемнадцать. Часто ходили к тому озеру, по центру которого торчит необитаемый островок. Жанна говорила, что ей бы хотелось на него попасть! Заметьте, никто не тянул её за язык!

На прогулку я всегда брал мою любимую — Жунгу. На всякий случай. Рядом с ней я чувствовал себя гораздо уверенней. Многие даже считают, что таких собак нельзя держать дома — мол, опасно для жизни! Да, согласен, характер у неё, прямо скажем, не простой: в квартиру нельзя было привести друга, не говоря уже о целой компании. Жунга бросалась на любого, кто не являлся членом нашей семьи, а когда её запирали в другой комнате, заливалась невыносимым лаем и «выламывала» дверь до тех пор, пока чужой не уходил.

Жунга, кстати, не слушалась даже меня, но я её очень любил! А разве не собака — лучший друг человека?!

Я, честное слово, искренне надеялся, что девочки подружатся, но Жунга — теперь-то мне всё стало ясно! — просканировала будущее и заранее возненавидела Жанну, рычала на неё и всячески пыталась загрызть. Я уговаривал её смириться, но Жунга упрямо стояла на своём. Тогда я понял: она ревнует меня! Наконец-то! Но, под давлением окружающих, всё-таки принял решение — женюсь. Надо — значит, надо. Куда деваться? Подумают ещё, что я равнодушен к противоположному полу в отличие от своего собственного!

Жунга, естественно, не могла простить мне такого поворота событий! Её агрессия зашкаливала, теперь она бросалась и на меня! Как я ни пытался ей объяснить человеческое «надо», а всё в пустую: предательства собаки не прощают. А как вы отнеслись бы к тому, кто вас предал? Я оставил Жунгу у матери, а сам после свадьбы перебрался к Жанне.

Мне очень не хватало моей Жунги, я неимоверно тосковал, она снилась мне каждую ночь, и, видит Бог, я старался заезжать к ней в гости как можно чаще! Всеми фибрами души я чувствовал её неимоверные страдания и в итоге предложил матери выдать Жунгу замуж. Разово, разумеется... Кто бы знал, как сильно я переживал за её брачную ночь! Но самовнушение — великая вещь: я же изменяю ей с Жанной...

В то утро мать позвонила мне и сообщила потрясающую

новость: у Жунги будут щенки! Я прыгал по квартире от счастья — возьму себе одного! Вернее, одну — девочку, конечно! Вылитую Жунгу!.. Я даже залаял от радости. Впервые. И в тот самый момент в комнате появилась Жанна и сказала, что у нас будет ребёнок.

М-да!

Вечером мы решили отметить у моей матери скорое пополнение семейства. Жунга, как и обычно, принялась бросаться на хрупкую Жанну. Мать, несмотря на мои протесты, закрыла Жунгу в комнате, чтобы спокойно поужинать на кухне.

После трапезы мы с матерью уединились на балконе обсудить предстоящие перемены. Внезапно раздался грохот и крики. Дверь в комнату, где находилась Жунга, была сорвана с петель. Прибежав на кухню, мы увидели Жанну, которая, вместо того чтобы мыть посуду, лежала без сознания с окровавленным ножом в руке! На её животе, грозно рыча, распласталась Жунга...

Мы вызвали врача и ветеринара. Я был подавлен! Я взвыл! Да, я выл на Луну, не стесняясь ни ветеринаров, ни врача. Жунга больше не могла иметь щенков, а жена — детей. Боже! Казалось, я не смогу этого пережить!..

Мы гуляли у того самого озера, по центру которого торчит необитаемый островок... Было уже слишком поздно, и — ни души вокруг. Жуткая картина воскресла, застыв на внутреннем экране: любимая Жунга и нож в руке Жанны... Я

не помню, каким образом в моих руках оказался тот самый нож...

Я просто слишком сильно любил её!

13 декабря 1996

5. Мертворождённая

«Я сделаю это за неё...» — произнесла Танюша, останавливая меня жестом. В тот день ей исполнилось двенадцать лет.

Мы познакомились в пекарне напротив нашего офиса, где Настя выпекала потрясающие булочки. В тот вечер, как и обычно, постучавшись в дверь, она зашла в мой кабинет.

— Привет-привет! — бросил я, продолжая листать почту, а Настя молча встала у стола в надежде, что я всё-таки удостою её взглядом.

В тот день она была необычайно красивой. Казалось, с ней произошли какие-то перемены.

— Что-то случилось, дорогая?

Настя загадочно улыбнулась, кивнула и, подойдя ко мне поближе, присела на край стола. Я судорожно перебирал в голове варианты: новое платье? — нет, поменяла причёску? — по-другому покрашена? — что в ней сегодня не так, как обычно?

— Не мучь меня, я устал, намекни как-нибудь!

Настя взяла мою руку и провела ею по своему животику:

— Мы тебя любим!

От радости у меня перехватило дыхание:

— Ну, наконец-то!

Танюша всегда нас радовала, росла на глазах, будучи красивой, весёлой и умной, хотя и своенравной девочкой. Она прекрасно рисовала, занималась музыкой, фигурным катанием, изучала иностранные языки. Мы любили её и всячески баловали. Она, мой долгожданный ребёнок, ни в чём не знала отказа.

Настя подошла к окну. На улице — проливной дождь.

— Знаешь, Борь... Сегодня мне снилась мама. Сказала, что у нас родится девочка, и она будет похожа на меня. Мама почему-то заплакала, потом что-то добавила, что-то важное, но я не расслышала. И её куда-то позвали, а я проснулась...

Я подошёл к Насте и крепко её обнял.

— Дорогая, ты не имеешь права думать о плохом! Моя дочь будет самой красивой, самой умной, самой счастливой, самой богатой! Всё, что от тебя сейчас требуется, так это беречь себя! Моя девочка должна родиться здоровой, поэтому ты не имеешь права волноваться! Теперь ты должна жить ради неё!

— Да-да, — произнесла Настя, поворачиваясь ко мне лицом.

Она слишком сильно любила меня, чтобы думать о том, что будет после, — как-нибудь само собой образуется.

Всё это время я был с Настюшей необычайно ласков и заботлив, превратив месяцы ожидания дочери в настоящую

сказку. А Настя мечтала, как я приеду к ним в роддом и возьму Танюшку на руки, как мы будем ходить гулять в парк, а потом... Настя очень любила море и хотела, чтобы однажды, когда-нибудь, я отвёз их отдыхать на далёкий-далёкий остров, где мы будем втроём, вместе, и обязательно — счастливы...

Танюша любила море, поэтому мы всегда брали её с собой в отпуск на экзотические острова. Именно там, на далёком острове, когда мы отмечали очередной Танюшин день рождения — 10 лет, ей впервые приснился сон, о котором она нам так ничего и не рассказала. Помню, дочь выглядела подавленной. Мне надо было обратить на это внимание и всё-таки расспросить её...

Я отвёз Настю в платный роддом к своему знакомому врачу, где после многочисленных обследований решили, что нужно делать кесарево сечение. Я держал Настюшу за руку, прощаясь:

— Всё будет хорошо! Вот увидишь! Ты не должна волноваться! Я буду рядом и во время операции, и потом, когда всё закончится... Не переживай, дорогая! Я сделаю всё, чтобы моя девочка стала счастливой!

— Сегодня мне снова снилась мама, — задумчиво произнесла Настя. — Она сказала, что уже слишком поздно и всё предрешено...

Мне стало не по себе, но я произнёс:

— Пора, ступай! Моя дочь никогда ни в чём не будет нуждаться! Обещаю, запомни эти слова! И... спасибо тебе!

Я помню, как Настя уходила от меня по длинному-предлинному коридору...

Гости уже разошлись. И слава Богу, что разошлись! Танюша безобразно себя вела! Одного из олигархов, от которого в тот момент зависела моя финансовая стабильность и, собственно, Танюшино будущее, а также будущее её детей и внуков, она обозвала «жирной свиньёй»! И ладно бы, сказала это шутя, по-детски, так нет! — в её интонации прозвучала ярко выраженная злость, ненависть, которых в ней раньше и в помине не было! Сына известного политика Танюша со всей силой ударила книжкой по голове, когда тот, засмеявшись, сказал, что призраков не существует! А потом, в ходе непринуждённой беседы у камина, я даже и не помню, о чём именно шла речь, поскольку все мы уже изрядно выпили, Таня вдруг изменилась в лице и, обращая ко мне, громко и отчётливо произнесла:

— Ты никогда не любил мою маму!

Жена, которая в тот момент зашла в комнату, услышала эту фразу. Чтобы хоть как-то оправдаться перед гостями за столь бестактное поведение Тани, она покачала головой, выжав из себя улыбку, и развела руками:

— Переходный возраст...

В тот вечер в квартире Насти раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, — произнёс стальной голос в трубке. — Я должен сообщить Вам... Даже не знаю, как сказать. Ваша жена умерла на операционном столе.

— А ребёнок?

— Мы сделали всё возможное, но... ребёнок родился мёртвым...

Мы жили в элитном пентхаусе дорогущего небоскрёба. После ухода гостей жена отправилась на кухню, а я поднялся в комнату Танюши на второй этаж. Дверь на балкон, вернее, «на крышу», как говорила Таня, была приоткрыта. Шёл дождь. Она стояла в дальнем углу.

— Тань... — окликнул я её.

Она повернулась и остановила меня жестом:

— Не подходи ко мне, пап! Она приснилась мне сегодня снова.

— Кто? — спросил я, ещё ничего не понимая.

— Мама... МОЯ мама. Она рассказала мне правду... Сколько ты заплатил своему другу-врачу, чтобы убить её и объявить меня «мёртвой»? А кого убили и похоронили тогда вместо меня? Ты даже не явился на похороны, папа, а её муж каждый год в мой день рождения заказывает сорокоуст за упокой моей души! Если бы она знала, как ты поступишь,

она бы выбросилась из окна. Я сделаю это за неё!

Внезапно я протрезвел, метнулся к Танюше, чтобы остановить, но не успел, поскользнувшись. В тот день ей навсегда исполнилось 12 лет...

февраль 2000

6. Кофе

Я сидела в офисе и сочиняла важное письмо, когда в очередной раз зазвонил телефон. Взволнованный женский голос попросил Владислава Петровича.

— Простите, а кто его спрашивает? — поинтересовалась я.

— Жена...

Я попыталась не выдать своего удивления и сохранить хотя бы внешнее спокойствие. Во-первых, она всегда звонила ему на мобильный, никогда — на городской. Во-вторых, сегодня всю первую половину дня Влад находился на переговорах в банке. Разве она не знала? Но времени на размышления не было.

— Здравствуйте, Марина! Это Вика. Владислав Петрович — в банке. Не уверена, что он появится в офисе. Что-то случилось?

— Да, — всё так же взволнованно произнесла она. — Я звонила ему на мобильный, но телефон отключен. Оставила сообщение на автоответчике. У нас в квартире сработала сигнализация. Мне страшно!

— Переговоры закончатся не раньше обеда, но Владислав Петрович обязательно прослушает Ваше сообщение. Я, конечно, тоже могу позвонить, но, если телефон отключен...

— Мне так страшно, Вика! Не могли бы Вы подойти пря-

мо сейчас? Пожалуйста!

— Хорошо, — нехотя согласилась я: они жили в паре минут от офиса и сопротивляться было б себе дороже.

— Жду Вас у подъезда! Спасибо! — Марина облегчённо выдохнула.

Я позвонила Владу, но включился автоответчик.

«Звонила твоя жена. Попросила срочно прийти к вам домой. Ну... я пошла...»

... — Здравствуйте, Вика! Мне очень неловко, но я встретила нашего соседа, и он помог мне разобраться с проклятой сигнализацией! В общем, всё хорошо, она просто случайно сработала! Простите, что оторвала Вас от дел!

— Ничего страшного, рада, что всё обошлось! Честно говоря, я не очень-то разбираюсь в сигнализациях, — выдохнула я и уже собралась развернуться и уйти, как Марина остановила меня.

— Вика, мне неудобно! Зайдите хоть ненадолго! Попью кофе! Я Вас чем-нибудь вкусненьким угощу! — улыбаясь, предложила она.

— Нет-нет, мне надо в офис! — произнесла я, выжимая улыбку в ответ.

— Офис подождёт! Тем более, начальство — в банке! Пойдёмте-пойдёмте! Я Вас теперь так просто не отпущу!

Я не очень-то горела желанием заходить в их дом, хотя никогда раньше там не бывала. Ещё больше меня смущала перспектива предстоящего разговора. Пару лет назад, когда

мы с Мариной познакомились, я попыталась пообщаться с ней на общие темы, но, как выяснилось, и на них-то говорить нам особо было не о чем, к тому же я боялась сказать что-то «не в кассу», поэтому в итоге мы пили кофе молча.

Но она буквально втащила меня в подъезд. Мы зашли в квартиру. Марина пригласила меня на кухню. Я без особого интереса осматривала коллекцию сувениров на открытых полках, пока она варила кофе.

— Как у ВАС дела? — внезапно прервала тишину Марина.

«Интересно, кого она имеет в виду, произнося местоимение „вас“?» — мелькнуло у меня в голове, но я попыталась отреагировать нейтрально:

— Да всё — как обычно.

— Влад сказал, что намечается командировка в Финляндию?

— Да, но даты пока не определены.

Мы присели за кухонный столик. Марина молча предложила чокнуться чашками. Я не сопротивлялась.

— А когда должны закончиться переговоры? — уточнила она, сделав первый глоток и бросив взгляд на часы.

— Не знаю, но, наверно, уже скоро, — ответила я и почувствовала резкую боль в желудке, в очередной раз вспомнив о совете врачей забыть про замечательный напиток.

— Вика, а ты веришь в жизнь после смерти? — внезапно спросила Марина, переходя на «ты» и подхватывая меня,

уже теряющую сознание от боли. — Пойдём со мной!

Боль оставила меня так же резко, как и появилась.

Я поднялась с пола и проследовала за Мариной в гостиную. Встав у окна, она произнесла, не глядя мне в глаза:

— Теперь уже нечего бояться и терять. Зачем он тебе был нужен?

— Я не знаю, что Вам ответить...

Я знала, что ей ответить. Я любила Влада. Не за что-то. И именно поэтому мне было всё равно, в каком статусе находиться с ним рядом. Любил ли Влад меня? Большой вопрос. Но я никогда не просила его развестись с женой, понимая, что он к ней привык. Я не желала им зла.

— Бог всё видит, Викуся. Он должен был наказать вас обоих. Знала б ты, как я тебя ненавижу! Но Бог простит меня! Простит за то, что я сделала, — Марина стала всхлипывать, как маленький ребёнок.

— А что Вы сделали? — удивилась я и от нехорошего предчувствия тут же мысленно обратилась к Владу: «Пожалуйста, приезжай сюда побыстрее! Твоя Марина меня сейчас съест!»

— Я знала, что он не расстанется с тобой! Да, я никогда его не любила, это был брак по расчёту, но он не имел права! Не имел!!!

— Успокойтесь, пожалуйста, — я не знала, что следует говорить в таких случаях.

— Я не могла так жить! Не могла! Он должен был поте-

рять нас обеих!!!

Внезапно мы услышали стремительные шаги на лестнице, хлопнула входная дверь, и раздался крик запыхавшегося Влада:

— Вика, Вика!!! Ты здесь?

Марина застыла в молчании, повернувшись к окну, а я выбежала в коридор:

— Как хорошо, что ты приехал!

Влад будто не слышал меня, быстрыми шагами направляясь на кухню.

— Мы — здесь! — снова крикнула я, но Влад даже не обернулся, замерев у приоткрытой двери.

— Марина!!! Как ты могла! — воскликнул он, не поворачиваясь ко мне.

— Бог должен меня простить! — холодно произнесла она, подойдя к нам.

Я стояла между ними и тщетно пыталась понять, что же произошло. Влад развернулся, хлопнув перед моим носом дверью на кухню, и, не обращая на нас никакого внимания, стал ходить взад-вперёд по коридору, судорожно набирая чей-то номер на телефоне.

— Влад, что случилось?! — переспросила я.

— Я всё рассчитала, — произнесла Марина, похлопав мужа по плечу. — Уже слишком поздно.

— Это «скорая»?! — крикнул Влад, дозвонившись.

— Какая ещё «скорая»?! — крикнула я ему на ухо. — Что

с тобой?

— Он не слышит нас, — констатировала Марина. — Но жизнь после смерти всё-таки существует...

май 2002

7. Ночной гость

Дверь закрылась, и Юля снова осталась одна. В ночи. Тет-а-тет с призраками. Казалось, даже самые яркие лампы не в состоянии осветить всех уголков такой огромной и уже полупустой квартиры.

Проходя по коридору, Юля слышала привычные шаги у себя за спиной. Она замерла на мгновение, а потом побежала на кухню, закрыла дверь на крючок и решила позвонить живущему в соседнем доме брату-близнецу своего мужа — Диме.

— Привет! — тот был приятно удивлён.

— Послушай, ты очень занят?

— Нет, а что?

— Ты не мог бы... зайти?

— Что-то случилось?

— Нет... — неуверенно ответила Юля, и ей снова послышался скрип половиц за дверью.

— А почему ты говоришь шёпотом?

...Они пили чай на кухне.

— В этой квартире живут призраки, — произнесла Юля.

— Хочешь, я поговорю с братом? — предложил Дима.

— Бесполезно... Сашка в очередной раз лишь посмеётся надо мной! Я уже говорила ему, что боюсь оставаться одна по ночам. Эти тени и шаги...

— Ладно, значит, я буду приходить к тебе и охранять твой покой, как верный пёс. Если захочешь...

— Что мне делать? — спросила Юля у мужа.

— Ложись спать, когда я ухожу, — пробурчал он. — Мне надо сейчас поработать по ночам, но это — временное явление, ведь мы скоро уедем в Канаду. Ты же сама мечтала об эмиграции. Потерпи ещё чуть-чуть. Я не готов отказаться от выгодного предложения только из-за того, что моя жена наивно верит в существование загробного мира!

— Если ты меня любишь...

— Не вижу причины для страхов, кроме одной: твоё богатое воображение! Призраков не существует! И в этой квартире по ночам нет никого, за исключением тебя... и меня...

Юля протянула Диме дубликат ключей.

— Возьми, пожалуйста. На всякий случай... Мало ли что?

Он взял ключи и как-то странно на неё посмотрел.

— Ты тоже считаешь, что я — сумасшедшая?

— Нет... Поедем, покатаемся по ночному городу! Тебе надо развеяться...

Рядом с Димой Юля чувствовала себя «как за каменной стеной».

Дима не без труда вспомнил телефон брата. Так получилось, что они уже давно не общались, но внезапно появилась

серьёзная причина для звонка — решить вопрос, связанный с могилой их матери. В завершении разговора Дима спросил:

— А ты в курсе, что Юлю замучили призраки в вашей квартире?

— И ты туда же! Подумать только! С каких это пор ты веришь в призраков? Все её бредни об аномальных явлениях, отрицательной энергии и прочих потусторонних штучках ничем и никем не обоснованы! Где факты? Предоставь хоть один, и мы продолжим этот разговор!

— Но ты говорил, что у неё — больное сердце...

— Предлагаешь мне бросить работу и поменять квартиру за месяц до отъезда?

Дима ухмыльнулся. Необычная мысль пришла ему в голову.

Оставалась неделя до вылета в Канаду. Они уже ложились спать, когда раздался телефонный звонок.

— Что за чёрт! — выругался Саша, положив трубку. — Меня зачем-то срочно вызывают в офис! Извини... Скоро вернусь... Потерпи ещё немножко! Обещаю, что это в последний раз!

— В последний раз... — повторила Юля тихим эхом.

Саша уехал в полночь. Засыпать одной в квартире было страшно. Юля пошла на кухню, чтобы вскипятить чайник. Внезапно послышались шаги. Юля автоматически схватила телефон и набрала Диму.

Они сидели за кухонным столом, друг напротив друга.

— Послушай, — произнёс Дима, глядя ей в глаза. — Я не хочу, чтобы ты уезжала... Останься, пожалуйста... Ты нужна мне... Я не могу тебя отпустить...

Юля удивлённо посмотрела на него:

— Я люблю... твоего брата...

Дима взял её за руку и мягко произнёс, гипнотизируя взглядом:

— Тебе это лишь кажется, от любви к нему уже давно ничего не осталось. Ты просто боишься признаться себе в этом.

— Нет, я люблю его, а он — меня, — неуверенно произнесла Юля.

— Разве он оставлял бы тебя одну по ночам в этой проклятой квартире, если бы любил?! Это я был рядом с тобой, а не он. Я приходил сюда каждый раз, когда он бросал тебя на произвол призраков. Что же тогда, по-твоему, есть любовь?

— Мы уезжаем, Дима, — Юля резко встала и подошла к окну. — И всё останется в прошлом. Твой брат добился в жизни большего, чем ты, и в тебе просто говорит зависть!

— Хорошо, тогда я, пожалуй, пойду...

Юля обернулась. Ей не хотелось, чтобы он уходил, но...

В дверях Дима остановился и зловещим шёпотом произнёс:

— А я верю в призраков... Очень даже верю! Почему ты всё время от них убегаешь? Ты никогда не задумывалась,

может, они хотели сказать тебе что-нибудь важное? Предостеречь от чего-то? Например, от переезда в другую страну? Может, они пытались как-то изменить твою жизнь?... К лучшему, разумеется... Но ты сама сделала свой выбор... Прощай...

Вскоре после его ухода Юля, читая в спальне книгу-путеводитель по Канаде, чтобы отвлечься от мыслей про призраков, услышала, как кто-то открыл ключами входную дверь. В коридоре послышались шаги. Юля вжалась в кресло и посмотрела в зеркало, висящее на противоположной стене.

— Саш, это ты? — пересилив себя, крикнула она.

Никто не ответил. Но в зеркале Юля заметила медленно открывающуюся дверь в спальню и...

...Когда Саша вернулся домой, Юля лежала на полу с широко раскрытыми от ужаса глазами. Врач констатировал, что смерть наступила от разрыва сердца.

— Что-то, вероятно, очень сильно напугало её, — предположил врач. — Вас не было дома в тот момент?

— Я поехал в офис. Кто-то позвонил, сказал, что надо срочно приехать... Но во мне не было никакой нужды... Этот кто-то просто ошибся номером...

февраль 1998

8. Межгалактический Союз Писателей

Путь к моей славе был достаточно лёгок — мне несказанно повезло!

Однако началось всё с того, что родился я исключительно уродливым и невысоким. Моя сестра-близнец, Майя, напротив, получилась симпатичной, да и невысокий рост для девочки — скорее плюс, чем минус. Майя нравилась всем. От меня воротили нос. Как я ни пытался понравиться людям, обратить на них своё внимание — тщетно. Даже тяжеленная обувь на толстенной подошве не прибавляла мне ни весу, ни росту.

Так я и стал писателем — завёл себе жилетку в виде дневника, которому доверял интимные страдания от невзаимности, но после пришедшей на ум первой же рифмы переобулся в поэта. Вскоре я обнаружил, что в Интернете есть масса сайтов, где можно разместить свои шедевры. В итоге, после мучительных качелек между «за» и «против», ведь тогда я ещё не был уверен в отменном качестве собственных произведений, всё-таки зарегистрировался, выложил фотку какого-то красавчика и... первый стих под названием «Непризнанный гений, или Отверженный».

Невероятно, но на меня мгновенно обрушился шквал положительных откликов с признаниями в любви от женщин

совершенно разных возрастов, мастей и калибра!

Меня стали приглашать на мероприятия в литературные объединения и кружки, на выступления в музеи, библиотеки, школы и даже в детские сады, чего поначалу я, естественно, стеснялся, поскольку фотка безымянного красавца, выложенная мной в Интернете, кардинально отличалась от моего отражения в зеркале.

Но Пушкин, знаете ли, тоже был внешностью на любителя...

И вот я оказался на сцене! И залы зарукоплескали! Женщины просили книжку с автографом, сочиняли и пели песни на мои стихи, прижимались ко мне на коллективных фотграфиях и всячески намекали, что не прочь познакомиться поближе. Впрочем, мужчин в ЛИТО не наблюдалось, за исключением редких пенсионеров и хронических алкоголиков, на фоне которых я выглядел сказочным принцем. И да, мне это нравилось! Не то, что дома, среди родственников, или в офисе на работе...

Вскоре одна из влюблённых в меня пенсионерок дала мне рекомендацию для вступления в Союз писателей нашего города, я напечатал две книжки «избранного», подал вместе с рекомендацией на рассмотрение в приёмную комиссию, и... меня приняли! Приняли! Да! Сказав, что мои тексты потрясли их до глубины души, особенно стихотворение «Непризнанный гений, или Отверженный».

Однако вторая влюблённая в меня старушка приревнова-

ла к первой и пригласила вступить в городской Союз писателей. Вы спросите: в чём разница между городским Союзом писателей и Союзом писателей нашего города? Я до сих пор и сам не понял, но старушка сказала, что городской выше котируется, а я достоин самого лучшего!

Так, в течение пяти лет меня приняли во все существующие литературные объединения и Союзы писателей, чьи штаб-квартиры были расположены в нашем городе и на его окраинах, каждый из которых считал себя гораздо круче всех остальных вместе взятых.

Я послушно платил ежегодные взносы. И всё чаще получал письма с номинациями на многочисленные конкурсы, в которых всегда... побеждал! При этом традиционно каждая подборка моих стихов для какого бы то ни было конкурса начиналась с «Непризнанного гения, или Отверженного», уже 100-процентно проверенного шедевра, моей визитной карточки в современной поэзии... Да и в литературе, чего уж тут скрывать, ведь «Непризнанный гений» был удостоен не только премии имени Александра Сергеевича Пушкина, но и стал победителем конкурсов имени Льва Толстого, Николая Гоголя и Антона Павловича Чехова! Я, конечно, предлагал организаторам конкурсов рассмотреть на «прозаические» премии дневниковую прозу вместо стихов, но меня тут же заверили, что моя поэзия настолько масштабна и глубока, что самые великие прозаики мира с радостью вручили бы мне все свои ордена и медали! После этих слов я наконец-то

отбросил последние сомнения в себе!

За пять лет вращения в литературных кругах на моём пиджаке не осталось свободного места! Он блестел золотом, приятно позвенькивал славой и, как магнитом, притягивал практически всех без исключения женщин из литературных кругов. А однажды я пришёл в этом пиджаке в офис на корпоратив. И — о да! Это была моя минута славы!

Лишь глупенькая Майя смеялась надо мной! Считала, что мои стихи по смыслу — никчёмны, а их рифмы безобразны! Что Толстой, Гоголь и Чехов вместе с Пушкиным и иже с ними уже давно мечтают встретиться со мной на Том Свете, чтобы отправить в Ад на сковородку, потому что их награды выдаются не за качество произведений и не мне одному, а за деньги и всем желающим.

Я пытался объяснить сестре, что мы живём в коммерческом обществе, союзы писателей государством давно не финансируются, поэтому те вынуждены поощрять авторов за счёт авторов. А победы в национальных конкурсах и правительственные награды раздаются только «своим», да и, наверняка, стоят гораздо дороже. Но Майя не поленилась и подсчитала, сколько денег я потратил на литературную деятельность за пять лет, и заверила: коттедж на море в Европе стоит гораздо дешевле!

Европа... А ведь Майя была права: пора покорять и Европу, а затем — Азию, и... весь мир! И — не поверите! — но я нашёл Союз европейских писателей, а следом — Союз писа-

телей Азии, Союз писателей Евразии, а после — Союз писателей Северной и Южной Америк, Канады, Мексики, Бразилии, Перу, острова Пасхи и островов Фиджи, Папуа и Новой Гвинеи, Антарктики и Арктики...

В итоге за очередную пятилетку я добрался до Северного и Южного Полюсов!

Да! Я стал мировым поэтом! Количество орденов и медалей не помещалось уже и на десяти пиджаках, а про дипломы и говорить нечего! Каждую новую награду я выкладывал на свои страницы в соц. сетях и получал всё большее количество лайков от других поэтов и писателей, которые следом за мной покоряли уже покорённые мною вершины. Я чувствовал себя первооткрывателем! Первопроходцем! Полководцем современной поэзии и... что уж скрывать! — настоящим Богом Литературного Олимпа.

В то же время я отслеживал дипломы и награды конкурентов, и едва выискивал что-то новенькое, сразу же отправлял «Непризнанного гения» на очередной конкурс и... побеждал! Весь мир лежал у моих строк!

На тот момент я издал уже более ста авторских книг и продолжал писать ещё и ещё! Каждый день — по несколько стихотворений! Да, и вдохновение тут ни при чём! Творец должен творить постоянно, не останавливаясь! Поэзия — это труд! Ежедневный. Упорный. Как работа шахтёра или учителя. Или врача. Не хочешь писать? А надо, дружок! Садись и пиши! Это же твоё предназначение на Земле. Выбери

время — например, каждый день с 22:00 до 24:00, и флаг тебе в руки! «Ни дня без строки!» — вот девиз настоящего поэта и писателя.

Одна лишь Майя не признавала моей величины. Она уже даже не смеялась, а просто перестала со мной общаться... Что ж, жаль! Конечно, зависть — плохое чувство, но я простил Майю заранее. Она же — моя сестра. Пусть завидует на здоровье! Майя, правда, купила себе квартиру в Майями, но для меня важнее — признание! Я — гений, а она — просто Майя, и её имя, кстати, переводится с санскрита как «иллюзия»!

Пока я размышлял, куда бы теперь податься, чтобы покорить Марс или Венеру, в моей жизни произошло событие, которому я тогда не придал значения. На очередной тусовке в Центральном Доме Литераторов, куда меня пригласили почитать стихи две очаровательные леди из ЛИТО «Божий одуванчик», появился некто Илья Книжников. Он вышел к микрофону, представился главой только что зарегистрированного им Союза Читателей (!) и пригласил всех желающих подать заявку на вступление. Никаких взносов платить не требовалось, но обязательным условием для члена Союза являлось прочтение им не менее одной книги в год и написание на неё рецензии объёмом не более одной страницы.

Ничего себе! Вот это наглость! Я вышел к микрофону и высказал своё «фи» господину Книжникову. Мы, здесь собравшиеся, поэты и писатели, рождены, чтобы писать, а не

читать! Это нас, заслуженных и удостоенных, великих орденосцев и медалистов, победителей и лауреатов, обязаны изучать все остальные, те, кто не присутствует сейчас в этом зале! Ведь на заседания ЛИТО, выступления в библиотеках и школах, на концерты поэтов и литераторов в наши-то времена приходят лишь такие же, как и мы сами, поэты и литераторы! Читатели и простые слушатели уже лет сто как сидят дома!

Зал поддержал моё «фи» бурными аплодисментами и криками «браво!», но Книжников попытался возразить, что сегодня расплодилось невероятное количество Союзов писателей, поскольку каждый, имеющий страницу хотя бы в одной из соц. сетей и умеющий писать как минимум своё ФИО, считает себя писателем. А вот, судя по отчётам издателей, книги перестали покупать, а значит, и читать. Мол, именно поэтому, для поддержания интереса к книгам, он, Книжников, и решил создать первый и единственный в мире Союз Читателей.

Дискуссия грозила перерасти в острый конфликт. Я предложил Книжникову для начала прочитать мои книги и демонстративно покинул ЦДЛ. За мной проследовали и все остальные, кроме самого Книжникова.

Прошёл год. На очередном вечере в ЛИТО «Стишата-Кукушата» я узнал, что в Союз Читателей никто так и не вступил. Зато... в соц. сетях появился очередной Союз Писателей!

И на этот раз — Межгалактический!

О! Я возликовал: «Держись, Майя! Теперь ты просто обязана умереть от зависти!»

Мне сообщили адрес сайта, на котором я ознакомился с условиями приёма в Союз и со списком конкурсов на предстоящее десятилетие — каждым годом заведовала своя Межгалактическая Комиссия, выдающая премии имени одной из планет Солнечной Системы, близлежащих к ней Созвездий, спутников и не только.

За ночь я подготовил подборку своих стихов, первым из которых, естественно, шёл «Непризнанный гений», и благополучно отправил Межгалактической Комиссии на рассмотрение. Одновременно подал заявку и на вступление в Союз.

Каково же было моё удивление, когда мне пришёл ответ, из которого следовало, что моим произведениям отказано даже в номинации на премию, а мне самому — в приёме в Союз!

«Ну уж нет! Я этого так не оставлю!» — решил я и вместо продолжения переписки отправился напрямик в офис Союза.

Секретарша вежливо выслушала моё требование личной встречи с самым главным в Межгалактическом Союзе и проводила меня в комнату для переговоров.

Через пару минут дверь распахнулась и в переговорную вошёл... Книжников!

— Вы?! — удивился я.

— Здравствуйте! — спокойно произнёс Книжников. —
Какими судьбами?

Я передал ему распечатку своих произведений, начинающуюся с шедеврального «Непризнанного гения», и сказал, что мне отказали не только в получении премии имени Солнца, но и в самой номинации, как, впрочем, и в приёме в Межгалактический Союз.

— По какому такому праву? Со мной! Так! — воскликнул я в завершении. — Вы сами-то читали мои стихи?!

— Конечно, — внезапно ответил Книжников. — Я прочитал Вашу книгу. Ещё тогда, когда в ЦДЛ Вы предложили мне ознакомиться с Вашим творчеством.

— И?! — я ожидал восхищения.

— Вы — обычный графоман.

— Да Вы в своём уме?! — закричал я, вскочив из-за стола. — Как Вы смеете меня оскорблять?! Мой «Непризнанный гений» получил миллиард премий всех существующих на сегодняшний день Союзов писателей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.